

Андрей Буторин

Перевоспитание,
или
Как становятся ведьмами

Жила-была самая обыкновенная девочка Катя. И вдруг – бац! – появилась еще Катерина, точная Катина копия, если не брать во внимание ее отвратительное поведение и тот небольшой нюанс, что Катерина, в общем-то... ведьма.

Теперь перед Катей стоит непростая задача: перевоспитать юную ведьмочку. И пока этого не случится, ее собственным мыслям и чувствам придется немного потесниться, ведь сознание Катерины будет жить у нее в голове.

Андрей Буторин

Перевоспитание, или Как становятся ведьмами

(Фантастическая повесть)

Глава первая, в которой Катя знакомится с «сестренкой» и Катипапом

– Все до Мохановки? – пробежал глазами по салону водитель. Ответа он не дождался, кивнул, уселся за руль и тронул автобус с места.

Удивительно, подумала Катя, почему люди задают такие неправильные вопросы? Нет, конечно, все бывает: можно по ошибке сесть в автобус, который идет не до Мохановки, а из нее – на табличке-то «Мохановка – Красоткино» написано, что в одну, что в другую сторону, и кто подсаживается в Лосинке, вполне может ошибиться. И водитель молодец, что волнуется за таких перепутанцев. Но спросить-то надо было: «Кто собрался ехать в Красоткино?», тогда тот, кто сел не в свой автобус, сказал бы: «Я!» и вышел. А на вопрос, который задал водитель, ответить невозможно, ведь даже если сам ты точно едешь до Мохановки, не можешь сказать «да», поскольку не знаешь того же об остальных пассажирах, каждый из которых рассуждает примерно так же.

Собственно, на подобные вещи можно не обращать внимания, ведь все равно всем понятно, что имелось в виду, но Катя была вот такой; ей во всем и всегда хотелось точности и правильности. Тем кошмарней ей было лгать маме насчет этой поездки – ложь Катя просто не выносила! Но тут был такой случай, когда ничего не поделаешь. Ехать нужно, и ехать надо одной, а одну, скажи она правду, ее бы ни за что непустили. Вот и пришлось наплести с три короба про школьную экскурсию в краеведческий музей. Тот и впрямь находился в поселке Мохановка, но это было лишь единственной каплей правды в море Катиной лжи. Тем более, в сам поселок она ехать не собиралась. Ей нужно было выходить раньше. Где именно, зачем, почему нужно – Катя и сама не знала. Но, странное дело, она почему-то об этом особо и не задумывалась. Просто знала: надо. Обязательно!

Насчет того, что мама станет звонить в школу или одноклассникам, чтобы проверить, правду ли она ей сказала, Катя не беспокоилась. Мама настолько привыкла ей доверять, что мысль об обмане просто не могла прийти ей в голову. К тому же, Катя пообещала часто звонить, что она во время остановки в Лосинке и сделала.

Автобус проехал после этого почти час, когда Катя вдруг поняла: пора!

– Остановите, пожалуйста! – крикнула она водителю.

Автобус сбавил ход и съехал на обочину.

– Только по-быстрому, – буркнул водитель шмыгнувшей в открытую дверь Кате.

– Нет, вы езжайте, – покраснела та, – я уже приехала.

– Куда приехала? – заморгал водитель. – Кругом лес на сотню верст!

Вокруг и правда был один лес. Густой и мрачный. Впрочем, Катя не успела ни удивиться, ни испугаться; она снова почувствовала, что ей нужно именно сюда. Но водителю это говорить не стоило. И ей второй раз за день пришлось солгать.

– У меня тут родители грибы собирают, – быстро сказала она, мысленно умоляя водителя поверить ей. – Они позвонили, чтобы я приехала... – Катя вынула из кармана телефон и, словно это являлось неоспоримым доказательством, показала его мужчине: – Вот!

Странно, но водитель не стал с ней спорить.

– Конечно, – сказал он вдруг необычно размеренным тоном. – Тебя ждут. Ты приехала.

Двери закрылись, и автобус покатило дальше. На Катю обрушилась тишина – такая осязаемо-вязкая, что захотелось развести ее руками. Лишь удаляющийся комариный писк мотора подсказывал Кате, что мир в одночасье не онемел. Но удивительным было другое: здесь не было слышно настоящих комаров, которых ранней осенью в лесу должно быть навалом. И пения птиц здесь не было слышно. И даже ветер не шелестел листьями.

На мгновение Кате стало жутко. Но уже в следующее она знала, что все в порядке, а еще через миг она увидела и уходящую в чащу тропинку, к которой, будто сами, ее поднесли ноги.

Сколько времени она шла по тропинке, Катя потом вспомнить не могла, она словно спала на ходу. Из оцепенения ее вывел звонок мобильного. Она тряхнула головой и поднесла телефон к уху.

– Екатерина! – с укоризной сказала ей мама. – Ты почему не звонишь?

– Ой, мамочка, я забыла! – закусила губу Катя. – Прости, а? Тут так интересно.

– Вы уже в музее?

– Да.

– Домой скоро?

– Я точно не знаю, наверное, да... – Она еще сильнее вонзила в губу зубы. Ей было очень стыдно.

Вероятно, мама что-то почувствовала в ее голосе. Она вдруг заволновалась:

– А кто с вами? Татьяна Анатольевна?

– Нет, Игорь Васильевич, – почему-то ответила Катя.

– Но он же не историк, а физик!

– Ну и что...

– А ну-ка, дай ему трубку, – сухо сказала мама.

Катя замерла в предчувствии назревающего скандала. Но тут ее руки коснулись чьи-то холодные шершавые пальцы и потянули из нее телефон. Катя дернулась и собралась завизжать, но голос отказался ей подчиняться. Ноги, словно окружавшие ее деревья, тоже будто вросли корнями в землю. Лишь зрение и слух продолжали работать. И сначала она увидела нелепого, худющего как сухое дерево мужчину в мятом костюме, изжеванном галстук и дырявой шляпе, а потом услышала его голос, поразивший ее еще больше. Это был голос их учителя физики Игоря Васильевича!

– Валентина Ивановна? – сказал он в трубку. – Добрый день. С Екатериной все в порядке, не волнуйтесь. – Потом он ненадолго замолчал, улыбаясь и кивая, и заговорил снова: – Мы здесь пробудем еще часа два. Да-да, конечно, пообедаем. Дома мы будем часам к семи-восьми вечера. Не волнуйтесь, все будет в порядке.

Мужчина перестал улыбаться и протянул телефон Кате.

– Пойдем, – сказал он и зашагал вперед по тропинке. – Не отставай. Уже скоро.

– Что скоро? – прошевелила губами Катя, но мужчина услышал и, не оборачиваясь, ответил:

– Мое логово.

– Л-логово?.. – Тронувшиеся было вслед за мужчиной ноги опять задеревенели.

– Ну, дом, – тоже остановился и обернулся к ней странный незнакомец. – Дворец, обитель. Как хочешь, так и называй. Пойдем.

«Обитель злых духов» – откуда-то выплыло в Катиной памяти. Наверное, она произнесла это вслух, потому что мужчина опять улыбнулся и кивнул:

– Почти в точку. Хотя зло – понятие относительное. Пошли.

Катины ноги снова задвигались, причем, делали они это будто бы действительно сами, помимо Катиной воли. Зато к ее мыслям наконец-то вернулось их обычное, без чужого влияния, состояние. И первым же делом их затопило волной ужаса.

– Куда вы меня ведете?! – закричала Катя. – Кто вы такой? Что вам от меня нужно?!

– Я же сказал: я веду тебя в свое ло... в жилище. Кто я такой, ты скоро узнаешь. Боюсь говорить тебе это сейчас, ты и без того излишне взволнована. – Мужчина, продолжая споро шагать по тропинке, говорил это все ровным, и впрямь словно учительским тоном, хотя его голос уже не был похож на голос Игоря Васильевича. – А нужно мне от тебя, чтобы ты образумила мою дочь. Так сказать, обучила ее хорошим манерам.

– Вашу дочь? Образумила? Я?.. – Катя так удивилась, что даже забыла бояться. – Но как? И кто она, ваша дочь?

– Разумеется, ведьма, – ответил мужчина. Быстро обернулся и виновато произнес: – Приношу свои извинения. Нечаянно раскрыл свое инкогнито ранее намеченного срока. Впрочем, мы уже пришли.

Катя настолько была обескуражена услышанным и увиденным за последние несколько минут, что не могла больше удивляться, когда мужчина по-вороньи каркнул и большая старая сосна, росшая прямо посреди тропы, приподняла вдруг размашистые корни, открывая большой черный лаз.

– Прошу, – протянул в его сторону ладонь незнакомец, любезно при этом поклонившись Кате.

Она безропотно шагнула в темноту. Впрочем, та скоро рассеялась, и Катя увидела, что находится в просторном зале с обшитыми деревом стенами. Довольно яркий свет исходил от ползающих по стенам и потолку созданий, напоминающих больших, почти с ее кулак, улиток.

– Присаживайся, – снял шляпу мужчина и кивнул на широкую и длинную, с резной спинкой, деревянную лавку, стоявшую возле такого же длинного стола. – Сейчас я позову Екатерину, пообедаем, а заодно и поговорим.

– Екатерину? – вновь вернулась к ней способность удивляться.

– Разумеется, – кивнул мужчина. – Было бы странно, если бы вас звали по-разному.

– Почему?

– Потому что вы пространственно-ментально конгруэнтны. Образно выражаясь, вы разные ментально-эмпирические проекции одного субреального объекта. Или надреального, в иной трактовке. Впрочем, данное объяснение предельно упрощено, сведено до низшего уровня примитивизма, что не всегда способствует правильности понимания явлений. Но, тем не менее, с равной степенью близости к абсолютной истине, каковой, как ты понимаешь, не бывает по сути, данный объект можно также назвать внереальным, равно как и сверхреальным. В любом случае, его начальные координаты находятся вне зоны досягаемости твоего ограниченного рамками данной реальности сознания. Моего, впрочем, тоже.

– Игорь Василь... Ой, то есть... – захлопала ресницами Катя. – Что вы сейчас сказали? Мы это еще не проходили.

– И не пройдете, – сказал хозяин логова. – Это никто не пройдет. Поскольку объять необъятное... Впрочем, прошу прощения, я и впрямь что-то заговорился. Кстати, можешь звать меня Катипапом.

– Потому что вы Катин папа?

– Не только, – немного подумав, сказал Катипап. – Скорее, наоборот. Но не стоит углубляться, иначе мы снова завязнем в псевдологических противоречиях.

– Не стоит! – поспешила согласиться с ним Катя. – А где ваша дочь?

– Тута я! – послышался вдруг из-под стола задорный девичий хохот. Затем оттуда выбралась и его обладательница. – Здорово тебя папа нагрузил? Он и сам-то ничего не понимает из того, что сейчас наболтал.

– Екатерина! – всплеснул руками Катипап. – Ну разве так можно!.. – Он обернулся к Кате и опять развел руками: – Вот видишь! Я же говорил.

А Катя во все глаза смотрела на свою... чего-то-там-какую-то проекцию, и глаза эти становились все больше и больше, а потом от изумления раскрылся и рот. Изумляться было чему: она видела перед собой собственное отражение! Разве что одето оно было не в ветровку и

джинсы, а в такое же драное и мятое, как пиджак Катипапа, платье непонятного серо-бурого цвета. Зато девчонка была такой же невысокой, что и Катя, такой же по-спортивному худощавой, точнее – жилистой, с такими же неопределенно-болотного цвета глазами; и даже черные как смоль волосы были подстрижены так же – до плеч, с длинной челкой, падающей на правый глаз.

– Чего уставилась, нравлюсь? – скривилась в подобии улыбки ведьмочка и знакомым жестом отбросила челку.

– Ты... мы... – попыталась что-то сказать в ответ Катя, но кроме этого «ты-мы» ей пришел в голову еще только «пык-мык», что для продолжения беседы явно не годилось.

К счастью, неловкую паузу прервал Катипап.

– Прошу к столу, – повел он рукой в сторону ломящейся от яств столешницы. Каким образом все это пиршественное богатство сумело там появиться, Катя не могла даже предположить. Впрочем, с учетом того, кем являлись Катипап и его дочка, на подобных моментах можно было не заострять внимания.

Единственное, что еще смутило Катю, было то, что кроме грибов и ягод, никаких иных блюд она узнать не смогла, и таковых там имелось не менее десятка.

– А... что это?.. – показала она на одну из больших тарелок, доверху наполненную тоненькими длинными колбасками.

– Червяки, не видишь, что ли? – гыгыкнула в ответ ведьмочка. – А вон то – ткнула она пальцем на соседнее блюдо, – маринованные жабы; там – махнула рукой еще на одно, – жареные сороконожки; а уж тушеные крысы – это...

– Екатерина! – хлопнул по столу ладонью Катипап. – Перестань! Для чего ты несешь эту чушь? Посмотри, нашу гостью сейчас стошнит.

Кате и впрямь стало очень дурно. Катипап быстро сунул ей под нос кружку с пряно пахнущей жидкостью.

– Выпей!

Катя послушалась. Уже после пары глотков тошнота прошла, а проглотив последние капли необычайно вкусного напитка, она вдруг почувствовала зверский голод. Но сказанное маленькой ведьмой не давало ей приступить к трапезе. Единственное, на что она решилась – зачерпнула пригоршню черники из большого лукошка, стоявшего с краю стола.

– Да ты ешь, ешь, не бойся, – заметил ее нерешительность хозяин. – Не слушай ты эту балаболку! Тут все съедобное, все очень питательное и полезное. Состав белков, жиров и углеводов, а также витаминов и минеральных веществ сбалансирован идеально.

Последнее высказывание почему-то сразу приободрило Катю и разрушило все ее сомнения. Она голодным коршуном набросилась на еду, и, хоть понимала, что ведет себя неприлично, ничего не могла с собой поделать. Она наваливала себе в тарелку все подряд, без разбору, и тут же тащила в рот. Глотала, почти не разжевывая. И пока ее правая рука с ложкой тянулась к какому-то одному блюду, левая в то же время прямо пальцами хватала еду из другого. От стыда по Катиным щекам потекли слезы, но остановиться она не могла.

Катипап сначала смотрел на нее с нескрываемым недоумением, но потом перевел взгляд на дочь и опять хлопнул по столу.

– Екатерина! Прекрати сейчас же!

– А чего? – гыгыкнула ведьмочка. – Гостя же, пусть покушает как следует.

– Немедленно прекрати! – вскочил с лавки Катипап.

– Да ладно, ладно, – буркнула Катина «проекция», а сама Катя почувствовала, что больше не хочет есть. Причем, не просто не хочет – она просто смотреть не могла на еду! Ее вновь замутило.

– Екатерррина! – зарычал на дочь Катипап.

– Да я ничего и не делаю! – вскинулась та. – Она просто обожралась.

– Выбирай выражения! – завопил хозяин дома, но увидев, что Кате совсем плохо и ее вот-вот вырвет, снова сунул ей под нос кружку.

Вкус и запах у напитка были другими, но не менее приятными, чем у первого. И дурнота после него прошла столь же стремительно.

– Вот, – горестно вздохнул Катипап. – Теперь ты убедилась? С ней срочно нужно что-то делать. Еще немного – и будет поздно. Так что выручай, Катюша.

Катя хотела запротестовать, но, посмотрев в глаза лесной нечисти, увидела в них такую непритворную грусть, что язык сделать это у нее не повернулся. Она лишь спросила:

– Но что я могу? Ведь я совсем маленькая! И я не... – Она запнулась и замолчала.

– Не ведьма, ты хотела сказать? – с печальной улыбкой посмотрел на нее хозяин дома. – Но разве ты не слышала, что я тебе говорил насчет вашей конгруэнтности?

– Слышала, – кивнула Катя, – но я ничего не поняла.

– Если кратко и совсем уж, как у вас говорят, «для чайников», – забарабанил по столу пальцами Катипап, – ты и она – это одно и то же. Только она отражается здесь, а ты там.

– От чего отражается? – заморгала Катя.

– От вашего исконного, оригинального, так сказать, объекта... – вновь было начал свою заумь Катипап, но его вдруг оборвала дочь.

– Ладно, пап, перестань молоть ересь, – сказала ведьмочка неожиданно серьезным голосом. – Расскажи ей лучше, что именно ты собираешься сделать. Пусть ребенок порадует. – Она все-таки не удержалась и снова гыгыкнула.

«Первое, что нужно с ней сделать, – подумала Катя, – отучить от этого дурацкого гыгыканья». А Катипап снова вздохнул:

– Да, да, конечно, я расскажу. Но для начала я хочу, чтобы Екатерина поняла, что она не простой человек. Или даже... что она...

– ...не человек вовсе, – dokonчила за него дочь.

Катя вздрогнула.

– Вы хотите сказать... – непослушным языком пролепетала она, – что я тоже... ведьма?..

– Почему «тоже»? – грустно посмотрел на нее ведьмак. – Если честно, я уже устал объяснять: вы с моей дочерью – часть одного целого. И, собственно, ведьма – это не вполне правильное именование вашей сущности.

– Зато точное, – гыгыкнула ведьмочка.

– Но... как же... – продолжала лепетать Катя. – Ведь меня родила... мама.

– Ты не поверишь, но меня тоже, – усмехнулся Катипап. – Мамы, знаешь ли, они у всех есть.

– Но моя мама – человек! – воскликнула Катя.

– У данной проекции, – ткнул он на нее пальцем, – может быть. Но у исконной сущности...

– Папа! – теперь уже ведьмочка хлопнула по столу ладонью. – Переходи к главному! Или боишься? – прищурилась она.

– Боюсь, – честно признался Катипап. – Наверное, Катя расстроится.

– Я же не расстроилась, – фыркнула его дочка.

– Так то ты, – вздохнул ведьмак.

– А кто это тут только что разглагольствовал насчет конгруэнтности, единой сущности и прочей белиберды? – ослабилась ведьмочка.

– Это да, – смутился Катипап. – Но все равно, как-то оно...

– Да перестаньте вы наконец юлить! – не выдержала в конце концов Катя. – Говорите скорей, что вы надумали, а то я скоро умру от страха.

– Не умрешь, – подмигнула ей вторая «проекция». – Тут у нас с тобой бонус.

– Я бессмертная? – ахнула Катя.

– В каком-то смысле да, – поморщился Катипап, – но не это главное... – Он вдруг замолчал, а потом взял и выпалил: – Вы теперь будете жить вместе. Какое-то время. Пока моя дочь не станет похожа на тебя хотя бы в общих чертах. Не внешне, разумеется, тут вы и так практически одинаковы.

– А как же мама? – часто-часто заморгала Катя. – Она ведь сойдет с ума, когда нас увидит! Папа – тоже.

– Почему? – удивился Катипап. – Ведь твоей целью как раз и будет являться ее усмирение.

– Мамы?!

– В каком смысле? – заморгал теперь и ведьмак.

– Вы смеетесь надо мной, да? – Катя уже с трудом сдерживала слезы. – Шутите так?..

– Ничего я не шучу, – нахмурился Катипап. – Просто я не могу понять, почему твоя мама должна сойти с ума. И папа.

– Да любой нормальный человек сойдет, когда увидит вместо одного своего ребенка двух!

– Ах, вот ты о чем, – облегченно выдохнул хозяин жилища. – Фу ты, ну ты! Видимо, я плохо все объяснил.

– Папа, да ты же вообще ничего ей не объяснил! – опять встряла в разговор ведьмочка. – Давай-ка лучше я ей скажу... – Она повернулась к гостье и сказала, глядя той прямо в глаза: – Если сейчас, как выражается папа, мы являемся двумя проекциями чего-то там, то скоро станем одной. Теперь ясно?

Кате не было ясно. Точнее, она вроде бы и поняла, что попыталась объяснить ведьмочка, но от такого понимания ей стало совсем страшно, и разум отказывался это принимать.

Катя замотала головой.

– Нет-нет, – чуть не плача проговорила она, – ты же не хочешь сказать, что мы будем с тобой вместе... в одном теле?

– Как раз хочу, – кивнула ведьмочка. – Но именно только лишь сказать. Не думай, что мне самой так уж этого хочется.

– Но это необходимо, – развел руками Катипап. – По-другому никак не получится. Придется уж вам потерпеть, дорогие мои. Так что, как видишь, и в твоих интересах, – перевел он взгляд на Катю, – завершить процесс воспитания моей дочери поскорее. Надеюсь, я не зря тебя вовлек во все это.

– А как вы, кстати, меня вовлекли? – с радостью подхватила Катя новую тему, поскольку предыдущая ее по-прежнему очень пугала. – Почему мне захотелось сюда приехать?

– Ты не догадываешься? – грустно улыбнулся Катипап.

– Колдовство?

– Не совсем. – Улыбка ведьмака стала совсем печальной и даже будто бы виноватой. – Поскольку вы с моей дочерью, по сути, едины, мне лишь пришлось убедить ее, что вам нужно какое-то время побыть вместе, вот она и... гм-м... позвала тебя.

– Мне кажется, папочка, – буркнула маленькая ведьма, – что без колдовства при моем убеждении ты все-таки не обошелся.

Катипап нелепо задергался, замычал, запыхтел, неуклюже замахал длинными руками, и Кате стало неловко, словно это она стала причиной смущения ведьмака.

– А как же водитель? – поспешно спросила она.

– Какой водитель? – обрадованно переспросил Катипап, вернув себя в обычное состояние.

– Водитель автобуса. Он стал каким-то деревянным, когда я наврала ему, что мне нужно выходить в лесу, что меня тут ждут родители. Это вы его заколдовали?

– Нет, – нахмурился Катипап и строго посмотрел на дочь, но та, прижав ладони к сердцу, отчаянно замотала головой. Тогда ведьмак опять повернулся к Кате и задумчиво произнес: – Похоже, это сделала ты.

– Что я сделала? – заморгала Катя.

– Заколдовала водителя.

– Но я не... – начала та и осеклась. «Неужто я и впрямь ведьма?» – с неким восторженным ужасом подумала она, а вслух сказала: – Но почему такого не случилось раньше?

– А ты часто раньше врала?

– Нет... Я вообще ненавижу врать и стараюсь никогда этого не делать.

– Вот, ты сама и ответила на свой вопрос, – с привычной грустинкой улыбнулся Катипап.

– А теперь, девочки, вам пора собираться в путь.

Глава вторая, в которой на Катю все обижаются

Домой Катя, как и обещал маме Катипап, вернулась в восьмом часу вечера. Ведьмак проводил ее до трассы, остановил первый же автомобиль, и хоть водителю, как позже

выяснилось, нужно было вовсе не в Красоткино, он довез Катю до самого подъезда без каких либо возражений и даже не взял с нее денег. Вернее, не Катю, а Кать.

Всю дорогу «наша» Катя прислушивалась к себе, пытаясь ощутить в своем сознании присутствие посторонней, но почему-то совсем ничего не чувствовала. Она по-прежнему была сама собой. «Может, они просто надо мной пошутили?» – подумала Катя, но внезапно в ответ на свои мысли очень знакомо гыгыкнула. Внутренне похолодев, она попыталась это списать на подхваченную от ведьмочки дурную привычку.

Все сомнения развеялись, когда она зашла в родную квартиру.

– Ну, как? – вышла в прихожую мама.

– Ништяк! – с ходу, в рифму ответила Катя и снова гыгыкнула.

Мамины глаза округлились. Она уже открыла рот, собираясь что-то сказать дочери, но та поспешно юркнула в свою комнату.

– Ты что делаешь?! – мысленно зашипела она, обращаясь вглубь своего сознания. И наконец-то получила ответ.

– А что я делаю? – огрызнулась ведьмочка. – Она спросила, я ответила.

– Но это же моя мама! Ей нельзя так отвечать!

– Да? А если бы это была моя мама, так отвечать было бы можно?

– Конечно, нет. Вообще никому так нельзя отвечать.

– Ой-ей-ей! И ты ни разу так никому не отвечала?

– Ну-у... – призадумалась Катя, – может, и отвечала. Подружкам. Но это ведь совсем другое.

– Какое другое? Твои подружки такие никчемные, что с ними можно не церемониться?

– Да как ты смеешь! Мои подружки хорошие девочки.

– А может твоя мама плохая?

– Да ты что?! – задохнулась от возмущения Катя. – Не смей так говорить о моей маме!

– Тогда я что-то не врубаюсь, – гыгыкнула новая Катина ипостась. – Одним хорошим людям можно вкручивать всякие там словечки, другим нельзя... И как же мне отличать одних от других?

Катя снова задумалась. Раньше ей и в голову не приходило, почему она ведет себя или разговаривает с одними людьми так, а с другими иначе, все происходило как-то само собой. Но как объяснить это ведьме?..

– А никак не объясняй, – гыгыкнула та, и Катя с ужасом поняла, что любые ее мысли открыты теперь для второй обитательницы ее тела. – Ты просто делай, как нужно, а я буду смотреть, слушать и учиться.

– Если ты не будешь лезть вперед меня, как сейчас, с мамой.

– Ну, это уж как получится. Это ведь теперь такое же мое тело, как и твое.

– Тогда ты ничему не научишься! – мысленно чертыхаясь, мысленно же завопила Катя.

– Ну, почему же? Вот я только что выучила парочку новых занимательных выражений, – уже не гыгыкнула, а прямо-таки заржала ведьмочка.

– Погоди, – застыла вдруг Катя. – А почему ты мои мысли можешь подслушивать, а я твои – нет?

– Ты тоже можешь, – услышала она в ответ. – Не хочешь просто.

– Как это не хочу? Хочу!

– Нет, не хочешь. Просто ты считаешь себя лучше, чем я, круче. А стоит ли париться, чтобы услышать какую-то там невоспитанную тупицу?

– Я так не думаю! – вспыхнула Катя.

– Да? Повторить твои мысли дословно?

– Не надо. – Катя почувствовала, что краснеет еще сильнее. – Помолчи немножко, ладно?

Я постараюсь услышать, о чем ты думаешь.

И она постаралась. Восстановила в памяти облик своей «половинки», вспомнила выражение ее глаз... и ясно ощутила вдруг, как ее сердце сжало необъяснимой тоской.

– Ты... так скучаешь о папе?.. – осторожно спросила она.

– Чего о нем скучать... – буркнула в ответ ведьмочка. – Ну... немножко если.

– Постой, – догадалась, а может, прочла она что-то в мыслях своей собеседницы. – А где твоя мама?

– Не твое дело.

– Нет, мое! – топнула Катя. – Теперь и мое тоже.

– Ладно, – неожиданно легко сдалась вторая половинка. Катя почувствовала, что той очень-очень хочется с кем-нибудь поделиться, выговориться. – Понимаешь, моя мама – очень сильная ведьма. На самом деле сильная, Высшая. А у ведьм бывают такие собрания, слеты... Они называются шабашем, может, слышала? Раз в год устраивается всемирный шабаш, чаще всего он проходит в Германии, потому что там живут самые классные в мире ведьмы. Я тоже летала туда несколько раз, за компанию с родителями... Вернее, сначала с родителями, а потом уже – только с папой. Короче говоря, немецкие ведьмы переманили к себе маму. Я понимаю, ей там и на самом деле лучше, там она может стать еще круче. Да и уже стала.

– Но как она могла бросить тебя?!

– Она же меня не на помойку выбросила, – фыркнула ведьмочка, – не одну в сыром склепе замуровала. Я же с папой осталась, а мама ведь знает, какой он у нас...

Катя почувствовала вдруг приятную теплоту, и поняла, как сильно любит Катипапа ее «сестренка». У нее даже защипало в носу.

– В общем, я ее не осуждаю, – подвела итог своей исповеди ведьмочка. – Тем более, мама обещала, что, когда я вырасту, она заберет меня к себе и сделает из меня самую крутую в мире ведьму!

«Бедная девочка...» – невольно подумалось Кате.

– Я не девочка, я ведьма! – огрызнулась ее «ментальная проекция». – И не надо меня жалеть.

Катя принялась было извиняться, но почувствовала вдруг себя так, как ощущала раньше – обычной девочкой, безо всяких «добавок». И почему-то ей стало вдруг неожиданно грустно, одиноко и даже страшно, что ведьмочка ушла навсегда. Однако прислушавшись к себе получше, она словно услышала где-то глубоко-глубоко в душе тихие всхлипывания и ощутила незнакомую боль, словно душа была реальным жизненным органом и тоже могла болеть.

Запиликал мобильник. Катя неохотно потянулась за телефоном, но, увидев на дисплее фотку своей лучшей подруги Иры, по-настоящему обрадовалась. С Иркой можно было чуть-чуть отвести душу, та была очень жизнерадостной и славной. Но, похоже, сегодня все решило пойти наперекосок. Вместо обычного, веселого Иркиного «приветика», Катя услышала сердитое:

– Ну, и куда ты пропала?

– Я?... – прикусила губу Катя. Она принялась лихорадочно соображать: сказать Ире правду, или опять, в который уж раз за сегодня, соврать. Правду говорить было боязно, да и не хотелось делать это по телефону. А если соврать, то что? Музей с подругой вряд ли прокатит...

Но Ирка не дала ей поразмыслить.

– Конечно, ты, – фыркнула подруга. – Не я же! Я – вот она.

– Я тоже – вот она, – пробормотала Катя.

– А где была? Я тебе на мобильный днем звонила – телефон «вне зоны действия сети».

Позвонила на домашний, мне твоя мама ерунду какую-то сказала. Про музей. Еще удивилась, почему я не там. Пришлось выкручиваться, сказать, что я приболела. Ты понимаешь, мне пришлось врать твоей маме, чтобы прикрыть твоё вранье! И когда ты научилась врать? Да еще собственной матери! Я тебя не узнаю, Катюха. А ну-ка, выкладывай, что случилось, и где ты была?

– В лесу... – выдавила ошарашенная Катя. Она-то надеялась, что мама не станет звонить одноклассникам, но совсем не подумала, что сами одноклассники могут позвонить к ней домой. Молодчина, конечно, Ирка, что выкрутилась, не подвела ее, но что теперь делать с самой Иркой? Неужели придется сознаться? А как на это посмотрит другая Катя?

Но «другая Катя» по-прежнему молчала, словно ее и не было. Зато не собиралась молчать Ира.

– В каком еще лесу?! – возмутилась подружка. – Что ты мне мозги пудришь?

– На твои мозги пудры не много уходит, не жалко, – гыгыкнула в ответ Катя. То есть, не сама она, конечно, а ее вторая ипостась. И снова наглухо закрылась.

– Что?!.. – задохнулась Ирина. – Что ты сказала?.. Да ты... да я с тобой после этого...

В трубке запищали гудки отбоя.

Обескураженная Катя села на кровать и сжала руками голову. Что же это такое? И как ей теперь дальше жить с этим? Вернее, с этой. С этой...

Открылась дверь.

– Иди ужинать, – бросила мама, и дверь снова захлопнулась.

«Ну, вот, – подумала Катя, – мама тоже обиделась. Совсем я одна осталась».

И, вовсе не собираясь этого делать, Катя внезапно расплакалась.

Глава третья, о первом школьном дне в новом качестве

В школе неожиданности задалась с самого утра. Сначала от Кати пересела за другую парту Ирка. Впрочем, чего-либо подобного и следовало ожидать. Зато дальше и впрямь начались чудеса.

Первым уроком был английский, и Катя очень боялась, что ее спросят, ведь после вчерашних приключений у нее просто не осталось сил на перевод заданного текста. И ее, конечно же, спросили. И... Катя ответила. Да еще как! Она говорила по-английски так, словно тот был ее родным языком!

Англичанка Вера Павловна после первых же Катиных фраз медленно осела на стул и в течение всего Катиного «выступления» лишь поматывала головой, приговаривая, как заведенная: «It's impossible!»

– Ты где это так «спикать» наблатыкалась? – подошел к ней после урока Витька Белов, главный в классе задира и забияка.

– Там, где надо! – неожиданно зло ответила Катя. – Уроки учить нужно, а не по улицам шляться.

– Это кто шляется? – попер на нее Витька, демонстративно закатывая рукава джемпера. – Я ведь не посмотрю, что девчонка, как дам...

Договорить он не смог. Катя ничего не успела понять, увидела только, как ее собственный кулак, помимо ее воли, подлетает к Витькиному носу, а когда пришла в себя, Белов уже визгливо подвывал, прижимая к лицу ладони, из-под которых капала на белый воротничок рубашки кровь.

Катю обступили одноклассники. Кроме Ирины, которая демонстративно отошла в сторону.

– Ну, Юлаева, ты даешь! – уважительно-опасливо сказал первый красавчик класса Иван Митрофанов, бывший двоечник, а с середины прошлого года – внезапный круглый отличник.

– Катюха, это ты? – дернула ее за рукав вторая подруга, Наташка, и почти повторила вчерашние Иркины слова: – Тебя сегодня не узнать.

– Это английская шпионка, – заржал кто-то из парней. – Она Юлаеву пришила, и теперь под ее видом к нам внедряется.

– Пусть вернет нам Юлаеву, – сказал еще кто-то. Катя не поняла, кто именно, но это последнее высказывание почему-то сильно ее задело.

– Да идите вы все, знаете куда?!.. – выкрикнула она, резко повернулась и зашагала прочь, оставив позади недоумевающих парней и девчонок.

– Правильно, так их! – гыгыкнула вдруг вторая Катина ипостась, впервые после вчерашнего вечера заговорив с ней. – Мы им еще покажем, кто такая Екатерина Юлаева!

– А ты тоже хороша! – набросилась на свое второе «я» Катя. – Ты чего творишь? Ладно Белов, так ему и надо, но английский-то!..

– Я?! – задохнулась от возмущения ведьмочка. – Да я же клево ответила! Я ж тебе пятерку заработала!

– Ну, да, да, прости, – сбавила Катя обороты, опасаясь, что ее «половинка» снова обидится и замолчит. – Просто ты чересчур уж здорово отвечала. У меня с английским обычно

проблемы, выше четверки редко получаю, а тут вдруг... По другим предметам ты тоже такая крутая? – на всякий случай поинтересовалась она.

– Да уж не хуже тебя! – буркнула та. – Думаешь, я в своей берлоге только лапу сосу? Папа знаешь как меня по всем предметам гоняет! Ну, а насчет английского... Я ж тебе говорила, что мы много по миру ездим, по слетам разным. Общаемся. Ну, а чтобы лучше друг друга понимать, еще и подколдовываем, когда языки учим. Есть всякие методики... Немецкий, кстати, я еще лучше знаю.

– Куда уж лучше-то, – хмыкнула Катя. – Хорошо, что у нас его нет.

Остальные уроки прошли без особых происшествий. Катя получила еще две пятерки, по алгебре и географии, но с этими предметами у нее и без посторонней помощи все было в порядке.

Очередное чэпэ произошло уже после уроков, когда она возвращалась домой. Из-за кустов позади школьного футбольного поля вышли четверо парней. Одного из них Катя узнала еще издали, это был Витька Белов. Трое других были года на два-три старше; по крайней мере двое из них, насколько помнила Катя, учились в восьмом классе их школы.

– Эй, ты, – подойдя, грубо бросил третий, вовсе ей незнакомый. – Это ты моего брата покалечила?

– Ага, – весело ответила Катя. Она даже не разобралась, кто именно из двух ее «я» это сказал, поскольку и впрямь ей вдруг стало не страшно, а очень смешно. – А чего он только тебя привел, маму с папой не взял, бабушку с дедушкой? А, Витюньчик?.. – повернулась она к однокласснику. – Ма-а-аа-аленький!.. Обидела его плохая девочка!.. Носик ушибла... Или мало досталось, еще захотел?

– Сейчас тебя обидят, – буркнул Белов-младший, прячась за спину брата.

Парни стали медленно приближаться, обходя Катю с трех сторон. И вдруг она услышала сзади:

– Отстаньте от нее! Четверо на одну девчонку – это подло!

Катя обернулась. К ним бежал Лешка Безбородов, ее одноклассник. Лешка в ее представлении был «никаким» – тихим, незаметным, очень «средним» учеником. Она вдруг поняла, что совсем ничего про него не знает. И только сейчас подумала, что Безбородов – вполне симпатичный мальчик. И, как оказалось, смелый. Только глупый. Куда он против четверых-то?

– Уходи, Леш, – сказала она парню. – Спасибо, но я сама.

– А ну-ка, ну-ка, – внезапно отпихнул ее в сторону старший Белов, – не до тебя сейчас, видишь, очередь. Мотай отсюда, в следующий раз с тобой разберемся!

Он подтолкнул Катю в спину, и от неожиданности она упала на колени. А когда поднялась, увидела, что парни уже набросились на Лешку и молотят его изо всех сил.

Катя почувствовала, как рванулось к дерущимся ее тело. Но она точно знала, что в драку ей вступать не хочется. Значит, это действовала вторая ее половинка.

– Стой, – обратилась она к «двойнице», – не лезь туда, они же нас поколотят! Пойдем, позовем взрослых!

– Пока мы их позовем, они его побьют, – буркнула ведьмочка.

– А так они побьют и его, и нас!

– Ну и пусть! Его нельзя бросать, это нечестно. Он же тебя хотел спасти!

Катя не нашлась, что ответить. Конечно же, ее «сестренка» была права. Но это лишь, если рассуждать, сидя где-то в сторонке. А когда вот так, когда тебя по-настоящему и очень больно будут за эту честность бить...

Но пока она так рассуждала, ведьмочка воспользовалась ее замешательством, полностью завладела телом и с воинственным кличем ринулась в самую гущу потасовки.

Их, конечно же, отделали, что надо. Повезло, что мимо проходил учитель физики, тот самый Игорь Васильевич. Трое старших подростков успели удрать, а Катю, Лешку и Витьку физик повел в школу, в кабинет директора.

Витька опять тоненько подвывал – его нос был снова разбит в кровь, чем обе Кати очень гордились. Лешка держался спокойно, словно его все это не касалось, хотя из его носа тоже

сочилась струйка крови, а под правым глазом зрел багровый фингал. Катя дотронулась до его руки и слегка сжала пальцы:

– Спасибо.

– Да ну, – отдернул ладонь Лешка, и лицо его почти слилось по цвету с «бланшем» под глазом. А потом парень выдал: – Это тебе спасибо.

– Нам, – ответила Катя и подмигнула.

Глава четвертая, в которой Катя мирится с мамой, берет урок колдовства и играет в буриме

Вечером, сидя в своей комнате «под домашним арестом», Катя почему-то чувствовала себя очень счастливой. Ей неожиданно пришла в голову мысль, что до вчерашнего дня она и впрямь была всего лишь половинкой, и только теперь стала наконец единой, цельной личностью.

– Катя, – позвала она мысленно, – ты сейчас слышишь, о чем я думаю?

– Угу, – отозвалось в ее голове. – И мне тоже так кажется. Да, знаешь что... Зови меня лучше Катериной. Мне так больше нравится, да и путаться не будем.

– Ну, мы-то с тобой не запутаемся, – улыбнулась Катя. – Но если ты хочешь, ладно.

Потом она слышала, как мама с кем-то разговаривает в прихожей по телефону. До нее долетали обрывки фраз: «Ее не узнать... да-да, переходный возраст... скорей бы приехал Костя...»

Катя вспомнила о папе и внезапно расплакалась. Она даже не услышала, как открылась дверь в ее комнату, почувствовала лишь теплые мамины руки на голове.

Катя обняла маму и зарыдала в голос. А когда отплакалась, ощутила в себе необычайную легкость и непонятную радость, перемешанную с грустью.

– Мама, – сказала она, прижавшись щекой к маминой кофте, – а папа скоро вернется из своего рейса?

– Ну, ты же знаешь, – потрепала ее по затылку мама, – осталось уже меньше месяца. Потерпи. Я тоже по нему очень скучаю.

– А он, случайно, не в Германии? – шмыгнула носом Катя.

– Они должны были туда заходить, – удивленным голосом ответила мама. – А почему ты спрашиваешь?

– Да так, просто... Мам, а ты умеешь колдовать? – Катя наконец-то подняла голову и заглянула маме в глаза.

– Колдовать? – опешила мама. – Конечно, нет! Что за странный вопрос? Хотя, ты знаешь, моя бабушка, твоя прабабушка Анна, хорошо гадала, и ее даже называли ведьмой.

– Она уже умерла?

– Давно. Сразу после того как ты родилась.

О драке возле школы они больше в тот вечер не говорили. И мама, когда выходила из комнаты, не стала запирать дверь.

– А ты меня научишь колдовать? – спросила у «сестренки» Катя.

– По-моему кто-то меня чему-то учить собирался, – хмыкнула в ответ та.

– Одно другому не мешает. По-моему, мы с тобой одинаково недоразвиты. Только с разных сторон.

Обе «ипостаси» зашлись в дружном хохоте.

– И все-таки, – отсмеявшись, сказала Катя. – Научи, а?

– Чему я могу тебя научить? – помедлив, ответила Катерина. – Мы с тобой – одно и то же. Значит, ты можешь то же, что и я.

– Но я не могу!

– А водитель?

– Ой, правда... Но это у меня получилось нечаянно. А как сделать, чтобы это было... ну, как в сказке: «По щучьему веленью, по моему хотенью!»?

– Вот, ты сама себе и ответила. Только шука тут не нужна. Ты сама должна что-то захотеть очень сильно, представить это себе, как наяву.

– Я попробую, ладно?

– Валяй.

И Катя попробовала. Она обвела глазами комнату, остановила взгляд на люстре. Там была включена лишь одна лампочка из трех, но и она вдруг погасла.

– Это ты выключила? – поинтересовалась ведьмочка и гыгыкнула: – Силой мысли?

– А ты разве не слышала, что я делала? – удивилась Катя.

– Не слышала. Я задумалась. Так что ты делала?

– Я посмотрела на лампочку и вспомнила вдруг детскую загадку: «Висит груша, нельзя скушать». Вот я и захотела, чтобы лампочка превратилась в грушу.

– Правда? – обрадовалась Катерина. И, растопырив руки, в темноте пробралась к выключателю. – А ну-ка, – сказала она, щелкнув тумблером.

В люстре зажглись две другие лампочки. На месте первой из черного электропатрона и впрямь свисала желтая груша, на вид казавшаяся очень сочной и сладкой.

Ведьмочка быстро «сорвала» ее и откусила большой кусок от желтого бока. Через мгновение она стала плевать и кашлять.

– Тьфу! Гадость! Ты чего наколдовала?!

Но Катя, к сожалению, тоже чувствовала вкус своего «колдовства». Если смешать в прокишем молоке мелко изорванную бумагу с ватой, круто эту смесь посолить, добавить пару столовых ложек подсолнечного масла, полчайной ложки соды и немного жженого сахара, то получилось бы, наверное, примерно то же самое по вкусу, что вышло у нее с этой грушей.

– Действительно, гадость у меня получилась, – скисла, как то молоко, Катя.

– А ты, когда колдовала, вкус представляла?

– А надо было? Я просто грушу представила. Внешне.

– Внешне!.. – передразнила ведьмочка. – Если берешься колдовать, надо все учитывать.

– И химический состав, может, знать нужно? – съязвила слегка обиженная Катя. Ее ведь не удосужили предупредить заранее, а теперь отчитывают!

– В идеале – да, – не приняла шутку «сестренка». – Но не обязательно. Достаточно все хорошо представить. И, если правильно представишь вкус, то химический состав будет таким как надо, не волнуйся. Но вообще-то, ты с продуктами питания не очень экспериментировать. Мне и папа запрещает этим заниматься.

– Почему?

– А вот как раз потому, – кивнула на зажатую в ладони грушу ведьмочка, а потом швырнула ее в открытую форточку. – Это хорошо, что она у тебя просто невкусной получилась, а не ядовитой. Вот станешь профессиональной ведьмой – тогда пожалуйста. И ведь я-то купилась, такой она у тебя аппетитной с виду вышла.

– Ой, – схватилась за щеки Катя. – Что же ты мне сразу не сказала?.. А еще какие-нибудь запреты в колдовстве есть?

– Навалом! Нельзя из ничего сделать что-то. Правда, суперпрофи могут что-то сделать даже из воздуха, но таких единицы. Еще, например, ничего нельзя изменить в себе. Впрочем, это не запрет – в принципе не получится. Нельзя заставить кого-то влюбиться в себя или, наоборот, приказать разлюбить... Ну, тебя это вроде пока не очень волнует. Убивать, разумеется, нельзя. Даже если очень хочется. И вообще, все колдовские действия, направленные на других людей, не очень-то поощряются. Их можно применять лишь в самых крайних случаях.

– Но ведь сегодня, во время драки, и был крайний случай, разве нет? – вспомнила вдруг Катя. – Почему же ты не воспользовалась колдовством?

– Потому что это было бы нечестно, – буркнула «сестренка». – Они-то колдовством не пользовались.

– Но их было больше!

– Все равно нечестно.

– А скажи-ка, – пришла вдруг Кате неожиданная мысль, – если я захочу что-то изменить в тебе, это будет считаться изменением себя самой или нет?

– Хочешь поскорей от меня избавиться? – фыркнула Катерина. – Ничего не выйдет. Ты – это я. И наоборот.

– И все же.

– Изменить – вряд ли, – неохотно пробурчала ведьмочка, – но можно временно заблокировать.

– Ты хочешь сказать, я могу по своей воле избавиться от тебя?

– Временно! И не совсем избавиться, а лишь сделать так, чтобы я ничего не видела твоими глазами, не слышала твоими ушами – короче, потеряла доступ к твоим органам чувств и всему прочему в твоём теле.

– И к мыслям? – воодушевилась Катя.

– И к мыслям. Но учти, все это у тебя легко получится, если я сама этого захочу! Иначе – вряд ли. Я буду сопротивляться, а поскольку силы наши равны, то...

– Но тогда я не вижу смысла. Разве ты этого захочешь?

– Почему нет? Разные бывают случаи. Например, ты станешь целоваться с парнем. Что я, не понимаю, что мне тогда лучше исчезнуть?

– Я не собираюсь ни с кем целоваться! – вспыхнула Катя.

– Это ты сейчас не собираешься, – хмыкнула «сестренка». – Наперед не зарекайся. И вообще, – решила она разрядить обстановку, – вдруг мы, например, захотим во что-нибудь поиграть!

– Поиграть? С тобой? Интересно, во что?

– Ну, не в пинг-понг, конечно. Например, в карты.

– В карты играть нехорошо! Мама против, чтобы я играла в карты.

– Ну и зря. Карточные игры здорово развивают соображалку. Я ведь не на деньги предлагаю играть!

– Все равно лучше не надо.

– Ладно, к этому вопросу мы еще вернемся. Есть и другие занимательные игры. Вот, мы с папой часто любим играть в буриме.

– Это ведь тоже, вроде бы, карточная игра... – нахмурилась Катя.

– Ты, я смотрю, совсем темная! Карточная – это бура, а буриме – это поэтическая.

Катя даже не стала обижаться на «темную», так ее заинтересовало это буриме.

– Поэтическая? Ты что, умеешь писать стихи?

– А ты будто нет?

– Ну-у... – замялась Катя.

– Баранки гну! – хмыкнула «сестренка». – И потом, буриме – это же не стихи, а так, баловство.

– Ты объясни наконец, как играть в это самое буриме?

– Вообще, буриме – это когда даются конечные слова каждой строки, в рифму, разумеется, а ты должна эти строки заполнить. Но мы с папой играем немного по-другому. Берем широкую полоску бумаги и договариваемся, о чем будем писать. А то, если каждый о разном, вообще ерунда получится, хотя, иногда тоже смешно получается. А потом пишем по очереди. Тот, кто начинает, пишет две первые строчки четверостишия, заворачивает бумагу, чтобы было не видно, а на отвороте пишет только последние слова строчек. Второй придумывает две следующие строчки четверостишия, чтобы они были в рифму этим словам, и пишет начало нового четверостишия. Заворачивает, выписывает слова, передает листок первому – и понеслось в том же духе, пока не надоест, или бумажка не кончится.

– И что?

– Так ведь прикольно же получается! Уржаться можно.

Почему-то Кате не очень в это верилось. И все же, попробовать хотелось. Она вырвала из тетради листок, сложила вдоль, разорвала на две полосы. Одну отодвинула, вторую положила перед собой и взяла ручку.

– О чем будем писать?

– Предлагай.

Катя задумалась. Обычно она сочиняла стихи о природе, о всяких там цветочках, птичках, котятках, но предлагать подобное ведьмочке было как-то неловко. Тем более, та вдруг сдавленно гыгыкнула – подслушала, видать, ее мысли.

– Э! – топнула Катя. – Не подслушивай! Кстати, как, ты говоришь, тебя можно заблокировать?

– Ну, просто представь, будто меня выключаешь. Только сейчас-то зачем? Это во время игры будет нужно.

– Тогда не смейся!

– А если смешно? Цветочки, котята...

– А о чем тогда писать? О несчастной любви?

– Нет у тебя никакой несчастной любви, не выдумывай. И счастливой тоже нет. Давай о каком-нибудь событии напишем. Например, как мы заколдуем этот город.

– О событии?.. – задумалась, пропустив слова про город, Катя. – У меня же в следующую субботу, тринадцатого сентября, день рождения! Давай напишем, как мы пригласим друзей, будем праздновать, веселиться и все такое?

– Давай! – поддержала ведьмочка. – Люблю день рождения! У меня он тоже, кстати, тринадцатого сентября.

– Я догадалась, – хмыкнула Катя. – Давай, прячься, я тебя выключаю и начинаю писать!

– Только потом включить не забудь!

Катя представила, как она запирает в темные глубины сознания свое «второе я» и тотчас же почувствовала, что и впрямь осталась одна. Тогда она отбросила с глаз челку, взяла ручку, покусала ее кончик, воздев глаза к потолку, и вскоре вывела на полоске бумаги:

Позовем друзей на праздник,

Будет весело потом

Она завернула листок, написала на сгибе «праздник», чуть ниже «потом», и выпустила «из заточения» Катерину. Та сразу приказала:

– Расслабься и подчиняйся моей воле!

Катя расслабилась. Конечно, ей было слегка тревожно, но все-таки она успела за прошедшие сутки понять главное: ее «сестренка» никогда не станет делать подлостей.

А потом мир вокруг нее погас. Катя продолжала мыслить, но больше ничего-ничего не чувствовала, не видела и не слышала. Это было совсем не то, как лежать, скажем, глухой ночью с закрытыми глазами, там все-таки ощущалось и свое дыхание, и тепло одеяла, и мягкость подушки, да и слышались какие-нибудь скрипы, шорохи, шелест листьев за окном... Сейчас же у нее вовсе не было тела, и окружало ее настоящее Ничто – без цвета, вкуса, звуков и запахов.

Но испугаться по-настоящему Катя не успела. Все ощущения вернулись к ней столь резко, что она даже подпрыгнула на стуле.

– Что, круто? – гыгыкнула «сестренка».

– Жуть! – с восторгом ответила Катя.

– Ладно, выключай меня снова.

Катя «выключила» напарницу по игре и посмотрела на листок. На новом сгибе стояли два слова: «чаем» и «смех». Что ж, похоже, ведьмочка не стала шкродничать, решила и впрямь написать хороший, добрый стишок.

Нужные строчки пришли в Катину голову быстро:

День рожденья отмечаем,

Как всегда, мы лучше всех.

Она подумала и начала новое четверостишие:

Скажем мы потом ребятам,

Как их рады видеть тут.

Загнула написанное, выписала «ребятам» и «тут», и предоставила ход второй Кате. Теперь пребывание в «небытие» она перенесла легче, даже почувствовала в нем некоторые плюсы – ничего не отвлекало от мыслей. Пожалуй, этим даже можно будет иногда пользоваться – например, при обдумывании сложных проблем. Какие выгоды еще можно извлечь из такого состояния, Катя придумать не успела – ее снова выбросило в реальность.

– Давай, завершай стих, – сказала «двойница». – Листок кончается.

Катя заблокировала «сестренку» и посмотрела на полоску бумаги, от которой и впрямь остался лишь небольшой хвостик. Сверху, на сгибе, значилось: «книжки» и «букет». Финальные рифмы нашлись сразу:

*Да, девчонки и мальчишки,
Вы друзья нам, спору нет!*

Катя выпустила на свободу свою вторую проекцию и стала разворачивать листок. «Сестренка» почему-то гыгыкнула.

– Ты чего? – удивилась Катя.

– Я? Нет, ничего. Интересно просто, что получилось.

Кате тоже было интересно. Хотя, как она полагала, там вряд ли могло получиться что-то смешное. Веселое – может быть, про день рождения все-таки, но не смешное же. Во всяком случае, сама она в этом стишке ничуть не хохмила, да и Катерина, судя по словам, что она предлагала ей для рифмы – тоже.

Она развернула и ладонью разгладила лист. Начала читать. Не успела дойти до третьей, «чужой», строчки, как ведьмочка снова гыгыкнула, теперь уже не сдерживаясь, а потом и вовсе заржала. Катя поспешно побежала глазами вниз по строчкам. До нее не сразу дошел смысл следующих строк, настолько не вязались они с ее ожиданиями. Катя собралась возмутиться, но стала читать дальше и... сначала невольно фыркнула, а потом, не удержавшись, тоже стала хохотать. Она еле дочитала стишок до конца, с каждой строчкой разражаясь новыми взрывами смеха.

В комнату заглянула мама.

– Катюша, ты чего?

Катя не смогла ей ответить – новый спазм хохота согнул ее пополам, из глаз текли слезы.

Мама заметила лежавший перед дочерью листок, взяла его, стала читать. Мамины глаза становились все больше. Дочитав до конца, она лишь ахнула:

– Катя, ты не заболела?..

Затем она перечитала написанное еще раз, нахмурилась и отбросила лист, словно тот был какой-то гадостью:

– Не вздумай никому это показывать. А лучше – порви. И скажи наконец, что с тобой происходит?

Катя перестала заливаться и теперь лишь тяжело дышала.

– Мама... Но это же просто так... Шутка. Я больше не буду.

– Очень несмешная шутка, – сказала мама, направляясь к двери. – Над друзьями так издеваться нельзя.

Когда мама вышла из комнаты, Катя подняла с пола листок и перечитала написанное еще раз:

*Позовем друзей на праздник,
Будет весело потом –
Всех гостей мы передразним,
Рожки вымажем тортом,*

*Обольем горячим чаем,
Разрежутся – вот уж смех!
День рожденья отмечаем,
Как всегда, мы лучше всех.*

*Скажем мы потом ребятам,
Как их рады видеть тут.
Обстреляем всех салатом –
Еле ноги унесут!*

*А в подарках – только книжки
И потрепанный букет...
Да, девчонки и мальчишки,
Вы друзья нам, спору нет!*

– Никто ни над кем не издевался, – буркнула ведьмочка. – У твоей мамы нет чувства юмора.

Катя ничего на это не ответила, лишь тяжело вздохнула и все же порвала листок.

Глава пятая, в которой Катя мирится, а Катерина знакомится с Иррой

Насыщенные события двух последних дней совершенно выбили Катю из колеи. Она почувствовала себя такой усталой, что легла спать, когда еще не было десяти. Казалось – уснет, не донеся голову до подушки, но стоило закрыть глаза, как сонливость прошла, словно ее и не было. Однако снова вставать уже не хотелось, и Катя принялась беседовать со своей второй половинкой. Тему для разговора подсказала недавняя игра.

– Кого будем приглашать на день рождения? – спросила она.

– Кого хочешь, того и приглашай, – недовольно буркнула «сестренка». По-видимому, ей, в отличие от Кати спать все-таки хотелось. Но, скорее всего, заснуть одной ипостаси, когда другая бодрствует, было невозможно, и ведьмочка, помолчав, все-таки поддержала беседу: – Я бы пригласила Лешку. Клевый пацан! Смелый. И не выпендривается.

– Ну, Лешку можно, – согласилась Катя. – И Наташку. А вот что с Иркой делать?

– Она твоя лучшая подруга?

– Угу, – вздохнула Катя. – Была...

– Ладно тебе, не вздыхай. Прости, я не хотела. Не думала, что у вас у всех тут с чувством юмора – того.

– Да я тебя и не виню. Сама забыла ее предупредить, вот и...

– Как бы ты ее предупредила, – перебила Катерина, – если тебя саму к нам папа силком притащил?

– Ну, маме ведь я сочинила про музей.

– Об этом тоже папа позаботился. Он ведь понимал, что родители будут волноваться, если ты просто так куда-то исчезнешь. А насчет друзей-подруг он, конечно, не думал.

– Что уж теперь!.. – снова вздохнула Катя.

– Говорю тебе, не вздыхай! Я виновата, я что-нибудь и придумаю. Завтра перед школой зайдем за ней, и я все расскажу.

– Что «все»? – испугалась Катя.

– Все как есть и расскажу. Все равно тебе... то есть нам, с лучшей подругой придется часто общаться, и она заподозрит, что с тобой что-то не так. Придется врать, а ты врать не умеешь – запутаешься, и будет только хуже. Так что лучше всего сказать правду. Ирка ведь не из болтливых?

– Да вроде нет.

– А даже если она кому и проболтается, кто в это поверит?

– А она сама поверит?

– Поверит, куда она денется!

Катя очень сомневалась, что Ирина ей поверит, но и рассказать, что с ней случилось, очень сильно хотелось. Такую сногшибательную тайну трудно было носить в себе. Да и

помириться с подружкой тоже хотелось, а не объяснив свое поведение, сделать это было бы сложно. И ведьмочка была права: врать она не умела, и начини сочинять – еще больше бы все испортила.

Поэтому, зайдя на следующее утро перед школой за Ирой, едва та открыла ей дверь, Катя выпалила:

– Ира, прости меня, пожалуйста! Я дура.

Высокая, красивая Ирина гордо встряхнула золотистой гривой и жеманно закатила к потолку большие синие глаза.

– Да? Ты вроде сказала, что я.

– Я так не говорила... – растерялась Катя.

– А что пудры для моих мозгов много не надо, кто сказал?

– Не я! Правда, не я... – Она замялась, не зная, как перейти к главному. – Понимаешь, со мной произошла странная история...

И Катя, пока они шли до школы, все выложила подруге, переведя дух, когда уже было видно школьное крыльцо.

– Ну ты и врать! – фыркнула Ирина. Впрочем, похоже, она больше не сердилась. – Тебе нужно сказки писать, у тебя это здорово получается. Где и научилась? Не замечала за тобой раньше таких талантов.

– Вся беда в том, что я не вру, – вздохнула Катя.

– Ага, конечно! И колдовать ты умеешь, и две девчонки у тебя в голове сидят!..

– Ну, да, две. Помнишь, как я вчера на английском отвечала? Так вот, это другая Катя была, я бы так не смогла. Ты ведь знаешь, как у меня с английским.

– Отвечала ты, конечно, суперски. У меня глаза на лоб полезли! Но к английскому все-таки можно было просто хорошо подготовиться. Безо всякого колдовства.

– Ладно, сейчас я тебе докажу, – остановилась Катя. – Дай мне твою сумку.

Ира, снисходительно улыбаясь, сняла с плеча красную, с двумя большими зелеными карманами сумку и протянула ее Кате. Та повертела ее в руках и спросила:

– Во что превратить?

– Да хоть во что. В ворону, например!

Катя сосредоточилась и, пристально глядя на сумку, представила большую нахохленную ворону.

Непонятно, что прозвучало первым – грозное «Кар-р-рр!» или испуганное Иркино «Ой-ей-ей!», только в Катиной руке что-то вдруг отчаянно затрепыхалось, и Катя непроизвольно разжала пальцы. Большая красная ворона, стремительно замахав зелеными крыльями, яркой ракетой взвилась кверху.

– Моя сумка! – задрал голову, запричитала Ирина.

– Была, – гыгыкнула вдруг Катя, и ошарашенная Ирка перевела на нее недоумевающий взгляд.

– Привет, – кивнула ей ведьмочка, чье сознание в этот момент взяло руководство над телом.

– Мы ведь уже здоровались... – заморгала Ира.

– Ты с ней здоровалась, – мотнула головой вторая Катина ипостась, – с той Катюхой. А это я, та самая ведьма, о которой она тебе рассказывала. Врубаетесь?

– Ты меня разыгрываешь, – прошептала Ирка.

– Ага, – хмыкнула ведьмочка. – А у сумки крылья сами, что ли, выросли?

– Ой, – вспомнила про сумку Ирина и посмотрела в небо. В вышине, истошно каркая, лихорадочно металась красно-зеленая ворона, распугивая своих черных сородичей. – А как теперь быть?..

– Легко, – усмехнулась Катерина. – Лови свою сумку.

Ира увидела, как ворона сложила вдруг крылья и камнем ринулась вниз. К счастью, девчонка не послушалась совета и ловить ее не стала, а наоборот отпрыгнула, иначе довольно увесистая сумка, нагруженная учебниками и тетрадками, отшибла бы ей руки, а попади по голове – могла, пожалуй, и убить.

От сильного удара о землю застежка на сумке лопнула, и книги с тетрадями разлетелись в стороны, а дневник и вовсе упал в лужу.

– Спокуха, – выставила ладонь ведьмочка, заметив, что у Ирины начали дрожать губы. – Сейчас все будет нормалек!

Она взмахнула рукой, и учебники с прочими школьными принадлежностями всосались, будто в пылесос, в распахнутую сумку, которая сразу после этого, жизнерадостно щелкнув, захлопнулась.

– На, Ир, – протянула ей Катя сумку. – Извини, я еще плохо умею колдовать.

Ира, с опаской глядя на подругу, осторожно приняла сумку. Открыла ее, достала дневник... Тот был абсолютно сухой и чистый.

– Ты сейчас кто?.. – заморгала Ирина. – Катя, или?..

– Я сейчас Катя. Но я ведь тебе говорила, ее тоже зовут Катя. Чтобы не путаться, можешь называть ее Катериной, ей так больше нравится. И у нее, как видишь, колдовать пока выходит лучше.

– Почему пока?

– Потому что я тоже хочу научиться. И научусь!

– Но зачем?!..

– Разве ты так ничего и не поняла? Я – ведьма. Тоже ведьма, понимаешь? Вернее, я и та, вторая Катя – это один человек. То есть, не совсем человек.

Ирина от этих слов вздрогнула, и Катя замолчала. А потом, глядя в сторону, пробормотала:

– Ты теперь не станешь со мной дружить, да?

Ира ответила не сразу. Насупила брови, повесила на плечо сумку, посмотрела исподлобья на Катю и сказала:

– Пойдем давай, сейчас звонок будет!

– Но ты не ответила.

– Потому что у тебя хоть и стало мозгов вдвое больше, но пудры им надо еще меньше чем моим.

И подружки, расхохотавшись, взялись за руки и побежали к школе.

Глава шестая, в которой обсуждается список приглашенных и появляется новенький

В школе на Катю все, включая старшеклассников, то и дело оглядывались. Весть о том, что она побила четверых парней, разлетелась по школе быстро. То, что ей помогал Лешка Безбородов, во внимание никто особо не принимал – то, что парень заступился за девочку, казалось естественным.

А в родном классе она и вовсе стала героиней. Мальчишки смотрели на нее с восторгом и уважением, девчонки – с нескрываемой завистью. Витька Белов не пришел в школу вовсе. Кто-то сказал, что им с братом здорово вчера влетело от родителей, а кто-то вообще выдал новость, что Витьку теперь переведут в другую школу. В последнее Кате верилось с трудом, но ей теперь было все равно – ни Белова, ни кого-либо другого она больше не боялась.

Вчерашний Катин подвиг и его активное обсуждение затмило собой еще одно событие – в классе появился новенький. Но мальчишка был такой неприметный, худой и нескладный, что его и заметили-то не сразу, а обратили внимание лишь после того, как нового ученика, Павла Котова, представила Галина Александровна, классная руководительница.

Новенький сел за парту к Наташке, а Ирка вновь вернулась на прежнее место, рядом с Катей. И потому, конечно, что они помирились, и оттого еще, что ей не терпелось поговорить с подругой. Так они и прошептались все уроки, вызывая недовольство учителей.

А когда возвращались домой, Катя вспомнила, что собиралась пригласить Ирку на день рождения.

– Приходи ко мне в субботу вечером, – сказала она.

– Ой, у тебя же день варенья! – вспомнила Ирина, и, понизив голос, спросила: – А у нее тоже?..

– Тоже, тоже, – буркнула Катерина. – И нечего шептаться, я все равно слышу то же самое, что и она.

– А кого ты... кого вы еще пригласили?

– Еще думаю позвать Наташку... – сказала Катя. – ...и Лешку, – добавила ведьмочка.

– Кать... – покраснела вдруг Ирка. – А пригласи, пожалуйста, Ваню Митрофанова. А то девчонок будет трое, а парень всего один.

– Девчонок даже четверо будет, – гыгыкнула Катерина, – а Митрофанов ниче, ага! Втрескалась, что ли, красавица?

Ира еще больше покраснела, надулась, явно собираясь сказать что-то едкое, но Катя ее опередила:

– Ирка, ты только не обижайся! Я тебе рассказала, почему мы сейчас с Катериной вместе – она не очень воспитанная. Так что не дуйся, а лучше давай будем вместе ее перевоспитывать.

– Ага, давайте-давайте, воспитательницы! – фыркнула ведьмочка. – Двое на одну – очень честно.

– Ладно тебе, – пихнула в бок новую подругу Ира. – Если ты надо мной издеваться не будешь, я тебя тоже не стану доставать.

– Попробуй еще, достань! – гыгыкнула в ответ та. – И давай, привыкай к моим шуткам, я прикалываться люблю, а у вас с чувством юмора завал полный.

Так бы они, наверное, препирались еще очень долго, но сзади вдруг послышалось:

– Эй! Девчонки! Подождите!..

Подруги обернулись. К ним, размахивая сумкой, неслась Наташка. За ней, неуклюже переставляя длинные ноги, семенил новенький.

– Этот-то чего прется? – буркнула Ирка.

– Да, Ир, то, что мы тебе рассказали, для всех секрет! – прошептала Катя.

– Что, и для Наташки? – шепнула в ответ Ирина.

– Для всех! – зашипела ведьмочка. – По-русски не понимаешь, что ли? Тогда – for everybody. Так понятней?

– Ладно тебе, – надулась Ира. – Полиглотка. Спросить уже нельзя.

– Спросить можно. Болтать – нет. Превращу в жабу.

Ирина вздрогнула и побледнела. С ними наконец поравнялась Наташка. Новенький немного отстал.

– Ира, ты чего такая бледная? – спросила Наташа, которая, будучи круглолицей и пухленькой, всегда выглядела румяной.

– Я же не спрашиваю, чего ты такая красная, – буркнула в ответ Ирка, обидевшаяся теперь на Катерину.

Зато Наташка ни на кого обижаться не стала – похоже, она не умела этого делать в принципе. Всегда была жизнерадостной сама, и терпеть не могла, когда рядом кто-то дулся, грустил или просто был не в настроении.

– Девчонки, вы что, опять поругались? – перевела она взгляд с Иры на Катю и обратно. – А ну-ка, немедленно прекратите! Вот, познакомьтесь лучше с Павликом. – Наташа взяла подошедшего и стоявшего чуть в сторонке парня за руку и буквально подтащила того к подружкам.

– А надо? – продолжила бурчание Ирина.

– Надо, – топнула Наташка. – Павлик очень умный.

– По сравнению с нами? – хмыкнула Катя.

– По сравнению с кем-то из нас, – ответила она самой себе же. То есть, так показалось окружающим, что она ответила самой себе. На самом деле, просто высказались обе Кати.

– Вы абсолютно правы, – подал вдруг голос новенький. Он был очень серьезен, словно собирался делать научный доклад. Впрочем, то, что он сказал потом, как раз и было похоже на доклад: – Видите ли, дело в том, что все на свете и впрямь относительно. Вы, конечно, слышали об Альберте Эйнштейне и его знаменитой теории? Ну, не суть, в любом случае, вы будете проходить ее в старших классах.

– А ты не будешь? – фыркнула Катерина. А Катя попросила: – И не называй меня, пожалуйста, на «вы».

– Хорошо, – кивнул мальчик. – Но мы еще не представлены друг другу, чтобы можно было перейти на «ты».

– Упс!.. – сказала, заморгав, Ирина. Она уже не была бледной и обижаться на кого бы то ни было, похоже, перестала. – Во дает!

– Да, – опомнилась Наташа, – вы ведь и правда еще почти незнакомы. – Она повернулась к мальчишке и откинула в его сторону ладошку: – Это Павел. – Потом вытянула руки к подругам: – Это Ира, а это Катя.

– Очень приятно, – коротко кивнул Павел и окинул подруг взглядом: – Значит, никто из вас не возражает, если мы будем обращаться друг к другу на «ты»?

– Я не возражаю, – хмыкнула Ира, не сводящая теперь с парня синеокого взгляда. Похоже, тот ее явно заинтересовал.

– А я уже сказала, – с деланным равнодушием отбросила челку Катя.

– Так вот, – словно и не было этой запинки, продолжил Павел, – я, наверное, тоже буду проходить Эйнштейна, но о его знаменитой теории относительности я знаю и так. Собственно, дело даже не в ней. Просто, даже с точки зрения обычной логики, я не могу быть умнее кого бы то ни было абсолютно во всем. Например, ты, Ира, можешь оказаться умней меня в том, что касается рукоделия, а ты, Катя, в кулинарных премудростях.

– Ну, если ты не умеешь жарить яичницу и заваривать чай, тогда да, – сказала Катя.

– А почему «наверное»? – вновь отчего-то нахмурилась Ирина.

– Наверное что? – смешно заморгал Павел.

– Ты сказал, что наверное тоже будешь изучать этого... Эпштейна.

– Эпштейна – вряд ли, – мотнул головой умный мальчик. – Это кинорежиссер, а я далек от искусства. А вот Альберта Эйнштейна, великого физика, вероятно проходить буду. Но ведь его проходят в старших классах, до этого еще далеко. Как я могу с уверенностью сказать, что буду посещать школу через несколько лет? А вдруг я не доживу?

– Ой, девчонки, не переживайте, – хихикнула Катя, – он точно не умнее нас.

Это замечание разрядило обстановку. Девочки рассмеялись, и даже сам Павел заулыбался.

– В общем, с тобой все ясно, – вынесла наконец вердикт Катя. – Ты ботаник.

– Ну, ты, в общем, права, – слегка зарделся мальчик. – Биология, и, в частности, ботаника – одна из моих любимых наук.

– Она не в том смысле, – хмуро глянула на подругу Ирина.

– А в каком же тогда? – смешно вздернул белесые брови Павел. Он вообще был каким-то немного смешным, несурзным, начиная от тощей фигуры и неуклюжей, как у цапли, походки, и заканчивая лицом – тоже вытянутым, длинноносым и кажушимся слегка простоватым, но с высоким, умным лбом, над которым топорщились во все стороны светлые волосы.

– Не обращай внимания, Павлик, – постаралась увести разговор от ненужной темы Наташа. – Девочки шутят. Расскажи лучше, какие тебе еще предметы нравятся?

– Предметы? – совсем растерялся Павел. – В каком смысле? В широком или... Ах, ты о школьных предметах! – хлопнул он вдруг себя по лбу. – Тогда проще сказать, какие мне не нравятся.

– Я знаю, – хмыкнула Катя. – Физкультура.

– Отнюдь, – помотал головой Павлик. – Физкультура мне нравится. А вот от спорта я и правда далек.

– Ага, – криво улыбнулась Катерина, – и пение ты тоже любишь, только тебе медведь на ухо наступил.

– Не припомню такого случая, – задумался мальчик, – если только в раннем детстве...

Все три подружки весело фыркнули.

– Он такой клевый! – не удержавшись, опять перестав дуться, отвела Катю в сторону и шепнула ей на ухо Ирина.

– А как же Митрофанов? – шепнула в ответ та.

– Митрофанов красивый... – вздохнула, расстроившись снова, несчастная Ирка.

– Так кого приглашать на день рождения – Ивана или Павла?

– А можно обоих? – жалобно заморгала Ира. – Как раз трое на трое получится.

– А меня опять не посчитали... – притворно захныкала ведьмочка.

Больше в тот день ничего интересного не случилось, а лежа перед сном в постели, «сестренки» опять немного поболтали. Конечно же, они не могли не пообсуждать нового одноклассника.

– А он ничего, – сказала Катя.

– Кто? Пашка? – фыркнула ведьмочка. – Зануда и выпендрожник!

– Ну, почему сразу выпендрожник? Просто умный.

– Может и умный, но выпендривается.

– Нет, он не выпендривается. Просто он хочет нам понравиться.

– Смотрю, кое с кем это ему удалось.

– Со мной, что ли?

– Не только с тобой. В первую очередь, с Наташкой. Да и Ирка на него тоже запала.

– А ты нет!

– А я нет. Мне его ум до лампочки. Я и сама не дура. И умею побольше, чем он. Только не выпендриваюсь.

– Что ты заладила про свое выпендривание?

– Как раз не про свое. И вообще, в мужчинах надо ценить выдержку, силу, храбрость, ну и... верность, пожалуй. Вот Лешка Безбородов – парень, что надо. Смелый, благородный, и выдержка у него – о-го-го! Может, не очень пока сильный, но это он еще маленький, а вот повзрослеет – о-го-го каким станет!

– Ты вот над нами смеешься, что мы там на кого-то запали, а сама-то, смотрю – о-го-го! – в Лешку втюрилась, – захихикала Катя.

– Кто, я?! – подпрыгнула на кровати Катерина. То есть, подпрыгнули, разумеется, обе, но возмущаться продолжала ведьмочка: – Да я вообще никогда ни в кого не влюблюсь! Нужны они мне, мужики эти! Хвастуны и выпендрожники!

– И Лешка?

– Может, и Лешка. Я его не знаю почти. Может, он тоже в драку полез, чтобы перед тобой выпендриться.

– Передо мной?! – подпрыгнула теперь и Катя. – Почему это передо мной? Может, как раз перед тобой?

– Не говори ерунду, он меня даже не знает.

– Так это же как раз ты Витьке Белову нос разбила! Вот тебя Лешка и заметил. До этого он на меня и не смотрел даже.

– Ничего, на дне рождения насмотрится. Давай спать! Распрыгалась тут...

Катя послушно улеглась. А ведьмочка вдруг гыгыкнула:

– Я представила сейчас, как Пашка с Ванькой на твоей днюхе бодаться будут! Оба ведь себя умными считают. Вот поржем-то над ними!

– Тебе бы только ржать... – зевнув, сказала Катя. И тут же провалилась в сон.

Глава седьмая, в которой «сестренкам» снится одинаковый сон, а наяву они получают по ботанике пятерку с плюсом

Сон ей приснился очень необычный. В этом сне Катя впервые после посещения «логова» увидела свою вторую ипостась воочию. Только одета «сестренка» была не в старое платье, а в красные шорты и маечку-топик, точно такие же, как на самой Кате. Такой их наряд был вполне объясним: девочки бежали босиком по галечному пляжу. Перед ними синело море, с неба жарило солнце – не сон, а идиллия! Тем более, побывать на море было давней Катиной мечтой.

Добежав до воды, они быстро разделись, оставшись в одинаковых, тоже красных, купальниках, и с разбегу бросились в море. Катя ходила в бассейн и плавать научилась довольно неплохо, но там, во сне, она взрезала морскую гладь, словно гоночный катер. Впрочем, Катерина от нее не отставала. Очень быстро берег превратился в узкую полосочку, а потом и вовсе исчез. Вокруг было одно только море. Нет, не только... Над невысокими волнами, шаблонно, по-киношному, показался вдруг острый черный плавник, который, разумеется, повернул в их с ведьмочкой сторону. Он был все ближе и ближе, вот сквозь ставшей

необычайно прозрачной, словно в бассейне, воду Катя уже смогла различить длинное хищное тело, горящие злобой глаза, оскаленную многозубой улыбкой пасть...

Акула притормозила лишь на мгновение, решая, кого сожрать первой, и выбрала Катерину. Ну, а сама Катя, вместо того, чтобы улепетывать, вдруг развернулась к морской хищнице и, издав боевой клич, ринулась акуле наперерез. В три сильных гребка она подлетела к акуле и заехала той кулаком прямо по носу. Зубастая рыбина жалобно, словно собака, которой наступили на хвост, заскулила и бросилась наутек. Катя снова издала клич – теперь уже победный, а Катерина вдруг начала тонуть. Что интересно, Катя воспринимала ощущения «сестренки», будто свои – та почти не испугалась, ей даже стало любопытно, а что же там, на дне? Может, затонувшие корабли с сокровищами?

Но утонуть и исследовать морское дно ей не дали. Катя увидела, как рядом с ведьмочкой опять пронеслось что-то большое, темное и первым делом подумала, что это вернулась акула. Но рыбина не стала закусывать Катериной, а начала вдруг подталкивать ее кверху большой гладкой головой с коротким тупым носом. «Да это же дельфин!» – поняла Катя и теперь уже совсем успокоилась.

Дельфин вытолкнул «сестренку» на поверхность, поднырнул под нее, и Катерина оказалась сидящей верхом на его блестящей широкой спине. Сама Катя очень лихо вспрыгнула на дельфина позади ведьмочки, и они с радостными воплями понеслись к берегу.

Сон был настолько реалистичным, что, уже проснувшись, Катя еще какое-то время слышала шелест рассекаемой дельфиньим брюхом воды и ощущала вкус солоноватых брызг. А потом вдруг «услышала» восторженный возглас Катерины:

– Круто!

Сперва она и его приняла за продолжение сна, но наконец-то поняла, что находится не на дельфиньей спине, а в постели, и никого рядом с ней нет. Есть только внутри.

– Что «круто»? – переспросила Катя.

– Мне сейчас такой сон приснился – ух! Мы с акулой в море сражались, а потом катались на дельфине. Вместе с тобой, кстати.

– Что?.. – с трудом сглотнула Катя. В горле вдруг пересохло. – Тебе тоже снился этот сон?..

– Ну-ка, ну-ка... – села на кровати ведьмочка. – Покажи, что ты видела.

Катя мысленно прокрутила в голове «пленку» своего сна. «Сестренка», досмотрев его, засопела, садясь поудобней, и даже подоткнула под спину подушку.

– А теперь давай-ка подумаем, – непривычно серьезным тоном сказала она.

– А может, давай-ка теперь спать дальше? – спросила Катя. – Ночь на дворе, а нам завтра в школу.

– Школа не убежит, а вот сон можно «заспать», утром все четко не вспомним.

– А зачем его вспоминать?

– Потому что сны – это очень важно. Сны почти всегда что-то значат. А уж если нам вообще один в один все приснилось – это уж точно неспроста.

– И что теперь?

– Теперь я буду вспоминать, что все это значит. Толкование сновидений – это тоже наука. Если хочешь стать настоящей ведьмой, обязательно должна ею овладеть.

Кате стала интересно. Она затаила дыхание, приготовившись слушать «двойницу».

– Во-первых, цвета, – начала свою лекцию-рассуждение Катерина. – Мы были с тобой во всем красном. А красный – это опасность, цвет предостережения. Затем – море. Оно может означать... – «Сестренка» задумалась, словно вспоминая страницы учебника, а потом и впрямь выдала по-книжному: – Море означает погружение в глубины бессознательного. Не очень понятно, что это значит, ну да ладно. Кстати, я в этом море тонула, но при этом не боялась.

– Ага, тебе даже интересно было.

– Вот! А это значит... – Ведьмочка снова стала цитировать учебник: – Это свидетельствует либо о желании глубже исследовать область бессознательного, либо о стремлении постичь тайну смерти.

– Нет! – испугалась Катя. – Неужели ты хочешь постичь тайну смерти?

– Пока не очень. Значит, хочу исследовать эту... область бессознательного, – сделала вывод «сестренка». – Так?

– Ну, не знаю... Тебе видней. Ты лучше скажи, что значит акула?

– Акула? – сглотнула ведьмочка и ответила почему-то шепотом: – Акула во сне символизирует врага.

– Ой! Но мы же ее победили! Это ведь что-то хорошее значит?

– Ага! – взбодрилась «двойница». – Победа над противником во сне предвещает успех.

– А дельфин?

– Та-аак... – снова принялась мысленно листать учебник ведьмочка. – Если во сне вы плывете верхом на дельфине, то вам предстоит неожиданное приключение.

– Я так и знала, – вздохнула Катя. – Мало мне приключений на мою голову.

– Но ведь приключение – это круто! – воскликнула Катерина. – Давай-ка подсобьем бабки.

– То есть?

– То есть, сделаем вывод из нашего сновидения.

– А чего его делать? – снова вздохнула Катя. – Нас предостерегают, что мы попадем в опасное приключение, где повстречаемся с врагом.

– Да, но в итоге-то нас ожидает успех!

– И погружение в область бессознательного... – зевнула Катя. – Давай-ка и правда в нее погружаться, пока приключение не началось.

Вскоре «сестренки» опять мирно посапывали. Больше в эту ночь им ничего не снилось.

Конечно же, они не выспались. Конечно же, на уроках они буквально спали с открытыми глазами. И конечно же, по закону подлости, на ботанике к доске вызвали Катю.

– Спокуха! – подбодрила ее «сестренка». – Ботанику я знаю. В лесу, как-никак, жила. А уж лекарственные травы... Короче, дай я отвечать буду.

Но биологичка Фаина Борисовна, по прозвищу Бофа, спросила, разумеется, не про лекарственные травы.

– Давай-ка, Юлаева, – задушевым тоном сказала она, – вспомним основы. Нарисуй на доске схему строения клетки, а потом расскажи о функциях отдельных ее органоидов.

Пухлая, круглая, с короткими руками-ногами и прилизанной прической Бофа сама напоминала непомерно увеличенную клетку, и Катя даже испугалась, как бы это пришедшее ей в голову сравнение не сподвигло ведьмочку изобразить портрет ботанички. Но Катерина, подслушав ее мысли, шепнула:

– Я что, совсем без башни? Зачем нам лишние неприятности?

– Извини, я просто так подумала. Нечаянно. Рисуй клетку.

– Давай лучше ты. Я что-то сегодня не в форме.

– Нет уж, – заявила Катя, – ты сама вызвалась отвечать, никто тебя за язык не тянул. Ты ж ботанику знаешь! Вот и прояви свои знания.

– Я ее больше на практике изучала. Прости, но я забыла, что там у этой клетки внутри.

– Так и я забыла, – призналась Катя. – Что будем делать?

Сидевшая за столом Бофа повернула к ней голову.

– В чем дело, Юлаева? Я жду.

– Ладно, не дрейфь, я придумала, – мысленно сказала Кате «сестренка», а вслух произнесла: – Мел сырой, Фаина Борисовна, не пишет совсем. – И в подтверждение провела по доске мелом, который оставил после себя лишь едва заметный влажный след.

– Так возьми другой.

– И другой тоже сырой, – повертела в руках еще один белый брусочек ведьмочка.

Бофа поднялась из-за стола, подошла к доске, недоверчиво пощупала мел и обернулась к классу.

– Кто сегодня дежурный? – окинула она взглядом учеников.

– Я, – поднялась Наташка.

– Почему ты не поменяла перед уроком мел?

– Я два куса принесла! – возмутилась девочка. – Нормальный мел был.

– Но ты же видишь, какой он нормальный? Быстро сходи в хозкабинет и принеси еще.

Наташка ушла и вскоре вернулась с новым брусом. Но только лишь ведьмочка начала проводить им линию, как мел раскрошился, оставив на зеленой поверхности доски сырое пятно.

– Этот тоже мокрый, – опустила голову Катя, стараясь не рассмеяться. Она уже знала, чьих рук, а точнее – мозгов, это дело.

– Что? – завертела головой биологичка, не решив еще, кого следует отчитывать. Но увидев на доске мокрый след, набросилась на дежурную: – Лебедева! Ты что, поиздеваться надо мной вздумала?!

Бедная Наташка вскочила, словно ее ошпарили. И покраснела так, будто ее и впрямь окатили кипятком:

– Фаина Борисовна!.. – только и смогла она выговорить, а потом разрыдалась и выбежала из класса.

Биологичка начала закипать. Но тут поднялся Иван Митрофанов:

– Давайте я за мелом схожу, Фаина Борисовна.

Бофа, глянув на отличника, преобразилась. Улыбнулась, закивала:

– Да-да, Ваня, сходи, пожалуйста. Тебе-то я могу доверять.

Но с мелом, принесенным Иваном, в руках ведьмочки произошла та же история. Более того, едва она коснулась им доски, белый брусочек потек, словно был сделан из мороженого.

– Да что это такое! – вспыхнула биологичка. – Бунт?! Заговор?! Что это такое, Митрофанов, я спрашиваю? Старое вспомнил? По двойкам соскучился?

– Фа-фа-фаина Б-борисовна... – начал вдруг заикаться побледневший Иван. – Я н-не... я ничего такого не делал!..

– Так! – хлопнула по столу ладонью Бофа. – Я сейчас сама схожу за мелом. И чтобы тихо мне тут! Всем сегодня двоек понаставлю! Три кандидата уже есть.

Биологичка выкатилась из класса, а несчастный Митрофанов рухнул на стул и обхватил голову руками:

– Я – кандидат на двойку?.. Но за что?!

– Спокуха, Ваня, – сказала Катя. То есть, это Ивану показалось, что говорит его одноклассница Катя Юлаева. На самом деле, конечно же, продолжала свое выступление юная ведьма. – Никому она ничего не поставит. Пугает просто. Вот увидишь.

В классе стояла полная тишина. Разумеется, вовсе не из-за предупреждения учительницы. Просто каждый подспудно чувствовал: происходит что-то необычное.

Бофа ворвалась в притихший класс и подозрительно оглядела учеников.

– Ну-ну, – непонятно пробормотала она и бережно, словно тот был необычайно хрупким, поднесла принесенный кусок мела к доске. Но не успела она коснуться им зеленой поверхности, как с белого кончика сорвалась тяжелая капля и в полной тишине – шлеп! – разбилась о пол. А потом с него потекло так, будто мел был смоченной в воде губкой.

– Ай! – взвизгнула Бофа, отбрасывая мокрый брусочек, словно дохлую мышь, которую она случайно прихватила.

Класс зашумел. Кто-то засмеялся, пара-тройка девчонок тоже взвизгнула за компанию с учительницей, но в основном это были вздохи и возгласы изумления. Одна лишь Катя терпеливо и невозмутимо стояла у доски, переминаясь с ноги на ногу.

– Фаина Борисовна, – мотнула она головой, отбрасывая с глаз челку. – Может мне так ответить, без схемы?

– Да-да... – пробормотала белая как пресловутый мел биологичка. – Без схемы... Что же такое? Может, в классе повышенная влажность?.. Что ты сказала, Юлаева? Без схемы? Нет, как же без схемы? Без схемы нельзя. Без схемы видишь, что творится... Садись Юлаева, садись, поставлю тебе пока точку.

– Как точку? – заморгала Катя, запихивая свою протестующую вторую ипостась подальше в глубины сознания. – Почему точку? Ведь я же знаю материал! Я же не виновата, что мел не пишет! – Кате было стыдно, она снова вралась, пусть и наполовину. В капризах мела ее вины и впрямь не было. Впрочем, и насчет знания материала она, вроде бы, не очень солгала, потому как кое-что вдруг действительно вспомнила: – У клетки есть оболочка, ядро, рибосомы, митохондрии и этот... агрегат Гольджи!

– Аппарат Гольджи, – машинально поправила Бофа и сморщилась как от головной боли: – Ладно, Юлаева, садись, не кричи, поставлю я тебе четверку.

– Почему четверку? – выкрикнул кто-то из класса. Кате показалось, что это был голос Лешки Безбородова. – Она в таких экстремальных условиях отвечала!

– За это вообще шестерку надо ставить, – поддержал Лешку кто-то еще.

– Ладно-ладно! – будто сдаваясь, подняла руки биологичка. – Замолчите! Я поставлю Юлаевой пять с минусом. Схемы все-таки не было, к тому же, она не рассказала о функциях...

И тут вдруг водой засочилась зеленая классная доска. Она словно плакала от несправедливости вредной училки. Бофа стала теперь даже белее мела и закивала доске, успокаивающе вытянув к ней руки:

– Хорошо-хорошо! Пять. – Струи на зеленой поверхности стали заметно тоньше. – С плюсом, – добавила биологичка. Доска моментально высохла. И тотчас прозвенел звонок. Бофа обессиленно рухнула на стул.

– Урок окончен. Все безводны.

Глава восьмая, в которой день рождения начинается, хоть Катя еще и не родилась

Предыдущие дни рождения были для Кати праздником и только. Она ждала его с нетерпением в основном из-за подарков, а потом, класса с третьего-четвертого, еще из-за подруг и друзей, для которых устраивали дополнительное, отдельное от взрослых торжество. Оно нравилось Кате куда больше, чем застолье с дядями-тетями – соседями и мамиными сослуживцами, которых она и знала-то плохо.

В этот раз все было по-другому. Возможно потому, что и сама Катя стала другой; и не только, и даже не столько из-за Катерины. Она вдруг поняла, что беззаботное детство кончилось. Нет, конечно же, она не возомнила себя взрослой, но почувствовала, что жить, как раньше, по инерции, лишь по наставлениям и подсказкам родителей – без забот – она больше не станет. Да и не сможет. Пришла пора о многом думать и принимать решения самой. И хотя авторитет папы с мамой не стал для нее меньшим, Катя хоть и по-прежнему безоговорочно выслушивала и выполняла родительские наставления, так же безоговорочно принимать их все за абсолютную истину уже не спешила. По многим вопросам у нее появилось свое, личное мнение, с которым она, правда, не всегда спешила делиться с окружающими, особенно со взрослыми.

Появление Катерины именно теперь стало для Кати настоящим подарком. Теперь она могла не только делиться своими мыслями и соображениями, но и защищать их, отстаивать свое мнение в спорах. Впрочем, на удивление, делать это приходилось не так уж и часто, как полагала Катя вначале. А может, и нечему тут было удивляться, если они и в самом деле были чем-то, или, точнее, кем-то единым. Разногласия, в основном, возникали по мелочам, как, например, в этот раз – по поводу того, приглашать или нет на день рождения Павла. Катя была за то, что новенького нужно пригласить, как минимум, по трем причинам: он был умным, за него просила Наташка и к тому же, у него в этом городе, кроме них, вообще пока не было друзей или хотя бы приятелей. Катерина же продолжала настаивать, что Пашка «ботаник» и страшный зануда, а еще она почему-то была уверена, что Котов и Митрофанов обязательно подерутся, выясняя, кто из них умней.

– Что за глупости! – возражала Катя. – Да они и драться-то не умеют.

– Не умеют, ну и что? – отвечала на это ведьмочка. – От того что они будут мутузить друг друга неумело, тебе станет легче? Праздник-то они все равно испортят.

– Обещаю, я поговорю с обоими. Да они ведь и в самом деле не дураки, чтобы при девочках устраивать такое.

– Вот именно, что при девочках! – фыркала «сестренка». – Они ведь перед нами и станут красоваться, чей хвост пушистей. А в итоге подерутся.

– Если они подерутся, я на целый день отдам тебе тело в полное распоряжение.

– На три! – обрадовалась Катерина.

– На один.

– Дай хотя бы на два, а то в воскресенье не интересно. Я в школе хочу похозяйничать.
– Ты уже похозяйничала на ботанике.
– И что? Кто-нибудь умер? Все повеселились, а ты еще и пять с плюсом заработала.
– Особенно Бофа повеселилась. Боюсь, она теперь из школы уволится.
– А чего бояться? По-моему, ее к детям вообще нельзя близко подпускать. Пусть в зоопарк идет работать, как раз по ее профилю.

В итоге «сестренки» сторговались на одном дне, но на будничном. При этом Катерина клятвенно пообещала больше в школе не колдовать. Когда этот вопрос был решен, Катя вдруг вспомнила:

– Погоди-ка, а если не подерутся?..
– Куда они денутся!
– И все-таки. Так не честно! Спор есть спор. Нужно оба варианта обговорить.
– Хорошо. Что ты хочешь?
– Пока не знаю.
– Ну, вот, начинается! А чего тогда выпендриваешься: спор, спор!..
– Потому что спор. Имею право.
– Так я тебя и спрашиваю: что ты хочешь за это свое право?
– Тогда пообещай, что не обидишься, и что точно выполнишь.
– Э-ээ! – завопила вдруг ведьмочка. – Иди ты на фиг! Этого я делать не стану.
– Ты что, подсмотрела мои мысли? Как тебе не стыдно?
– Ты бы еще красочней это представила, все бы твои мысли увидели, не только я.
– Ну, ладно... И все-таки я желаю, чтобы в случае проигрыша ты его поцеловала.
– Не буду.
– Но ты же в него влюбилась! Я ведь виж...
– Так ты тоже мои мысли подглядываешь?!
– Сама научила. Тебе можно, а мне нельзя?
– Да ты знаешь, кто ты такая?! И ты еще собралась меня перевоспитывать?..
– Это не я собралась! Это вы с твоим папой придумали. У меня что, был выбор?
– Значит, ты жалеешь, что я с тобой? Поехали в лес, я уговорю папу, чтобы он вернул меня назад.

И вот тут Катя испугалась. Ведьмочка сказала это так серьезно, что Катя поверила: а ведь уговорит! Такая может. И как она тогда будет... без нее?..

Она и сама не ожидала, что так бурно расплчется. Слезы полились буквально в два ручья. Хорошо, что в тот момент мамы не было дома – ушла за праздничными покупками, – а то бы наверняка перепугалась за нее до смерти.

Но и ведьмочка не ожидала подобной реакции. Тем более, Катины мысли на свое заявление она невольно подслушала. Конечно, ей тоже было хорошо с Катей, она привязалась к «сестренке» всей душой, но почему-то до конца не могла поверить, что та испытывает к ней такие же чувства. И совершенно внезапно разрыдалась и она.

Если бы каждая из них была сейчас в отдельном, своем собственном теле, девочки наверняка бы бросились друг дружке в объятия и продолжали бы рыдать дуэтом, орошая слезами одна другой плечи. А так они лишь напропалую несли обрывочную мысленную какофонию чувств:

– Ты такая!.. Да я без тебя...
– Ты лучше меня!.. Я недостойна...
– Это я недостойна! Я дура такая!..
– Зови Пашку! Всех зови!..
– Нет! Если ты не хочешь...
– Я хочу то же, что и ты...
– ...что и ты...
– ...и ты...
– ...мы с тобой...
– Я поцелую Лешку.

И лишь в Катиной голове прозвучала эта фраза, она перестала плакать. Точнее, обе они перестали. Словно слезам кто-то перекрыл краник.

– Если проиграю, конечно, – добавила ведьмочка. Фразу про поцелуй произнесла, разумеется, она.

– Да ладно, не надо, – в последний раз всхлипнула Катя.

– Надо. Спор есть спор. Тем более, я ничем не рискую, они все равно подерутся.

– Значит, приглашаем Павла?

– Давай, звони ему. А то подарок не успеет купить.

Обе «сестренки» рассмеялись, и кто-то из них – неважно уже кто – стал звонить Наташке, чтобы узнать Пашин номер.

Потом позвонила из деревни бабушка. Долго поздравляла Катю, желала всего хорошего, самое главное – не болеть, хорошо кушать и слушаться папу с мамой. Скорее всего, бабушка все еще считала Катю маленькой девочкой, но та не стала ее разубеждать, иначе разговор продлился бы до вечера.

Потом вернулась из магазина мама и позвала Катю.

– Ты меня прости, – сказала она, – но придется тебе в магазин сбегать, я сметану забыла купить. Мне уже пора начинать готовить, так что, будь добра, прогуляйся.

На улице моросил дождь, и Кате не очень хотелось гулять. Она бы могла сослаться на то, что сегодня ее день рождения, все такое, но делать этого не стала. Во-первых, не хотелось огорчать в такой день маму – ведь это и ее праздник, а во-вторых, мама говорила, что родилась Катя в час дня, поэтому она даже никогда не поздравляла ее с утра, так что аргумент про день рождения пока не годился. В итоге именинница неслышно вздохнула, оделась и пошла за сметаной. А когда вернулась, мама огорошила ее новостью:

– Тебя тут девочка поздравлять приходила. Вот, просила передать.

Мама протянула Кате зеркало – небольшое, овальное, в красивой резной рамочке под красное дерево, с откидывающейся подставкой. Но, хоть и очень красивое, зеркало явно было не новое – рамка потемнела от времени, кое-где на ней виднелись царапины, да и само стекло было слегка потускневшим, с отслоившейся по краям амальгамой.

– Что еще за девочка? – повертела в руках зеркало Катя. – И что это за антиквариат?

– Я сама ее первый раз увидела, – пожалала плечами мама. – Худая такая, высокая. По моему, она тебя старше. Сказала, что ее зовут Капа, что вы с ней познакомились, когда ездили в музей.

– Что?.. – поперхнулась Катя, чувствуя, как лицо ее заливают краска. Но тут на нее яростно зашипела ведьмочка: – Молчи! Я все поняла! Это папа! Ка-па – Катипап... Врубаешься? – И пока Катя не ляпнула чего-нибудь, сама за нее сказала маме: – Ах да! Я вспомнила. Там еще из других школ были ребята, вот я с одной девочкой и познакомилась.

– И сразу дала ей свой адрес и пригласила на день рождения?

– Я не приглашала.

– Ну как же? Она извинилась, что остаться не может, что опять сегодня едет в Мохановку. Что, там на самом деле так интересно? Надо бы мне тоже как-нибудь собраться, съездить в этот музей.

Но тут, к счастью, на кухне что-то зашипело, и мама, ойкнув, убежала.

– Уф-ф!.. – выдохнула Катя. – Чуть не попались. Зачем твой папа этот маскарад выдумал?

– А что, ему нужно было в своем собственном облике явиться? То-то бы твоя мама обрадовалась!

– Я не понимаю, зачем он вообще сюда явился?

– Не понимаешь, да? – обиженно пробормотала «сестренка». – Ведь сегодня и мой день рождения. Ты вот хоть с мамой в такой день, а я...

– Ой, прости, – закусил губу Катя. – Я не подумала. Но почему он не подошел к нам, когда мы в магазин ходили? Наверняка ведь видел. Поздравил бы лично.

– Нельзя. Он пообещал, что я его не увижу, пока не исправлюсь. А уж если папа что пообещал...

– Ясно. Мой папа такой же. Он всегда говорит, что обещать что-то кому-то можно лишь тогда, когда ты твердо уверен, что сумеешь это выполнить. Иначе грош твоим словам цена, а значит, и тебе самому. И что если уж дал кому-то слово, то разбейся, но выполни.

– Народная мудрость, – сказала «сестренка». – Не давши слово – крепись, а давши – держись. Как-то так.

– Слушай, а почему твой папа такой странный подарок сделал? – вновь повертела в руках зеркало Катя. – Старое какое-то, мутное...

– Сама ты мутная! Папа ничего зря не дарит. Значит, это зеркало непростое. Наверняка у какой-нибудь колдуньи выменял на что-то. Или в карты выиграл. Скорее всего, оно для гадания. Сегодня, кстати, и проверим. Заодно и гостей развлечем. Будто в шутку гадаем. А сами...

– ...посмотрим, что о тебе Лешка думает? – хмыкнув, продолжила Катя.

– Ты опять?! – рассердилась ведьмочка. – При чем тут Лешка?

– Ладно, ладно, молчу, – поспешно сказала Катя. И вспомнила вдруг: – Кстати, с днем рождения, «сестренка»!

– Тебя тоже, – буркнула та в ответ.

Глава девятая, в которой выясняется, что это не простой день рождения

Ровно в час дня мама с торжественным видом зашла в Катину комнату. Руки она прятала за спиной.

– Ну, дочка, с днем рождения тебя. Будь умницей. Надеюсь, мы с папой всегда сможем тобой гордиться. Вот тебе наш подарок. – Мама освободила из-за спины руки и протянула красивую коробку.

– Спасибо! – приняла подарок Катя. – А что это?

– Открой, узнаешь, – улыбнулась мама.

Но Катя и так уже поняла – что, поскольку увидела на коробке изображение фотоаппарата. Она давно мечтала о цифровом фотике, не раз заикалась о нем родителям, но ей всегда казалось, что те пропускают ее намеки мимо ушей. А вот, оказывается, и нет!

– Спасибо, спасибо, мамочка! – бросилась Катя маме на шею.

– Да ты открой сначала, – засмеялась та. – И потом, это не только мне, но и папе спасибо. Между прочим, он и покупал. Кстати, он просил тебе сказать, чтобы ты лично для него побольше снимков делала, желательно – со звуковым сопровождением, там есть такая возможность.

– Как это? – удивилась Катя, уже распаковывая подарок.

– Очень просто. Сфотографируешь что-нибудь для папы, а потом к этому снимку звукозапись сделаешь, там есть встроенный микрофон: дескать, милый папочка, это тебе от меня, я тебя очень люблю, скучаю и все такое.

– Ура! – достала наконец фотоаппарат Катя. – Какой он здоровский! Я теперь с ним не расстанусь. Можно я тебя сфоткаю?

– Ты сначала инструкцию внимательно прочитай, разберись во всем. Там куча всяких режимов. Да и аккумулятор, наверное, сначала зарядить нужно.

– Ладно. А потом можно будет?

– А почему же нельзя? Для того и фотоаппарат, чтобы им фотографировать.

Катя еще раз сказала спасибо, поцеловала маму и стала изучать подарок. Ведь и на самом деле нужно было с ним разобраться, пока не пришли гости. Надо же запечатлеть друзей и подруг на ее празднике, и будет обидно, если снимки вдруг не получатся.

– Круто, – оценила подарок и ведьмочка. – Вот это действительно полезная вещь. Будем всех фоткать, а потом на компьютере изгаляться над ними.

– Как это изгаляться?.. – растерянно заморгала Катя.

– Как, как! Очень просто. Рожки всякие подрисовывать, усы, бороды. Или головы менять.

– По-моему, это тебе нужно поменять голову, – сказала Катя. – Какие-то детские забавы тебе в нее приходят.

– Ой-ой! Какой она взрослой стала. Тринадцать лет – подумать только! На пенсию скоро.
– Положим, на пенсию я еще не собираюсь, но тринадцать лет – это все-таки не десять, чтобы такой дурью маяться, как ты предлагаешь. Тринадцать, это...
– ...чертова дюжина! – закончила за нее «сестренка». – Слушай, я только сейчас сообразила: это же самый что ни на есть наш возраст! Это же... Это, знаешь, что у тебя сейчас на самом деле?..

– Ну, что? – спросила Катя, ожидая услышать в ответ очередную хохмочку.

– Это твоё рождение как ведьмы! Тринадцать лет, да еще тринадцатого числа!

– И в тринадцать часов... – ахнула пораженная Катя. Совпадение, если это и впрямь было всего лишь совпадением, показалось ей небывалым.

– Вот! – торжественно провозгласила Катерина. – С днем рождения, ведьма!

– Спасибо... Ой, и тебя тоже!

«Сестренки» очень пожалели, что не могут обняться, чтобы поздравить друг дружку как следует. А еще вспомнили, что нужно научиться обращаться с фотоаппаратом, и сели изучать инструкцию.

Через пару часов, отсняв кучу кадров – в основном, виды из окна и себя в зеркало, – обе ведьмочки постановили, что фотографировать они умеют и пошли на кухню снимать маму. Но мама сказала, что у нее еще не праздничный вид.

– И вообще, – сказала она, – хоть у тебя и день рождения, пожалуйста, помоги мне. Иначе мы до гостей не успеем.

Кате стало стыдно. Доказывала «сестренке», что она теперь не маленькая, смеялась над детскими замашками своей второй ипостаси, а сама ведет себя как несмышлениш. Мама тут бьется в одиночку, чтобы накормить ее гостей как следует, а она в игрушки играет! Ну, пусть не в детские, но все-таки...

– Конечно, мамочка, конечно! – отложив фотоаппарат, метнулась она к маме. – Тебе нужно было раньше меня позвать. Говори, что делать.

– Раньше ты бы мне только мешала, – подмигнула ей мама, – двум женщинам на кухне не место. А вот теперь – в самый раз. Раздвинь стол в гостиную, застели его скатертью и начинай расставлять-раскладывать приборы. А потом станешь носить туда с кухни то, что я тебе буду давать.

– Слушаюсь, мэм! – дурачась, вытянулась в струнку Катя.

– Какая я тебе мэм? – засмеялась мама.

– Ну, тогда мам, – рассмеялась в ответ Катя, чмокнула маму в щечку и побежала в гостиную выполнять ее поручения.

Первым из гостей, на полчаса раньше срока, пришел Павел. Когда Катя позвонила ему утром и пригласила на день рождения, он так искренне обрадовалась, что даже Катерина немного смягчилась, хоть и буркнула потом, что спор все равно остается в силе. А теперь, глядя на такого счастливого, словно он сам был именинником, парня, Катя и вовсе убедилась, что настояла на своем не напрасно. Спор спором, а дарить людям радость – это, оказывается, так приятно!

Павел церемонно раскланялся, произнес витиеватую поздравительную речь, галантно вручил Кате букет алых гвоздик и коробку конфет, а потом сразу отправился на кухню, где вручил еще один букет Катиной маме, чем привел ту в неописуемый восторг.

– Вот! – горячо зашептала Кате мама, когда Павел, подхватив наполненную салатницу, понес ее в гостиную. – Вот каким должен быть настоящий мужчина: вежливым, предупредительным, галантным! Я очень рада, что у тебя появился такой друг. Это тот самый новенький, о котором ты говорила?

– Тот самый, – сказала Катя, а потом в разговор влезла и ее вторая ипостась: – Только настоящий мужчина, в первую очередь, должен быть защитником и добытчиком. И вообще, быть надежным, сильным и смелым.

– Ого! – округлила глаза мама. – Тебе лишь тринадцать исполнилось, откуда такие взгляды?

– Разве они не верные?

– Пожалуй, что верные. Смотря что ты подразумеваешь под словами «добытчик» и «сила». И потом, ты разве считаешь, что Павел слабый и трус?

Катя хотела перехватить у «сестренки» ненужную инициативу и завершить этот нелепый разговор, но он прекратился сам собой, потому что за новыми поручениями вернулся сам Павел.

– Я же говорила тебе, что он выпендрожник, – зашептала Кате «сестренка», – смотри, как перед твоей мамой выделывается!

– Ничего он не выделывается, – заступилась за парня Катя, – просто хочет помочь, вот и все. И перестань, пожалуйста, заводить с мамой разговоры на такие темы. Очень тебя прошу.

– Я могу и вообще замолчать, – фыркнула Катерина.

Однако на сей раз Катя не поддавалась на провокацию. Ее вдруг почему-то по-настоящему задело упрямство второй половинки.

– Ты лучше не замолкай, а наоборот объясни мне, зачем ты стала спорить с мамой? Откуда ты вообще можешь знать, каким должен быть настоящий мужчина? Ты и обычных-то много ли видела?

– Я видела одного, – с вызовом ответила Катерина, – и мне этого достаточно.

– Кто же этот счастливец?

– Этой мой папа. Он именно такой, как я сказала твоей маме, и лучше его никаких мужчин быть не может.

Катя смутилась и мысленно обругала себя. Ведь знала же, как любит Катипапа «сестренка», неужто не могла догадаться, в чем тут дело? Но и непонятная обида за незнакомого, в сущности, Павла, в ней так и не погасла, а тут еще подлила в огонь категоричность ее второй ипостаси.

– Никаких? Совсем-совсем? А мой папа? Ты его видела? Ты его знаешь? И если уж ты так боготворишь своего, ответь мне, а что сделал бы он, окажись сейчас на месте Павла?

– Он бы не оказался, – буркнула Катерина.

– А ты представь. Вот он пришел сюда поздравить меня... ну, пусть тебя, с днем рождения. Что бы он сделал? Как бы себя повел? Поздравил бы мою маму тоже? Подарил бы ей цветы? Стал бы помогать накрывать на стол?

– Чего ты пристала? Откуда я знаю! Наверное, поздравил бы. Наверное, стал бы. Он ведь культурный человек, несмотря на то, что в лесу живет. Он восемь языков знает, у него ученая степень есть, кстати. По химии.

– Вот, – внезапно успокоилась Катя. – А ты говоришь – выпендривается. И вообще, давайте прекратим этот спор, а то на меня уже мама странно поглядывает.

– Ладно, прости. И насчет твоего папы тоже. Я ведь и впрямь его не видела. Может, и он – настоящий мужчина. А вот у твоего Павла все равно еще до мужчины нос не дорос.

Катя вздохнула, но пререкаться больше не стала. Она и в самом деле уже опасалась, что мама заподозрит неладное: дочь застыла посреди кухни, хмурится, фыркает, да еще, небось, и губами шевелит!

– Ой, мам, что-то я задумалась, – отбросив челку, быстро проговорила она, подхватила вазу с фруктами и шмыгнула из кухни.

Глава десятая, в которой собираются гости, а торжество долго не может начаться

Ровно в пять, хоть часы проверь, пришел Иван Митрофанов. Он был у Кати впервые, да и вообще раньше мало с ней общался, поэтому выглядел очень растерянным и смущенным. Потоптался в прихожей, не зная, что делать сначала – раздеться или вручить подарок, потом все-таки сунул Кате пакет, невнятной скороговоркой пробормотал что-то вроде «поздравляю желаю чтобы здоровье в счастье» и опять стал переминаться с ноги на ногу.

– Мерси, – сказала Катя, сделав небольшой книксен. – Раздевайся, проходи, очень тебе рада.

Не успел Иван снять куртку, как в дверь снова позвонили. Это была Наташка. Увидев Ивана, она сказала «ой» и стала вытягивать шею, пытаясь рассмотреть, кто уже есть в комнате. Догадавшись, что подруга высматривает Павла, Катя, едва заметно кивнув, подмигнула ей.

– Ага, – успокоилась Наташка и торопливо сбросила курточку.

Ваня все еще копался, перекладывая что-то из кармана куртки в пиджак. Наташка протиснулась возле него по стеночке и чуть не бегом бросилась в комнату, но на полпути замерла, шлепнула себя по лбу и повернулась к Кате:

– Это... как там... С днюхой тебя, Катюха! – и громко захихикала: – Днюха – Катюха! Здорово, да?

– Очень, – вежливо улыбнулась Катя. – Проходи, Наташа, в гостиную.

Девочка сделала пару шагов и опять вlepила себе затрещину:

– Тьфу ты! А подарок?

Развернулась, снова протиснулась между стеной и Митрофановым, который все никак не мог расстаться с курткой, и подняла с пола возле входной двери пестрый пакет, который, третий раз миновав вдоль стеночки Ивана, тут же и вручила Кате. После этого, облегченно выдохнув, с чувством выполненного долга зашагала в гостиную.

Иван тоже наконец сумел побороть свою привязанность к верхней одежде и следом за Наташей покинул прихожую. И очень кстати, потому что дверной звонок вновь заиграл призывную мелодию. Это был Лешка Безбородов, который хоть и тоже пришел к Кате впервые, вел себя вполне спокойно: поздоровался, сказал дежурные поздравительные фразы, достал из пакета перевязанный ленточкой целлофановый сверток, вручил его имениннице, быстро разделся, провел пару раз по голове расческой и прошел в комнату, откуда уже слышались голоса одноклассников.

Катя постояла еще пару минут в прихожей, надеясь, что не заставит себя ждать и последняя из приглашенных, Ирина, но Катерина буркнула: «Да ну ее, пошли к ребятам», и Катя тоже направилась в гостиную.

Праздничный стол возвышался рядом с диваном, на котором предполагалось разместить двоих гостей. Сейчас там, с самого краю, сидел один Павел. Напротив дивана, вдоль длинной стороны стола, были поставлены два стула. Один заняла Наташа. Иван стоял возле шкафа с книгами, разглядывая через стекло корешки, а Лешка смотрел в окно на противоположном конце комнаты. С первого взгляда на эту компанию могло показаться, что ребята между собой незнакомы. Да и выглядели они все по-разному. Наташа, как обычно, сияющая и румяная, с большим розовым бантом, в длинной зеленой юбке и белой, с рюшечками и голубыми вставками блузке напоминала веселого попугайчика, беспрестанно вертящего головой. С учетом небольшого росточка, она выглядела сейчас лет на десять-одиннадцать, чего нельзя было сказать о сидящем напротив Павле. Худой и длиннолицый, он и так казался старше своих лет, а сегодня, одетый в строгий серый костюм с темно-синим галстуком, против обыкновения аккуратно причесанный, вполне мог бы сойти за старшеклассника. Иван Митрофанов тоже был в костюме, но темный пиджак был расстегнут и, к тому же, надет на водолазку, что не придавало мальчику особой солидности. Лешка же и вовсе был в джинсах и светло-сером джемпере, поэтому выглядел почти как обычно. И фингала под глазом уже не было видно – наверное, мама дома хорошенько его замазала тональным кремом и припудрила.

Катя краем глаза посмотрела на собственное отражение в стеклах дверок шкафа. Платьев и юбок она не любила – чем отличалась, кстати, от Катерины, которая очень просила ее надеть какое-нибудь красивое платье, но у нее, к счастью, даже некрасивых не имелось, – поэтому на ней были новые темно-синие джинсы, синяя рубашка навыпуск, и яркой голубой ленточкой были подвязаны волосы. Простенько, но со вкусом. Во всяком случае, себе самой Катя сегодня нравилась, и даже ее вторая ипостась вынуждена была согласиться, что выглядит она «ничто так».

– Ну что, – еще раз обвела она взглядом гостей, – будем садиться за стол?

– А Ира? – испуганно пискнула Наташка.

– Семеро одного не ждут, – строго глянул на нее Павел.

– А я считаю, все-таки надо подождать, – подал голос немного освоившийся Иван.

– Катя, – повернулся наконец от окна Лешка, – ты здесь хозяйка, как скажешь – так и будет.

– Садимся, садимся, – поторопила ее «сестренка», – вот еще, ждать всяких опоздашек!

Катя замялась. Она бы, конечно, подождала еще, начинать без лучшей подруги казалось неудобным. И еще двое гостей были также за это. Зато двое других были против, правда, одну из них можно не принимать во внимание... «Это как так – не принимать?!» – тут же возмущенно раздалось в голове. Лешка, можно сказать, воздержался. Так что, подождать, наверное, стоило. И словно в благодарность за такое решение в прихожей раздался наконец звонок.

– Ты чего опаздываешь?! – не дала раскрыть рта открывшей дверь Кате ее вторая половинка. – Королева, что ли? Все тебя ждать должны?!

– Ой-ой, – сказала в ответ Ирина. – Может, мне вообще уйти?

– Да и... – начала Катерина, но Катя все же сумела ее перебить: – Не слушай ее, Ира, не обижайся, проходи давай! Мы еще не начинали.

– Фу ты, – заулыбалась Ира, – я все время забываю, что тебя двое! Чуть и правда не обиделась. – И она показала язык. Разумеется, Катерине.

А потом достала из пакета большой толстый том в темно-синей, с желтыми звездами, глянцевого обложке. Катя успела прочесть: «Энциклопедия оккультизма и мистики».

– Вот, – вручила подруга книгу, – с днем рождения! Специально искала, тебе как раз пригодится.

– Ух ты! – забыла про свое возмущение Катерина. – Спасибо! Здорово! Круто! То, что надо! – и затараторила уже Кате: – Вот, как раз для тебя! Будешь читать и учиться. Только сначала я сама посмотрю, не туфта ли.

– Спасибо, Иришка, – чмокнула Катя в щечку подругу. – Я к ребятам пойду, ладно? А то неудобно. А ты быстренько раздевайся и тоже проходи.

Но сначала Катя прошмыгнула в свою комнату, встала на цыпочки и положила энциклопедию на шкаф – почему-то не хотелось, чтобы остальные, особенно мама, ее увидели. А заодно прихватила родительский подарок – нужно было начинать его «обкатывать».

И так получилось, что в гостиную она вошла одновременно с Ириной. Раздавшийся восхищенный вздох она сначала приняла как раз на счет фотоаппарата. Но подняв на гостей глаза, увидела, что те смотрят вовсе не на нее, а на Ирину. Катя повернулась и тоже ахнула: подруга и впрямь выглядела королевой! На ней было надето темно-коричневое, бархатисто-переливающееся вечернее платье, золотистые волосы были высоко подколоты, а отдельные пряди и локоны волнистыми ручейками стекали на обтянутые темной тканью плечи. В глубоком вырезе платья сверкала золотая цепочка с кулоном. Плюс ко всему, на Ириных ногах красовались туфли на высоких каблуках, что делало и без того высокую девочку еще стройнее и выше. И даже несмотря на то, что косметикой, судя по всему, Ирина не воспользовалась, разве что чуть причернила ресницы, она казалась сейчас одиннадцатиклассницей на выпускном балу.

– У мамы сперла? – не удержалась томимая явной завистью ведьмочка. Та самая, изначальная; вновьиспеченной эти платья были, как известно, до лампочки.

Ирина, догадавшись, «откуда ветер дует», лишь презрительно фыркнула.

– Ой, Ирка, какая ты красивая! – воскликнула наконец и Катя. – Давай я тебя сфотографирую! – вспомнила она про фотоаппарат.

Фотографироваться с «королевой» сразу захотелось и всем остальным. Катя только успевала нажимать на спуск, запечатлевая подругу и одну, и во всевозможных комбинациях с другими гостями. Лишь невозмутимый Павел по-прежнему оставался сидеть на диване.

Про саму Катю, похоже, забыли – казалось, виновницей нынешнего торжества была красавица-Ирина.

– Может быть, все-таки похаваем? – не выдержала наконец Катерина, которой смотреть на все это давно надоело. Хорошо, что возбужденные гости не придали значения тому, что и как произнесла скромная, воспитанная именинница, уловив лишь смысл фразы. Но хорошо и то, что, пусть и в таком виде, она была все-таки произнесена.

Ребята наконец-то оставили в покое Ирину и поспешили занимать места. Рядом с Павлом плюхнулась на диван Наташка. На стульях напротив сели Иван и Лешка. Оставались два стула, с противоположных торцов стола, один из которых, как было обычно принято, предназначался имениннице. Сначала Катя планировала сесть с ближнего края, ведь ей для смены блюд придется часто выходить на кухню. Но ближе к этому стулу сел Митрофанов, и Катя заметила, что на это место уже поглядывает Ира. Да и мысли Катерины, хоть не звучали явственно, все же вполне определенно подталкивали ее к краю со стороны окна, ведь рядом с ним сидел Лешка Безбородов. Не пересаживать же ребят – как им объяснить причину?..

В комнату заглянула мама:

– Здравствуйте, ребята. Вы что, еще не начали? А я уже горячее собралась нести. Катя, ты чего гостей голодом моришь?

– Все нормально, мам, – сказала Катя, – сейчас мы начнем. Может, и ты с нами сядешь?

– Нет-нет, зачем я вам буду мешать, – замахала мама руками. – Ты мне скажи потом, когда нести горячее.

– Ладно, – кивнула Катя и направилась все-таки к ближнему стулу.

Ирина, слегка скривив красивые губки, волей-неволей пошла к окну. И тут произошла интересная вещь: Иван подскочил вдруг с места, бросился к дальнему стулу и галантно отодвинул его перед Ирой. Леше ничего не оставалось делать, как произвести подобные телодвижения перед Катей. А потом и сели мальчики, соответственно, рядом, так что все неожиданно встало на свои места.

– Твоя работа? – спросила Катя у «сестренки».

– Вот честное слово – нет! – ответила та. – Сама в шоке.

Глава одиннадцатая, в которой праздник все-таки состоялся, но не очень весело закончился

Угощение всем очень понравилось, Катину маму то и дело хвалили за ее кулинарное мастерство. С одной стороны, Кате было приятно это слышать, а с другой – немножко стыдно, могла бы и сама принять в готовке участие. Но стряпать ей ужасно не нравилось, не хватало ей терпения стоять у плиты, и ничего она с этим поделаться не могла.

После того как гости досыта наелись и напились чаю с тортом, Катя позвала их в свою комнату. Мама же принялась убирать со стола. К ней тут же присоединился Павел, на все возражения ответив, что после столь обильного ужина ему необходимо размяться.

– Видала? – шепнула на это «сестренка». – Опять выделяется.

– Ладно тебе, – сказала Катя, – просто он так воспитан.

– Ага. Подхалимом.

– Перестань! Какой ему прок подхалимничать перед моей мамой?

– Может, он к тебе так клинья подбивает, – гыгыкнула Катерина, – через маму.

– Сейчас как стукну!

– А ну-ка, ну-ка! В нос, пожалуйста. Покрепче.

– Ладно, хватит. Пойдем гостей развлекать. Что бы такое придумать, чтобы всем интересно было?

– А предложи им буриме! Нет, давай я лучше. Я понятней объясню.

Катя согласилась и, зайдя в комнату вслед за ребятами, сказала:

– Хотите, я вас новой игре обучу?

Гости воодушевленно зашумели и закивали. Тогда заговорила Катерина:

– Короче, игра стихотворная. Но простая. И прикольная. Уржаться можно, обещаю.

И она стала объяснять правила игры. Только на этот раз из-за большого количества участников она предложила писать не четверостишия, а рифмованные двустишия. Тот, кто начинает, пишет одну строчку, остальные по две – первая из которых должна быть в рифму к выписанному слову, а вторая – любой, последнее слово из которой нужно выписать для следующего игрока. Завершает стих тот же, кто и начал, и тоже одной строчкой.

– В общем, должно получиться, как в этой считалке:

*Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана:
Буду резать, буду бить,
Все равно тебе водить.*

– Обязательно про месяц? – спросила, скривив губы, Ирина.

– Ага. И обязательно про ножик. Что, не врубаешься совсем? Это же для примера! Чтобы ритм и размер были такими же, а то у нас не пойми что получится.

– И все я поняла, – надулась Ира, – просто уточнила. Что, нельзя?

– А на какую тему будем писать? – спросил, обрывая назревающую ссору, Иван. – Тоже надо обсудить, а то чепуха получится.

– Чепуха и должна получиться, – сказала Катя, мысленно шикнув на «сестренку», – в этом суть игры, чтобы было смешно. Но совсем без темы, думаю, и впрямь не смешно, а просто глупо получится. Предлагаю написать о том, кто кем мечтает стать.

– Фи, – сморщила носик Ирка. – Как в первом классе.

– Не хочешь, не играй, – сказал Лешка. – А мне нравится. Это ведь каждый о разном будет писать, так что смешно должно получиться.

– Значит, играем? – переспросила Катя. – Тогда рассаживайтесь.

Гости расселись, кто на тахту, кто в кресло, кто на стулья, принесенные Катей заранее. Сама она села к письменному столу, вырвала из тетради листок и разделила его пополам.

– Давайте я начну.

– Да-да, – согласилась с ней мысленно «сестренка», – начинай и заканчивай ты, а в серединку я чего-нибудь забабахая.

Катя немного подумала, убрала со лба челку и вывела: «Я мечтаю ведьмой стать». Может, об этом писать и не стоило, но ей очень вдруг захотелось. К тому же, игра шуточная, никто всерьез не подумает. Кроме Ирки. Интересно, а что она напишет? И вообще, что напишут все остальные?

Катя завернула написанное, надписала сверху «статья» и передала эстафету сидевшему на тахте Лешке. Тот почесал карандашом в затылке и быстро что-то набросал. Завернул, передал листок Наташке. Та думала дольше, но в конце концов справилась и отдала бумажную полоску Ире. После нее очередь перешла к Ивану, а потом листок снова вернулся к хозяйке. Места на нем еще было достаточно, и Катя, точнее, теперь уже Катерина, начала еще один круг. Когда же, пройдя вновь через руки гостей, он опять оказался у Кати, она завершила буриме крайней строчкой и сказала:

– Ну, все. Теперь глубоко вдохните...

Она развернула половинку тетрадной странички, ставшей похожей на бумажную гармошку.

– Можно я прочту? – взмолилась «сестренка». – Это самое прикольное, в первый раз читать!

– Читай, конечно, – согласилась Катя, приготовившись слушать, а заодно мысленно отмечать, кто именно что написал.

– Итак! – провозгласила вторая именинница. – Стих «Кем я хочу стать». Творение коллективного разума.

*Я мечтаю ведьмой стать,
Чтоб людей в беде спасать.
Если где-то вдруг пожар –
Вскипячу я самовар,
Напеку блинов и пышек,
Покорю я всех мальчишек!
Стану я звездой экрана,
Старт назначен утром рано.
Мартс – моей ракеты цель!*

*Колдовской сварю кисель,
Чтоб летать потом, как птица.
Я отправлюсь за границу
С помощью для бедных стран.
Будет нужен мощный кран –
Всех поднять из-за стола...
Я б не то еще смогла,
Пусть дадут мне только роль!
...Два, один... Готовность «ноль»!!!
Мой корабль взметнется к звездам!..
Колдовать – совсем не просто.*

Результат превзошел все ожидания. Гости не просто смеялись, они хохотали, ржали! Лешка даже лег на пол и засучил ногами. Смеялась и Катерина, а Катя, хоть ей и тоже было безумно смешно, успела сделать и некоторые выводы. Если ее друзья написали о своих мечтах искренне, получалось, что Лешка хотел стать спасателем, Наташка кулинаром, Ирка, понятное дело, актрисой, а Иван... космонавтом. Вот это да! И не постеснялся же. Об этом сейчас лишь в детском саду мечтают, да и то редко.

О мечте Ивана успела заметить не только Катя. Ира, перестав смеяться, внимательно, словно в первый раз его увидела, посмотрела на Митрофанова:

– Вань, ты это серьезно?

– Вполне, – перестал смеяться и Ваня.

– Но это же... – покрутила ладонью, подбирая слово, Ирина, – ...смешно.

– А ты?.. А сама? – заступилась вдруг за покрасневшего Митрофанова Наташка. – Тоже мне, звезда экрана!

– Иди, пеки свои пышки! – фыркнула Ирина.

Опять назревала ссора. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы у Иры не зазвонил мобильник.

Она сказала: «Да», и замолчала, стремительно бледнея. Потом крикнула в трубку: «Бегу!» и бросилась вон из комнаты. Катя побежала следом. Уже в прихожей, повернув к себе Иру за плечи, она увидела на бледном лице подруги слезы.

– Что? Ира, что случилось?

– Мама... – с трудом выговорила та. – С мамой плохо.

– Я провожу тебя.

– Не надо!.. – резко сбросила Ира с плеч Катины руки, схватила с вешалки куртку и быстро ее надела, не став даже застегивать. – Открой скорее дверь.

Катя машинально повернула ручку замка. Ирина, не попрощавшись, выскочила из квартиры.

– Катерина, – обратилась Катя к «сестренке», – что делать, а? Бежать за ней?

– Думаю, не стоит, – немного подумав, ответила та. – Чем мы ей сейчас поможем? Только раздражать станем. Ей до дома недалеко, ничего, добежит. А мы ей через часик-полтора позвоним, узнаем, что да как. Вот тогда и будем думать, что делать. Пойдем лучше дальше гостей развлекать, а то совсем праздник испортим.

– Да уж какой сейчас праздник...

– Думай в первую очередь не о себе, а о гостях. Плакать хочется – а ты все равно улыбайся.

– Ох, да, – вздохнула Катя. – Права ты, конечно же. Пойдем.

И она вернулась к притихшей компании. Говорить ни о чем не хотелось. Играть и шутить – тем более.

В комнату зашел Павел.

– Кто-то уже ушел? Я слышал, дверь хлопнула. – Мальчик обвел друзей взглядом. – Ира? А что такое? Поссорились?

– Ну почему сразу поссорились, Паша? – как можно более сдержанной ответила Катя. – Просто у Иры что-то дома случилось. Мама заболела, вроде бы. Садись, хватит тебе тоже бродить невесть где. Ты ко мне на день рождения пришел, или к моей маме?

– К тебе, конечно, – улыбнулся Павел. – А твоей маме я просто немножко помог. Уже все, теперь я совершенно свободен.

– До пятницы, – фыркнул, вспомнив мультик про Винни-Пуха, Митрофанов.

– Увы, только до понедельника, – вздохнул Котов. И, чтобы чем-то занять нескладные длинные руки, взял со стола Катин фотоаппарат: – Можно посмотреть? Я аккуратнo.

Катя растерянно кивнула, думая, чем бы занять заскучавших гостей. И тут ее взгляд упал на зеркало, подаренное Катипапом.

– Может?.. – шепнула она «сестренке». Та поняла ее с полуслова и бодрым голосом, заговорщицки прищурившись на притихших девчонок и мальчишек, поинтересовалась:

– А хотите, я вам погадаю?

Гости воодушевились. Наташка недоверчиво спросила:

– А ты, что ли, умеешь?

– Еще не знаю, – гыгыкнула Катерина. – Сейчас проверим.

Она подошла к стоявшему в углу журнальному столику и вынесла его на середину комнаты. Водрузила на него зеркало, придвинула к столику стул, села и задумалась.

– Надо бы еще пару свечек...

– У мамы должны быть, – подсказала «двойнице» Катя. – Пусть Пашка сходит, попросит.

– Павел, – елеиным тоном обратилась к парню Катерина, – не соблаговолите ли вы сходить к маме и попросить у нее пару свечей?

– Свечей? – растерянно заморгал мальчик. – Каких? Зачем?

– Ну, не в торт же втыкать, мы его уже съели. Пожалуйста, попроси у мамы обычных стеариновых свечек, бестолковый мой друг. И спичек. Скажи, что мы опыты проводить будем. Пообещай, что проследишь за безопасностью, мама тебе доверяет. – «Сестренка» не выдержала и гыгыкнула.

Котов пожал плечами и вышел из комнаты, а уже через пару минут вернулся, держа в руках пару свечей, две чашки и коробок спичек. Отдал все Кате, а сам снова взял фотоаппарат и, усевшись на тахту, продолжил его внимательное изучение.

Катерина меж тем зажгла свечи, капнула расплавленным стеарином на дно чашек и установила в каждую из них по свечке. Чашки она поставила по краям стола, на равном удалении от зеркала. Затем попросила Лешку выключить свет, а всех остальных – сидеть тихо и не мешать ей сосредотачиваться.

– А о чем ты собралась гадать? – шепнула Катя.

– Да ни о чем, какое тут гадание, половины реквизита не хватает, – буркнула «сестренка». – Так, пощечочу нервишки деткам, пусть немного развеются. – И она сделала несколько резких широких пассов руками, от чего пламя свечей заколебалось и по стенам комнаты заплясали жутковатые тени.

Катерина что-то забормотала себе под нос, но Катя не сумела прочесть среди ее мыслей ничего хоть сколько-нибудь разумного. Скорее всего, она и впрямь баловалась, проговаривая «таинственную» нелепицу.

И вдруг... Катя явственно увидела, как в зеркале что-то мелькнуло и почувствовала, как сначала вздрогнула, а затем напряглась «двойница». Обе они одними глазами впились в мутную поверхность старого овального стекла, но внезапная яркая вспышка вдруг ослепила их, и перед глазами поплыли лишь яркие цветные пятна.

Катя не успела еще сообразить, что случилось, как «сестренка» уже вскочила на ноги и набросилась на сидевшего с виноватым видом Павла.

– Ты что?! Сдурел, да? Ты зачем мне сеанс испортил?!

Только теперь Катя догадалась, что Пашка ее попросту сфотографировал.

– Прости, Кать, – забормотал мальчик. – Я нечаянно, правда... Крутил в руках и случайно нажал на кнопку.

– Сейчас я случайно настучу тебе по лбу! – продолжала наседать на Павла Катерина, но Катя ее осадила: – Не надо, не порть окончательно праздник. Ну, подумаешь! Все равно же ты

говорила, что гадание понарошку. – А вслух, воспользовавшись молчанием «сестренки», сказала парню: – Шучу я, Паша, шучу, все нормально. Но фотоаппарат все же отдай. И вообще, – бросила она взгляд на совсем уже скисших гостей, – пойдёмте, что ли, ещё чаю попьем? А потом Ире позвоним, узнаем, как там у нее.

Ребята опять перебрались в гостиную. Чаю, похоже, никто особо не хотел, но и расстраивать именинницу тоже никто не решался. Впрочем, она и без того уже расстроилась – дальше некуда. Праздник заканчивался отвратительно, просто плакать хотелось. И «сестренка» что-то подозрительно долго молчала.

– Эй, ты не уснула? – позвала ее Катя, отправившись на кухню за чайником.

– Нет, – странным тоном ответила та. – Я думаю.

– О чем?

– Сеанс-то получился не понарошечным.

– Как это?!

– А вот так, «сестренка». Кого-то я все-таки вызвала.

Глава двенадцатая, в которой выясняются неожиданные вещи, а Павел с Иваном все же дерутся

Катя налила гостям чаю, принесла конфет и печенья, а сама юркнула в свою комнату и для чего-то даже закрыла дверь на щеколду.

– А ну-ка, выкладывай! – потребовала она у Катерины.

– Что выкладывать? Я почти ничего не разобрала. Этот Пашка, придурок!..

– погоди ты о Пашке! Ты расскажи, что увидела? Если говоришь «почти ничего», значит, что-то все-таки успела.

– Ну, успела, – нехотя выдавила «сестренка». – Чуть-чуть. И не «что», а «кого». Старуху какую-то.

– Старуху?! – опешила Катя. – Вот здесь, в этой комнате?.. – Ей стало вдруг жутковато, даже волосы, кажется, зашевелились.

– Ну, не знаю, в самой она комнате была или нет. Я ведь ее через зеркало видела.

– погоди-ка... – забрезжила в Катиной голове ускользящая мысль. – Ты говоришь, Пашка...

– Ну, да! Идиот несчастный, фотолюбитель юный! Говорит, нечаянно нажал, а ведь наверняка специально...

– Стоп! – поймала наконец свою мысль Катя. – Где фотик?

Она завертелась, выглядывая подарок и увидела его на тахте, как раз там, где и оставил его Павел. Катя схватила фотоаппарат и вывела на дисплей последний снимок. Кадр был темный и неудачно скомпонован, захватывая лишь край столика и половину Катиного лица. Зато сзади нее, в глубине комнаты виднелся... человеческий силуэт!.. Пожалуй, это и впрямь была пожилая женщина; волосы ее отсвечивали сединой, а поскольку стояла она вполборота к объективу, заметна была и ее сильная сутулость. Самым необычным – кроме, разумеется, самого факта ее здесь появления – выглядело то, что сквозь тело женщины просвечивали полки на противоположной стене.

– Может, как-то кадры наложились... – пробормотала ошарашенная Катя, понимая, что этому объяснению грош цена, что тут же и подтвердила Катерина:

– Да? И где ты *перед этим* фотографировала такую старуху?

Катя даже не стала отвечать, и так было ясно, что призрак находился в комнате во время гадания. А может он и сейчас тут находится?.. Кате опять стало очень жутко.

– Пойдем к ребятам, – почему-то шепотом сказала она.

– погоди... – прильнула к дисплею фотоаппарата Катерина. Она нашла нужную клавишу и увеличила изображение.

Теперь на экранчике крупно белело расплывчатое лицо призрака.

– Эх, порезче бы! – сказала «сестренка».

Но Кате, несмотря на размытые черты изображения, лицо показалось вдруг смутно знакомым. У нее появилось ощущение, что и раньше она где-то видела его почти таким же размытым, будто на старой любительской фотографии.

И тут... словно опять сверкнула вспышка. Только на сей раз в Катином мозгу. Она так и села на тахту.

– Катерина... – вслух пробормотала она одеревеневшими губами. – Я знаю, кто это...

– Теперь и я знаю, – ответила «сестренка». – А это точно? Ты не ошиблась? Пойдем у твоей мамы спросим!

– А как мы объясним ей, откуда у нас этот снимок?

– Тоже верно.

– Пойдем лучше к ребятам, они уже, наверное, чаю напильсь. А со снимком потом разберемся, я поищу в старых альбомах, а потом сравним.

Когда Катя вышла в гостиную, ее друзья уже и вправду скучали.

– Куда ты пропала? – возмущенно начала Наташка, но на нее тут же со всех сторон зашикали. Вероятно, гости подумали, что Катя выходила, чтобы позвонить Ире и теперь ожидали, что она об этом расскажет. Но Катя лишь сейчас собиралась звонить подруге, а потому приложила палец к губам, призывая всех к тишине, и взяла трубку. Она выбрала в «адресной книге» номер Ирино мобильного и нажала клавишу вызова.

На звонок долго никто не отвечал, и Катя хотела уже дать отбой, когда гудки вдруг прекратились и в телефоне послышалось всхлипывание. Сначала Катя подумала, что это плачет Ира, но неожиданно услышала голос ее мамы:

– Катюша, это ты?..

– Да, Ольга Петровна... Вам уже лучше? Позовите, пожалуйста, Иру.

Всхлипывания в трубке внезапно сменились рыданиями. Ничего не понимающая Катя опешила. Друзья же, услышав, что она разговаривает не с Ирой, а с ее мамой, облегченно вздохнули и заулыбались. Но радовались они рано. Сквозь непрекращающиеся рыдания, Катя сумела разобрать и несколько фраз, которые сумела выдать Ольга Петровна:

– Ира... упала... без сознания... «скорая»... больница...

– Сейчас! – закричала в трубку Катя. – Ольга Петровна, я сейчас! Через пять минут!..

Она сунула телефон в карман джинсов и в панике закрутилась волчком по комнате, не соображая, что хватать и куда бежать.

Мгновенно повскакивали с мест гости.

– Что?!

– Что случилось?..

– Что-то с Ирккой?

Отвечать Катя не могла, горло душили слезы. Она лишь закивала, все еще продолжая метаться.

– Так! Стоп! – послышалось вдруг в ее голове. – Прекрати панику! Соберись! Иди, сунь башку под холодный кран!

– Под какой кран?! – заплакала Катя, не соображая, что говорит это вслух и не видя, как обеспокоенно переглядываются друзья. – Что ты выдумываешь? Надо же что-то делать!

– Вот я тебе и говорю что, – ответила Катерина, – иди и сунь голову под холодную воду, чтобы очухаться, потом одевайся – и дуй к Ирке! Хотя, тьфу, я тоже с тобой чокнулась совсем! Ну-ка, брысь, не дергайся, дай я сама все сделаю. Готова? Раз, два – блокирую!

Из гостей первым опомнился Лешка и подскочил к Кате. Но это уже была не Катя, а Катерина. Она предостерегающе вытянула ладони и заговорила отчетливо и строго:

– Так, спокуха! Пардон, меня чуток переклинило, но уже все в порядке. Со мной. Не в порядке с Ирккой. Не знаю, что точно – ее маман в истерике, ничего не понять. Я бегу сейчас к ним. Кто со мной?

Разумеется, идти вызвались все. И все разом ринулись в прихожую одеваться, создав там невероятную сутолоку. На шум из кухни выбежала Катина мама.

– Ребята, что случилось?

– Что-то с Ирккой, – ответила Катерина, натягивая куртку. – Мы к ней.

– Погоди... Но это ведь с ее мамой что-то случилось, а не с ней самой. С Ирой ведь все нормально было.

– Теперь ненормально. Я сама ничего не знаю. Узнаю – звякну.

– Обязательно позвони! Сразу, как что-то выяснишь. Я буду волноваться.

– Не волнуйтесь, Валентина Ивановна, – вмешался в разговор Павел Котов, – я прослежу.

– Следопыт!.. – буркнула Катерина, но цепляться к парню не стала, не до него.

До Иркиного дома они домчались и впрямь минут за пять. Собрались уже ломануться в подъезд всей толпой, но Катерина остановила друзей:

– Стойте здесь! Я одна. Там и без вас, похоже, паника.

– Я с тобой, – шагнул к ней Павел.

– Сказала же, одна! – рыкнула Катерина. Но Павел был непреклонен:

– А я сказал, я с тобой.

В голосе парня слышалось нечто такое, что Катерина махнула рукой:

– Ладно, пошли. Остальным – стоять и ждать. Кто хочет, конечно. Кто не хочет – good bye!

Взлетев на второй этаж, Катерина замерла возле Ириной двери и прислушалась. По ту сторону было тихо. Тогда ведьмочка подключила свои способности и ощутила в квартире за дверью присутствие двух человек: взрослого и ребенка. А еще – атмосферу отчаяния и горя.

Катерина позвонила. Из квартиры послышались быстрые звуки шагов, и дверь распахнулась столь стремительно, что Катерина едва успела отскочить. На пороге стояла взлохмаченная, с красными заплаканными глазами высокая женщина, очень похожая на Ирину.

– Ах, это ты, Катя, – сразу потухла в ее глазах вспыхнувшая было надежда.

– Здравствуйте, Ольга Петровна, – сразу поняла, кто стоит перед ней, Катерина. – Можно мы зайдем? Это Павел Котов, наш одноклассник, – кивнула она на Пашку.

– Проходите, – почти беззвучно сказала женщина, отступая вглубь прихожей.

Ведьмочка шагнула за порог, дождалась, пока войдет и закроет дверь Пашка, а потом спросила у Ириной мамы:

– Что случилось?

Ольга Петровна судорожно всхлипнула, но на сей раз удержалась от рыданий.

– Беда, Катенька, – глухим, дрожащим голосом сказала она. – Ира прибежала от тебя очень возбужденная, но не успела ничего сказать – потеряла сознание и упала. Она... у нее... все тело, все мышцы стали будто деревянные... – Женщина опять всхлипнула, но снова переборола себя. – Вызвали скорую, врач ничего не смог определить, и Ирочку отвезли в больницу.

– А вы?

– А я с Полей осталась, она же маленькая, как ее одну оставить? С Ирочкой Анатолий Федорович поехал. Жду вот, что-то не звонит долго. И телефон не отвечает, там, наверное, заставили выключить.

– Нет, я хотела спросить, а вы-то как? Вам-то стало лучше?

– Как мне может стать лучше, Катенька, если с Ирой такое? Я просто с ума схожу!

– Вы меня опять не поняли. Я имею в виду, после того, как вам стало плохо еще до того, как вернулась Ира... Или... – Катерина вдруг нахмурилась. – Ольга Петровна, а кто звонил от вас Ире, когда она была у меня в гостях?

– От нас?.. – Глаза Ольги Петровны стали огромными, и Катерина только сейчас заметила, что они такие же синие, как у дочери. – Никто не звонил. Мы как раз сидели, ужинали, когда Ирина... – Ольга Петровна судорожно вздохнула, но Катерина не дала ей вновь разрыдаться:

– Ире кто-то позвонил и сказал, что вам плохо. Она сорвалась и помчалась домой.

– Что?.. – заморгала Ирина мама, и тут вдруг шагнул из-за спины Катерины Павел:

– Ольга Петровна, дайте, пожалуйста, Ирин мобильник.

Ольга Петровна заморгала еще чаще, но ведьмочка уже поняла Пашину мысль и сказала:

– Да-да, давайте посмотрим, там должен остаться номер того, кто ей звонил.

Женщина пошла в комнату, а из открывшейся двери выбежала лет трех девчушка и, негромко плача, прижалась к ногам Катерины.

– Катюфа!.. У насъ Ииська забоеля.

– Не плачь, Поля, – присела к девочке Катерина, – Ира поправится, вот увидишь. Скоро она придет домой, и вы опять будете с ней играть.

– Ииська со мной не игъяет, – стала тереть глаз кулачком Поля. – А мне сияно ее зайко... Она пъявда скоо пьидеть?.. Пускай пьидёт скоо, мама пьякает, я пьякаю...

– Не плачь, – снова сказала Катерина и потрепала пушистую белую головку девочки. – Ира придет. И я попрошу ее, чтобы она с тобой играла.

– Пьявда? – засветились глазенки Полины, и она тотчас перестала всхлипывать.

– Обещаю, – сказала Катерина.

Вернулась Ольга Петровна и протянула мобильник. Поскольку Катерина все еще сидела на корточках, его взял Павел. Ведьмочка сразу поднялась и стала смотреть на телефонный дисплей, куда Паша уже вывел номера входящих звонков. Последний был Катин, а вот предпоследний... Возле этого номера стояла метка «Папа».

– Это телефон вашего мужа? – полицейским тоном спросил Павел и поднял к глазам Ольги Петровны мобильник.

– Д-да... – вновь округлила глаза Ирина мама. – Но... как?..

– Разберемся, – войдя в роль, сказал мальчик и почему-то сунул Ирин телефон в карман своей куртки. Ольга Петровна не обратила на это внимания, зато обратила Катерина. И нахмурилась. Но говорить Павлу ничего пока не стала. Зато сам Павел продолжил «допрос»: – В какую больницу повезли Иру?

– Что значит, в какую?.. – снова заморгала Ольга Петровна. – У нас одна больница.

– Павел – новенький, – пояснила Катерина, – недавно сюда переехал.

– Поехали, Кать, – повернулся к двери Паша.

– Куда?.. – встрепелась Ольга Петровна. – Вы поедете к Ире в больницу?.. Нет, давайте я поеду, а вы посидите с Полей. Пожалуйста! – молитвенно сложила руки несчастная женщина. – Вас все равно к ней не пустят.

Направившаяся было за Павлом ведьмочка, остановилась. Нахмурила брови, но тут же ее лицо вновь просветлело:

– Подождите пару минут, Ольга Петровна! Сейчас я приведу вам няnek. А мы с вами поедем к Ире вместе.

Вслед за Пашкой она вылетела на улицу и подбежала к поджидавшим их друзьям.

– Натаха! – сурово глянула она на Наташку. – С детьми дело имела?

– С какими еще детьми? – устала на нее девчонка.

– С человеческими. Знаешь, такие – с ручками, ножками, но без хвостов?

– Опять ты со своими шуточками, – надулась Наташка. – Скажи лучше, что там с Ирккой?

– С Ирккой пока непонятно что. Потеряла сознание, увезли в больницу. Сейчас мы с Пашкой и ее мамой тоже туда поедем и постараемся все выяснить. А ты останешься нянчиться с ее сестрой.

– Не останусь! Я тоже поеду к Ирке! – завопила Наташка. – Чего ты тут раскомандовалась?!

– Наташа, надо, – взял девочку за руку Павел. – Понимаешь? Кроме тебя некому. Я очень на тебя надеюсь.

Наташка сразу расплылась в счастливой улыбке. Но тут же снова нахмурилась:

– Я одна не останусь. Я не умею с детьми. Давай ты тоже со мной останешься? – с надеждой посмотрела она на Павла.

– Нет, – покачал тот головой, – я должен ехать. А с тобой останется... – Павел посмотрел на мальчишек. – ...Митрофанов.

– Почему это я? – дернул подбородком Иван. – Ишь, еще один командир нашелся! И почему это ты должен ехать? Самый умный, что ли?

– Ну, – скромно потупился Павел, – во всяком случае, умнее тебя.

– Что?! – прыгнул к нему Иван и выпятил колесом грудь. – Сейчас увидишь, кто умней!

– А чего тут смотреть, – пожал плечами Пашка и резко, без замаха, отвесил вдруг Митрофанову такую оплеуху, что тот сел на землю. Впрочем, тут же вскочил и уже с кулаками бросился на обидчика.

Завязалась потасовка. Драться оба мальчика явно не умели, но делали это со вкусом и азартом. Правда, недолго. Потому что Катерина, смерив сердитым взглядом Лешку Безбородова: «А ты чего застыл, не разбираешь?!», ринулась в гущу драки и раскидала драчунов по сторонам. А потом, задыхаясь от негодования, выдала:

– Недоумки! Недоразвитые, безмозглые идиоты! Кто умней?! Вы это хотели узнать, придурки? Кто *из вас* умней?! Это все равно, что у тех вон двух столбов спросить, кто из них более быстрый!.. Если бы в вас была хоть капля ума... а! какого ума – хоть капля совести, то вы бы подумали, каково там, – махнула она рукой на окна второго этажа, – матери, которая не знает, что с ее дочерью, мечется, рыдает, рвется к ней! А вы... – Катерина отвернулась от парней, чувствуя, как горло сжимают слезы. Такое случалось с ней настолько редко, что она даже испугалась. А потом почувствовала, как кто-то трогает ее за плечо.

Резко обернувшись, она увидела рядом с собой поникшую Наташку. Губы у девчонки тряслись:

– Катя... Ты прости меня, а? Я останусь нянчиться. Это же недолго, да? Только не надо мне никого из этих... придурков.

– Ну, пусть, вон, Лешка останется, – сменила гнев на милость Катерина. – Он-то не придурок. Вдвоем все же и веселей, да и мало ли что...

Лешка дернулся, но, нахохлившись, промолчал. Зато шагнул вдруг к девочкам Иван.

– Катя, ты не права, – сказал он, глядя не на нее, а куда-то в сторону. – Я тоже не придурок. Просто мне обидно, когда за меня решают и когда мною командуют. Я согласен остаться, но нужно было меня об этом попросить, а не приказывать.

– Что?!.. – подбоченилась ведьмочка. – Просить тебя? Может, еще на коленочки встать?

– Не надо, Катя, не надо! – торопливо залепетала Наташка и повернулась к Ивану: – Ванечка, я тебя очень прошу: останься, пожалуйста, со мной нянчиться с ребеночком!

– Цирк!.. – отворачиваясь, фыркнула Катерина. Взгляд ее упал на отряхивающегося Котова: – Ну, а ты чего? Тебя тоже нужно о чем-то просить?.. Кстати, – подошла она к Павлу и спросила так, чтобы слышал только он: – Ты зачем мобильник спер? Думал, я не увижу? Ты не только недоумок, но еще и вор.

– Дура! – зашипел в спину отвернувшейся Катерине Павел. – Может, я и недоумок, но ты точно дура. Как ты могла такое подумать?!..

– А что я должна была подумать?

– То, что он может пригодиться, телефон этот! Там же и другие номера есть, куда Ирка звонила, и кто ей звонил!.. А, да что с тобой разговаривать, только драгоценное время терять, – отмахнулся мальчик и зашагал прочь.

– А ну, стоять! – заорала Катерина так, что остановились все, даже проходящая мимо незнакомая взрослая парочка. – Иди сюда, – махнула она обернувшемуся Павлу. – Сейчас вместе поедем. Отведу только няnek на инструктаж.

– Я тоже поеду, – сказал до сих пор стоящий в сторонке Лешка, – можно? – И на всякий случай добавил: – Пожалуйста.

Катерина стала быстро загибать пальцы. Увидев, что получилось четыре, кивнула:

– Можно.

Глава тринадцатая, в которой «сестренки» опять вместе, но совсем ненадолго

Уже по дороге в больницу, сидя в машине такси между Пашкой и Лешкой, Катерина вспомнила о Кате. Ей не то чтобы стало очень стыдно, все-таки она заблокировала Катино сознание не просто из вредности или озорства, но тем не менее... Катерина хорошо представляла, что это такое – находиться в полном небытие, не чувствуя ни рук, ни ног, не видя ни искорки света и не слыша ни звука. Если рассудок слабый, им можно и тронуться.

Но Кате подобное «заточение» в этом случае пошло лишь на пользу. Она пришла в себя, успокоилась, и, увидев рядом Котова с Безбородовым, даже попыталась шутить:

– Ну, что, «сестренка», целуй Лешку!

– С чего это вдруг?.. – буркнула Катерина.

– Иван с Пашей ведь не подрались.

– Ха! Еще как! Еле разняла.

– Когда это? Врешь ты все.

– А вот и не вру, спать меньше надо.

– Ну, знаешь!.. – начала заводиться Катя, но наконец-то пришла в себя окончательно и вспомнила, чем был вызван ее «сон». – Погоди-ка, так что там с Ирккой? И куда мы едем? Ой, здравствуйте, Ольга Петровна! – увидела она на переднем сиденье Ирину маму, но быстро зажала себе рот ладонью.

К счастью, мысли женщины были далеко, и она не обратила внимания на странное приветствие.

– Ты что, совсем ненормальная?! – зашипела на Катю «сестренка».

– Я не подумала... Я ведь ее сегодня первый раз увидела... Так что с Ирой?

– В больнице она, – сухо ответила Катерина. – Пришла домой, потеряла сознание. С ее маман, как видишь, все в порядке. Кто-то этот звоночек специально подстроил.

– Но кто? И зачем?!

– Вот это я и собираюсь выяснить. Кстати, когда в больницу приедем, мне снова придется тебя ненадолго «запереть». Надо будет полностью сосредоточиться и быть готовой к любым неожиданностям.

– Так нечестно! И потом, это все-таки мое тело.

– Хорошо. Тогда я воспользуюсь выигрышем в нашем споре.

– Каким еще выигрышем? Ты сочинила про драку!

– Ничего я не сочиняла. Свидетелей полно! Вон, хоть у Лешки спроси, или у самого Пашки.

– И все равно, это не считается. Это уже было после моего дня рождения.

– Ну да! День еще не кончился. Тринадцатое сентября на календаре.

– Все равно! Имелось в виду – у меня дома, на празднике!

– Кем имелось? – фыркнула Катерина. – Это не уточнялось. Было сказано: во время дня рождения.

– Не «во время дня рождения», а «на дне рождения», то есть, именно на празднике! Ведь спор-то из-за чего начался: можно или нет их приглашать на день рождения вместе, не подерутся ли они и не испортят ли праздник!

– Ладно, правоведша!.. Будем считать, что я выиграла спор наполовину. Потому и тело прощу не на целый день, как договаривались, а лишь ненадолго. В конце концов, это же не лично мне надо, для Ирки стараюсь!

– Хорошо, – сдалась Катя. – Но раз ты выиграла только наполовину, значит, на другую половину его выиграла я. Целуй Лешку – и тело твое. Раз выигрыш не полный, так уж и быть, можно только в щечку.

– Поцелую, – буркнула Катерина. – Но не сейчас.

– Нет, ты сейчас поцелуй!

– Сказала, не буду! И вообще, его должна поцеловать я, а не ты.

– Так я и не собираюсь...

– Ага! А тело чье? Неважно, кто им будет управлять, я или ты, все равно получится, что физически ты поцеловала. А по условиям спора должна я. Вот я и говорю, что поцелую, но потом, когда опять буду в своем собственном теле.

– Ты забудешь!

– Почему это я должна забыть? На память пока не жалуюсь. Да и ты напомним, если что.

– Напомню-напомню, даже не надейся отвертеться!

– Все, замолкни и свернись калачиком. Блокирую!

– Подожди, еще же не приехали...

– Уже подъезжаем.

Машина и в самом деле притормозила и свернула к большим больничным воротам. Но на них висел знак «Только для служебного транспорта». Водитель остановил такси.

– Все, приехали, дальше мне нельзя.

Катя вздохнула и «свернулась калачиком» в глубинах подсознания. Все сознание вместе с телом снова досталось одной Катерине.

Едва они с Ольгой Петровной и мальчишками вошли на территорию больничного городка, как с крыльца одного из корпусов сбежал какой-то мужчина и бросился прямо к ним. Еще не поравнявшись с ними, он начал размахивать руками, а едва произнес первую фразу, Катерина поняла: это Иркин папа.

– Олюшка! – возбужденно закричал он. – Зачем ты здесь? А как же Полина?

– Полина не одна, не волнуйся, – ответила Ольга Петровна. – Ты лучше скажи, что с Ирочкой?

– Иру положили в неврологию, сейчас ее смотрит врач. К ней все равно не пустят, возвращайся домой!

– Нет-нет, я буду ждать здесь! Дома я с ума сойду... И у тебя телефон не отвечает.

– Телефон? – стал хлопать мужчина по карманам. – А где мой телефон? Похоже, я его оставил дома... Впрочем, не важно. Все равно ты должна... – Тут он обратил наконец внимание на ребят и спросил у жены: – А это кто? Они с тобой? Почему? Зачем?..

– Толя, ты что, не узнаешь? Это же Ирочкины одноклассники. Вот Катя, а это Леша и... Павел. Он новенький, ты его не знаешь. – Ольга Петровна посмотрела на Катерину с мальчишками и попросила: – Вы подождите, пожалуйста, мы поговорим с Анатолием Федоровичем. – Она взяла мужа под руку и повела его в сторону больничного сквера, взволнованно его о чем-то расспрашивая.

– Вы, наверное, тоже погуляйте, – сказала ведьмочка Леше и Павлу, а я все же найду, попробую что-нибудь узнать.

– Чего это мы будем гулять? – возразил Павел. – Зайдем вместе.

– Вместе нас точно не пустят. А так я, может, прошмыгну.

– Никуда никому шмыгать не надо, – насупился Лешка. – Это больница, тут нужно соблюдать порядок. Просто зайдем и спросим у дежурной медсестры.

Катерина решила не тратить на споры времени и, махнув рукой, направилась к зданию, откуда к ним прибежал Анатолий Федорович. Подойдя ближе, она увидела, что на табличке рядом с дверью написано: «Неврологическое отделение». Все правильно, Ирина должна быть там. Не дожидаясь мальчишек, ведьмочка поднялась на крыльцо и открыла дверь. На нее сразу пахло больничными запахами, которые раньше ей обонять не доводилось. Катерина поморщилась и вошла внутрь. Впереди была еще одна дверь, белого цвета, с закрытым квадратным окошечком посередине. К стене рядом с дверью был приколот листок с номерами палат и фамилиями больных. Напротив каждой фамилии были указаны температура и состояние больного. Ириной фамилии среди них не было.

И дверь, и окошечко были закрыты. Катерина постучалась. Через какое-то время за дверью послышались шаги. Но еще раньше открылась входная дверь, пропуская внутрь Павла и Лешу. Квадратное окошечко раскрылось. Оттуда выглянула голова молодой женщины в медицинской шапочке светло-салатового цвета.

– Вы куда, ребята? Приемные часы уже закончились. Или кто-то из вас заболел?

– Нет, мы здоровы, – ответила Катерина. – Просто мы хотели узнать, какое состояние у Щербаковой Ирины? Ее сегодня вечером положили, в списках ее еще нет.

– У Щербаковой? – отчего-то обрадовалась медсестра и защелкала ключом в замке, отпирая дверь. – Ой, вы знаете, очень хорошее состояние! Пришла в себя, улыбается. Да вы можете к ней пройти! – Медсестра распахнула дверь, Катерина тут же за нее прошмыгнула, но стоило подойти Паше и Лешке, как дверь снова захлопнулась, и изнутри дважды щелкнул замок.

– Всем сразу нельзя, – бросила ребятам в окошечко медсестра, а потом закрыла и его.

Катерина насторожилась, но потом все же решила, что в действиях медсестры есть логика – не дело бродить по больнице толпами во внеурочное время – и пошла вслед за ней по длинному коридору. Слева шел ряд одинаковых дверей – больничные палаты. Справа были кабинеты – процедурный, заведующего отделением, потом показался пост дежурной медсестры. К удивлению ведьмочки, он не был пустым – за столом, уставившись в какой-то журнал, сидела еще одна женщина в светло-салатовом халате и шапочке. Смутные подозрения

снова кольнули Катерину, но вторая медсестра на коллегу и посетительницу не обратила внимания, и Катерина опять успокоилась: кто знает, по сколько человек здесь дежурят и кто за что отвечает. В больницах ей, к счастью, не доводилось лежать вообще.

Наконец медсестра остановилась возле одной из палат и открыла дверь, пропуская вперед Катерину. Ведьмочка вошла внутрь и увидела перед собой единственную кровать, на которой, до шеи закрытый одеялом, кто-то лежал. К одной руке, откинутой на стоявший рядом стул, была подсоединена капельница. На нее-то в первую очередь и обратила внимание ведьмочка – уж очень зловещей штуковиной та ей показалась. А когда Катерина перевела взгляд на подушку, то невольно вздрогнула, увидев мертвенно-бледное, с закрытыми глазами и побелевшими губами лицо, обрамленное рассыпанными по одеялу и наволочке золотистыми волосами. Это была Ирина! Но почему?.. Ведь им сказали, что она пришла в себя и радуется жизни!

– В чем де... – начала поворачивать голову ведьмочка, но почувствовала вдруг, как к ее лицу прижалось что-то холодное и влажное. В носшибанул острый запах эфира, а в следующее мгновение пол выскользнул из-под ее ног, и сразу померк свет.

Глава четырнадцатая, в которой Катя осваивает новое тело и совершает побег

Катя услышала, как хлопнула дверь, и открыла глаза. И первым, что она увидела, был потолок. Ее удивило то, что он оказался высоким, выше, чем дома. Впрочем, как ей сразу вспомнилось, она и не должна быть дома, ведь Катерина сказала, что они едут в больницу. Стоп! Зачем в больницу? Ах, да, что-то плохое и странное случилось с Ирой!..

Катя сразу все вспомнила и завертела головой, пытаясь понять, где же она все-таки находится. Вокруг были лишь голые стены бледно-кремового цвета, посреди одной – белая дверь, напротив – большое окно, занавешенное некрасивыми грязно-желтыми шторами, на потолке – тоже очень некрасивый, как сказала бы мама – «казенный» светильник. Да вообще вся эта маленькая странная комната выглядела по-казенному, словно и впрямь была больничной палатой. И как раз тут Катя опустила глаза ниже и увидела свою руку, лежащую на приставленном к кровати стулу... О ужас! В руку была воткнута медицинская игла, приклеенная к коже руки пластырем, от которой куда-то вверх, за голову, уходила гибкая прозрачная трубочка.

Катя повернула голову и увидела капельницу. Хоть ей и не приходилось раньше лежать в больнице, но это неприятное медицинское приспособление было ей откуда-то знакомо: то ли видела по телевизору, то ли просто догадалась. Неважно. Гораздо важнее было то, что она лежит в комнате, очень похожей на больничную палату, а в ее вену вставлена игла капельницы. Не нужно быть ясновидящей, чтобы догадаться: с ней что-то случилось, и она попала в больницу! Но что? Какая досада, что в тот момент она была «выключена»!

«Тьфу, какая же я дура! – с облегчением вдруг подумала Катя. – Катерина-то не была «выключена», можно все узнать у нее!» И Катя мысленно позвала:

– Эй, «сестренка»! Где это мы?

– А? Что?.. Кто это говорит?.. – послышался в ее голове испуганный «голос». Он был тоже девичьим и даже показался ей смутно знакомым, но это был явно не голос ее «половинки».

– А ты кто? – спросила она в свою очередь. – И где Катерина?

– К-какая К-катерина?.. – задрожал в ответ «голос». – Где я? Что со мной? Кто это?! Мне слышатся голоса... Я что, сошла с ума?.. Почему тут это? – дернулась Катина рука с воткнутой иглой.

– Э! Потихе! – испугалась Катя и попыталась завладеть инициативой. Но тело слушалось плохо, владелица странно знакомого голоса тоже пыталась им управлять и, нужно сказать, получалось это у нее лучше. – Выдернешь иглу, что будем делать?

– Кто это говорит? – Катина голова, помимо ее воли, закрутилась по сторонам. – Катя, это ты?

– Я... – слегка опешила Катя. – Откуда ты меня знаешь?

– Как это – откуда? Это же я, Ира! А где ты? Мне кажется, что ты говоришь прямо у меня в голове... Куда ты спряталась? И почему я тут? Что со мной случилось?..

– Ой! – сразу узнала голос лучшей подруги Катя. – Ирка, так это ты? А почему?..

– Что «почему»? Это я тебя спрашиваю: почему я тут? И где ты?

– Я-то здесь, – медленно проговорила Катя. – В больнице, по-моему. А ты, соответственно, в моей голове. Значит, тоже в больнице. Только вот почему мы здесь? И где твоё тело? И где Катерина?

– Нет, это моё тело, – вынула из-под одеяла и поднесла к глазам вторую руку Ирина, а Катя в очередной раз убедилась, что не может помешать чужим действиям. – А вот почему ты в нём? Или это не ты, а та, вторая Катя? Которая ведьма... – Голос Ирины снова задрожал: – Т-ты что, т-теперь ко мне решила п-перебраться?..

– Что за ерунда! – подняла голову и помотала ею Катя. На сей раз ей это удалось. И она краем глаза заметила, что по сторонам её лица заколыхались длинные золотистые волосы... Иркины волосы!.. – О-о! – застонала она и вновь уронила голову на подушку.

– Что «о-о»? – испуганно переспросила Ирина.

– Это ты.

– Разумеется, это я. А вот кто ты? Ты так и не ответила.

– Я Катя... Я же тебя сама спрашивала, где Катерина... Теперь понятно, где.

– И где же? Мне вот почему-то совсем непонятно.

– В моём теле, где же ещё. Только зачем она меня в твоё пересадила?

– Почему ты думаешь, что это сделала она?

– А кто же ещё? В последний раз моим телом управляла она. Как раз, когда мы сюда, к тебе, ехали.

– Так ты все-таки знаешь, почему я здесь оказалась? – с надеждой спросила Ира.

– Не очень. Только то, что мне Катерина успела рассказать... – И Катя торопливо пересказала подруге события нынешнего вечера, начиная со своего телефонного разговора с Ириной мамой.

– То, что с мамой все оказалось в порядке, я помню, – после долгого молчания задумчиво сказала Ира. – Я прибежала домой, увидела её, и как раз потом... Как раз больше я ничего и не помню. Очнулась и услышала, как ты в моей голове разговариваешь. Слушай, я все-таки ничего не понимаю! Что с нами происходит? Ты уверена, что это твоя ведьмочка так развлекается?

– Не уверена, – подумав, ответила Катя. – Это я первое ляпнула, что пришло мне в голову. Но теперь сомневаюсь. Во всяком случае, то, что случилось с тобой, когда ты убежала от нас домой, точно не её рук дело. Кстати, она мне ещё успела сказать, что тот звонок тебе, насчет несчастья с твоей мамой, был кем-то подстроен.

– Но звонил папа!

– Получается, нет... И тогда получается, что тот, кто его подстроил, и с тобой все это сотворил.

– Что «это»? Тебя ко мне «подселил»?..

– Может, и это тоже. А может, меня «подселила», как ты говоришь, и впрямь Катерина, но совсем не для развлечения. Она не такая, можешь поверить, я её достаточно хорошо узнала.

– Для чего же тогда?

Катя снова задумалась, а потом сказала очень тревожно и тихо:

– Возможно, она узнала, кто это сделал. И решила с ним разобраться. Но побоялась рисковать мной и на время отсадила моё сознание к тебе... Послушай, – внезапно пришло ей в голову, – а чего мы гадаем? Мы же сюда не одни с ней ехали! С нами была твоя мама и Паша с Лешкой. Пошли их найдем и все узнаем!

– А ты уверена, что они где-то здесь? Может, уже сутки прошли, и они давно дома?

– Не думаю. Я наверняка пришла в себя сразу, как очутилась в твоей голове. Точно! Я и очнулась от дверного хлопка: меня пересадили и ушли. Вряд ли Катерина сутки бродила по больнице перед этим. Но даже если времени и много прошло, какая разница? Пойдем домой – и все узнаем. Ты ведь хорошо себя чувствуешь? Хотя, тьфу, что я спрашиваю! Конечно, хорошо.

– Хорошо-то хорошо, но как мы пойдем? В пижаме? – потрясла голубым фланелевым рукавом Ира. – И капельница эта дурацкая!.. А если я позову врача и скажу, что поправилась, меня ведь все равно сразу не отпустят.

– Вообще-то ты права. Значит, надо сбежать!

– В пижаме?

– Да хоть и в ней.

– Нас сразу поймают, до выхода не успеем дойти!

– Если ты мне не будешь мешать, возможно, и не поймают, – сказала Катя. – Только мне придется заблокировать тебя, а то мне твоим телом управлять сложно, когда ты в сознании. Согласна?

– Ну-у... Если это и впрямь нужно и ненадолго... А что ты задумала? Колдовать станешь?

– Попробую. Чуть-чуть. Только чтобы нас никто не видел. Катерина как-то раз показывала, это вроде бы несложно, называется «отвод глаз».

– Ну, давай попробуем, – согласилась Ирина, но ее взгляд снова упал на руку с иглой. – А капельница?..

– Так ты же здорова, зачем тебе капельница? Выдержи иголку, да и все.

– Ой, я боюсь! Больно будет.

– Тогда давай, расслабься и постарайся ни о чем не думать. Я заблокирую твоё сознание, выну иглу и попытаюсь отсюда смыться.

– Только обещай, что сразу вернешь меня, когда убежишь!

– Куда ж мне теперь без тебя, – вздохнула Катя.

Блокировка прошла успешно. Катя снова стала ощущать только себя. Правда, в чужом теле она полностью себя самой все же не чувствовала, но тут, вероятно, большую роль играло самовнушение. Однако комплексовать было некогда. Нужно было скорей убираться отсюда. А для этого первым делом – вытащить иглу.

И тут распахнулась дверь. Катя быстро опустила голову на подушку и постаралась не шевелиться. Но она все-таки чувствовала, как предательски дрожат веки.

– Катя, – услышала она чей-то знакомый голос, – не бойся, это я.

Она распахнула глаза. Рядом с ней стоял... Павел Котов.

– Где вторая Катя? – спросил он.

– Я и сама не знаю... – начала отвечать Катя, но тут до нее дошло, что именно и кому задал этот вопрос Пашка! В голове будто кто-то включил карусель. Катя потрясла ею и выдавила: – Откуда ты знаешь, кто я?.. И... откуда ты знаешь о второй Кате?!..

– Сейчас некогда, – с опаской оглянулся на дверь Павел. – Расскажу чуть позже. Давай удирать. Ирина не помешает?

– Нет, я ее...

– Я уже понял. Дай руку.

Катя протянула мальчику правую ладонь.

– Да не эту! – отмахнулся он и наклонился над стулом, где лежала рука с иглой. – Отвернись.

Катя послушно отвернулась, да еще и зажмурилась, приготовившись к боли. Но Павел так аккуратно вынул из вены иглу, что Катя ничего не почувствовала.

– Все, – сказал мальчик. – Теперь вставай и бежим.

– Но там...

– Я сказал: бежим!

Катя все еще была ошарашена. Пашка вел себя так, словно *все знал!* Но откуда? Неужели Катерина все всем разболтала, пока они ехали в такси? Но для чего? Нет, не стала бы этого делать «сестренка». Тем более, Пашу она недолюбливала. Да и Ольга Петровна была с ними. И потом, Павел бы все равно не мог знать, что сейчас в этом теле кроме Ирины находится и ее сознание. Мало того, он обратился не к Ирине, а именно к ней, словно каким-то образом видел или чувствовал, чье сознание сейчас главенствует над телом... Нет, все это никаким образом не укладывалось в голове! Но Павел все обещал рассказать, так что придется немного потерпеть. Сейчас главным было выбраться из больницы. И, хоть Катя и хорохорилась перед Ирой, что сумеет пройти по больничным коридорам незамеченной, на самом деле она в этом сомневалось,

ведь делать подобного раньше ей не приходилось. Она попыталась собраться и сосредоточиться. И тут Павел вновь огоршил ее.

– Ты только не колдуй, – сказал он. – Ладно? Положись на меня. – Он подождал, пока она встанет с кровати и наденет тапки, и взял ее за руку. – Пошли.

К счастью, вечером, довольно уже поздним, больничный коридор был пуст. Только за столом дежурного сидела медсестра. Но на странную парочку она даже не посмотрела, чем сильно удивила, но также и обрадовала Катю.

Подойдя к двери с окошечком, Павел остановился и строго посмотрел на девочку.

– Выпускай Ирину. И сразу ее предупреди, чтобы о тебе родителям не болтала.

– Но как им объяснить, почему она сбежала? Они ведь наверняка заставят ее вернуться!

– Это я беру на себя, – загадочно улыбнулся Паша. – Меня волнует другое. Точнее, другой.

– Лешка? – догадалась Катя.

– Именно. Мне придется многое рассказать тебе, и нам с тобой после этого придется многое сделать. Так что я вижу лишь два выхода: или посвятить во все также и Лешку, или отшить его так, чтобы он к тебе больше не подошел.

– Но получится, что это не я его отшила, а Ирина... Как-то не очень хорошо получится. И вообще, Леша, по-моему, надежный человек, не трепло.

– Мне тоже так показалось. Значит, рассказываем ему?.. – пристально посмотрел Кате в глаза Павел.

– Давай расскажем. Хотя, если честно, я все-таки не понимаю, откуда все знаешь ты сам? И... что именно.

– Я знаю гораздо больше, чем ты можешь себе вообразить, – усмехнулся Паша. – А откуда – расскажу, подожди немного. Всему свое время. А сейчас «освободи» Ирину, а я пойду *подготовлю* ее родителей.

Павел открыл дверь с окошечком и направился к выходу на улицу. Катя вышла на лестничную площадку, но входную дверь открывать не торопилась. Она разблокировала Ирино сознание и предупредила подружку обо всем том, о чем просил Павел. Разумеется, пришлось рассказать и о нем самом – как он их вывел, о его загадочной осведомленности...

– Он мне сразу показался странным, – сказала Ирина. – Как будто ему не тринадцать лет, а все сорок.

– Что?.. – опешила Катя. – А ведь и впрямь... Как же это я сама-то не подумала!.. Котов Павел... Катипап...

– Чего ты там бормочешь? Что за «кап-кап-кап»?

– Катипап. Это, скорее всего, он. Папа нашей Катерины.

– Кто? Пашка? – хихикнула Ира. – Он же ее ровесник!

– Ты сама сказала, что ему сорок лет. Примерно столько и есть на самом деле. Просто он очень сильный ведьмак, так что то, каким он нам кажется, не имеет значения. Впрочем, – задумалась Катя, – может, я и ошиблась. Скоро он сам все расскажет, тогда и узнаем. А сейчас пошли, успокоим твоих маму и папу.

Глава пятнадцатая, в которой Ира возвращается домой, а Катя с ней расстается

Ольга Петровна и Анатолий Федорович безумно обрадовались, увидев дочь здоровой. Лишних вопросов они и впрямь задавать не стали – похоже Павел, или кем он там был на самом деле, провел качественную *обработку*.

Лешка Безбородов тоже дожидался на улице. Увидев, что Ира в одной легкой пижаме, он сразу снял куртку и набросил ей на плечи. А потом спросил:

– А где Катя?

– Потом расскажу, – поторопилась ответить Катя. И добавила шепотом на ухо мальчику: – Отправим Ир... моих родителей домой, и я все тебе расскажу. Если хочешь, конечно.

Лешка окинул ее удивленным взглядом, но ничего на это не ответил.

– Вы чего там шепчетесь? – спросила Ольга Петровна. – Поедьте скорее домой. Толя, вызови такси!

Анатолий Федорович попросил у жены мобильник и стал звонить диспетчеру. Остальные двинулись к выходу из больничного городка. Ольга Петровна обнимала Иру-Катю за плечи, словно не верила, что дочь снова с ней, и ей нужно было не только видеть ее, но и осязать. Про настоящую Катю она ничего не спросила – это, вероятно, тоже было результатом Пашиной *обработки*.

Лишь когда подъехало такси, стало очевидно, что все в машину не поместятся. Катя сразу подумала, что это, может, и кстати – Лешка пойдет домой и не придется его ни во что посвящать. Она подошла к мальчику, сняла с плеч и протянула ему куртку:

– Спасибо, Леш. И за куртку, и вообще. Иди домой, поздно уже, родители волнуются, наверное.

– Но ты обещала рассказать про Катю, – нахмурился Лешка. – А родителям я позвонил, они в курсе, что я задержусь.

– Так в такси же всего четыре места... – растерялась Катя.

Лешка выразительно посмотрел на Павла, хотел что-то сказать, но передумал. Зато сказал Павел:

– Вы езжайте, а мы с Лешей пешочком прогуляемся. Только, Ира, можно тебя на минуточку?... – Он, извиняющимся взглядом посмотрел на Ириных родителей и отвел девочку в сторону.

– Переоденешься, – строго сказал он ей, обращаясь, разумеется, к Кате, – и выходи. Мы будем тебя ждать возле дома.

– А... как?... – взглядом указала та на взрослых.

– Постарайся *убедить*, – выразительно сказал Павел. – Да, – вспомнил он и страдальчески скривился, – там же еще эти... няньки! Совсем забыл... С ними-то что делать?

– Какие няньки? – удивилась Катя.

– Что за няньки? – эхом откликнулась Ирина. – Ой, и правда, Полинку-то с кем оставили?

– Оставили вот... – вздохнул Павел. – С Иваном и Натальей.

– С Митрофановым? – оживилась Ирина. – Он сам захотел?

– Почти, – не стал вдаваться в подробности Павел и повторил вопрос: – Делать-то с ними что будем?

– Наташке нельзя рассказывать! – поспешно сказала Ирина. – Девчонка она неплохая, но на язычок слабовата. Разболтает.

– Да я бы и Митрофанову рассказывать не стала, – осторожно, опасаясь обидеть подругу, произнесла Катя, – не потому, что болтун, а просто – зачем об этом знать многим? Лучше я их тоже постараюсь *убедить*. Чтобы скоренько шли домой.

– Хорошо, – кивнул Павел. – А я побеседую с Лешей, как договаривались. Или, быть может, – оглянулся он на стоявшего в сторонке Лешку, – мне его тоже... *убедить*?

– Нет, – покачала головой Катя. – Мы ведь уже решили. – Тут она не выдержала и спросила вдруг: – Ты... то есть вы... В общем, вы – Катипап?..

– Молодец, – криво усмехнулся «мальчик» и легонько подтолкнул ее: – Ладно, езжайте. Я ведь сказал: все подробности потом.

В такси родители устроились на заднем сидении, усадив дочь между собой. Ирина на всякий случай и у них спросила про младшую сестренку:

– А с кем вы Полинку оставили?

– С твоими одноклассниками, – сказала Ольга Петровна, – с Наташей и Ваней. По-моему, твои друзья очень хорошие ребята. Прямо как в поговорке: «Друзья познаются в беде». И Наташа, и Ваня, и Павел с Лешей, и... кто-то же еще был?.. Ну, не важно. Я очень рада, что у тебя есть такие друзья.

– Я тоже, – сказала Ира, и Катя «услышала», что подруга была при этом совершенно искренней.

– И я очень-очень рада, – обняла Ольга Петровна дочь, – что с тобой все в порядке!

Анатолий Федорович, хоть и ничего не сказал, но тоже положил руку на дочкино плечо.

Катя решила дать Ире возможность спокойно поговорить с родителями и погрузилась в ее подсознание. Кроме всего прочего, ей нужно было подумать и о своем положении. Самым плохим в нем было то, что неизвестно куда подевалась Катерина. Причем, вместе с ее телом! Сейчас, когда ушла тревога за Ирину, эта проблема встала перед Катей в полный рост. Мало того, что это было ужасным само по себе, но ведь еще нужно было что-то сказать маме! Вспомнив о маме, Катя совсем расстроилась. Что ей теперь делать: придти домой в Иркином теле и заявить: «Здравствуй, мама, теперь твоя дочь выглядит так, и у нее есть еще одна пара родителей»?.. Мама сойдет с ума. Тогда что? Внушить ей, что это именно она? А что потом: бегать туда-сюда между двумя семьями? Как там, в любимой папиной опере... или оперетте – Фигаро здесь, Фигаро там?..

Стоп!.. Катя вдруг вспомнила про второе тело. Ведь оно, тело ее пропавшей «сестренки» оставалось где-то в логове Катипапа! Значит, нужно поехать туда и это тело занять. Временно, конечно, пока не найдется Катерина. Точнее, пока они с Катипапом ее не найдут. Вспомнив о «запасном» теле и о том, что Катипап теперь тоже рядом, Катя немного успокоилась. Теперь первоочередной задачей было улизнуть от Иркиных родителей, избавиться от «нянек» и встретиться с Катипапом. Потом нужно срочно ехать с ним в лес и... Нет, сначала надо успокоить маму. Но как это сделать в чужом теле? Впрочем, она наверняка сумеет *убедить* маму, что перед ней именно она, Катя. Труднее будет убеждать ее в необходимости срочной, на ночь глядя, поездки в лес. Да и родителей Ирины придется убеждать в том же самом. А уверенности в том, что у нее это получится, не было. Ведь она совсем не умела врать даже просто так, без колдовства. И очень не любила, к тому же. А в последнее время так получается, что ей только и приходится – врать, врать, врать!.. Теперь вот – это просто необходимо. Жизненно! А ведь не получится, как пить дать. Не с мамой, так с Ольгой Петровной. Или Анатолий Федорович ее раскусит, что еще вероятнее. Вот же напасть!.. Но тут Катя снова вспомнила про Катипапа и подумала, что взрослый, опытный ведьмак наверняка найдет выход из этого положения. На душе опять стало чуточку легче. Если бы не усиливающаяся тревога за Катерину, можно бы было и совсем успокоиться.

Катя не собиралась высовываться, и когда подруга вернулась домой. Но стоило им войти в прихожую, как туда пулей вылетела Полина. Ее глазенки при виде старшей сестры озарились радостью и надеждой:

– Ииска! Ты бойсе не боеесь? Ты будесь со мной игьять?..

«Подслушав», что Ирка собирается ответить привычное для младшей сестренки «отстань», Катя не выдержала и вмешалась:

– Ну, зачем ты так? – мысленно обратилась она к Ирине. – Ребенок любит тебя, скучает, а ты...

– Она малявка еще, – буркнула Ирка. – Во что ты предлагаешь с ней поиграть, в куколки?

– Да неважно во что! Ты хотя бы просто приласкай ее, по головке погладь. Не трудно ведь. Эх, если бы у меня была сестра!..

Эти слова вырвались у Кати случайно, но она тут же поймала себя на мысли, что подобная мечта была у нее всегда, как она себя помнила. И ведь теперь, нежданно-негаданно, она вдруг таким невероятным образом осуществилась! Правда, ненадолго... Вспомнив о Катерине, Катя опять загрустила, а Ирина, уловив ее настроение и чувства, подошла вдруг к своей маленькой сестре, присела и прижала к себе ее пушистую белую головку:

– Поиграем, Полинка, обязательно поиграем. Я выздоровела, и мы теперь будем с тобой часто играть. Только не сейчас, сейчас уже поздно. А ты почему не спишь, кстати?

– Я тебя здяя!.. – вспыхнули счастьем глаза девчушки.

– Ни в какую не захотела ложиться! – вышла из комнаты в прихожую Наташка и, увидев Ирину, подпрыгнула: – Жива-здоровая?! Ура-ура!

Появился и Митрофанов. Он повел себя более сдержанно. «Дежурно» улыбнулся Ирине, сказал, что рад за нее и тут же спросил:

– Так что, раз у вас все в порядке, мы пойдем тогда?

Ирины родители, тоже успевшие уже войти в квартиру, поспешно закивали.

– Да-да, – сказала Ольга Петровна, – теперь можете идти. Спасибо вам огромное! Надеюсь, Полина вас не сильно измучила?

– Нет, что вы! – умиленно заворковала Наташка. – У вас такая славная доченька! Такая послушная, такая спокойная!..

– Только спать ни за что не хотела ложиться, – вставил Иван и опять сказал: – Так я пошел?

Катя почувствовала, как огорчилась и даже обиделась Ира. Но не успела ни она, ни кто-либо еще, ответить парню, как маленькая Полинка, глядя на приоткрытую входную дверь, испуганно вдруг спросила:

– Ой! Съто это за бабуська? Баба-Яга?..

– Что? Кто? Где?.. – завертели все головами, а девчушка радостно засмеялась:

– Всё! Убезяля! Не бойтесь.

– Ну, у тебя и шуточки, – погрозила сестренке пальцем Ира, а потом сурово глянула на Наташку с Иваном: – Небось, нарасказывали ребенку всякой всячины?

– Да ничего такого мы не рассказывали! Я ей песенки пела, а Ваня...

– Я рассказывал сказки, да, – с вызовом посмотрел на Ирину Иван. – Нормальные русские сказки, с нормальными сказочными персонажами.

– И с Бабой-Ягой? – прищурилась Ирка.

– И с Бабой-Ягой. А что в этом такого? И все-таки, могу я наконец пойти домой?

– Да проваливай ты куда хочешь, – негромко, но так, что услышали все, процедила Ирина.

Ольга Петровна сразу замахала руками, стала говорить, чтобы ребята не обижались, что Ирочка просто очень устала, что еще не совсем оправилась после болезни; снова принялась хвалить Ивана с Наташей... А Катя почти и не слышала, что происходит в прихожей. Ее мысли были заняты тем, что сказала Полина. Она была почти уверена, что девчушка не пошутила, что она действительно что-то видела. И Катя с сожалением подумала, что, будь она сейчас в своем теле, обязательно выбежала бы, постаралась догнать «Бабу-Ягу»! Ведь наверняка это та же «бабуська», что приходила к ним сегодня во время «магического сеанса», и наверняка это была... «Стоп! – сказала себе Катя. – В своем теле я бы тоже ее не увидела. А что если... вовсе без тела?..»

– Эй! Ты чего задумала? – почувствовала неладное Ирина, но Катя уже не могла ей ответить.

Выйти из тела оказалось на удивление легко. Возможно, потому, что оно было для Кати чужим. А может еще и потому, что сама Катя и впрямь стала теперь настоящей ведьмой. Ну, или почти настоящей. Во всяком случае, она уже точно не являлась той обычной девочкой, которой была еще неделю назад. И все же, многое, а точнее – почти все, было для Кати в ее новой роли внове.

Вот и сейчас, впервые оказавшись вне материального тела, она попросту растерялась. Да и было от чего: привычный мир вдруг поблек, посерел, потерял четкость... Он стал похож на карандашный рисунок, выполненный многочисленными, но слегка небрежными штрихами. Даже не просто на рисунок, а на мультфильм, пленку с которым заправили в неисправный проектор; изображение сначала сильно замедлилось, потом стало дергаться, перепрыгивать с кадра на кадр, а то и вовсе замирать. Звуки тоже исказились: переходя то в тягучий низкий шепот, то и вовсе в неразборчивый гул и шум. И все это будто куда-то отодвинулось, стало не очень важным, ненастоящим, словно и впрямь мультипликационным, вымышленным. А настоящим стало нечто другое – что-то такое, что Катя еще не могла осознать полностью – наверное, ее разум был пока не готов к подобному.

Первым желанием было вернуться назад, в тело подруги. Но, во-первых, Катя не знала, как это сделать, а во-вторых, она рассердилась на себя: в конце концов, ей уже тринадцать лет, так что пора давать отчет своим действиям, доводить начатое до конца и не прятаться от малейших трудностей. Правда, возникшие перед ней в данный момент трудности сложно было назвать «малейшими», но, с другой стороны, было и вовсе непонятно: трудности ли это вообще, или нечто такое, чему в обычной человеческой жизни попросту не было ни места, ни, соответственно, названия.

«А ты теперь и не человек! – сказала себе Катя, но все же поправились: – Не совсем человек». И она уверенно направилась к «нарисованной» входной двери.

Глава шестнадцатая, в которой Катя узнает, как все обстоит на самом деле

Собственно говоря, «направилась» – это вовсе не означает «пошла». Нет, ноги у новой Катинной ипостаси были, равно как и руки, голова и все прочее – причем, на вид именно ее, Катинны, – только вот ощущалось это тело настолько легким, почти невесомым, неосязаемым, что удобней в нем было не ходить в прямом смысле этого слова, а летать, или даже, скорее, перемещаться: стоит подумать, что надо бы оказаться вон у той двери – и ты уже там.

Так что на улице Катя очутилась быстро. Если это можно было назвать улицей... Прежние дома, фонари, деревья, как до этого обстановка и люди в Ириной квартире, также казались нарисованными серыми карандашными штрихами. А новый мир все настойчивей давал о себе знать. И первым делом Катя почуяла его запах. Здесь пахло цветами. Ощутимо, но в то же время ненавязчиво. Запах не дурманил, не кружил голову, он словно лишь намекал о себе, будто подсказывал: здесь хорошо, здесь красиво, спокойно и сладко. А потом, в подтверждение музыки запахов, Катя услышала и обычную музыку... Нет, не так... Музыка была обычной лишь в том смысле, что являлась порождением звуков. Но сами эти звуки... У Кати, опять же, было еще слишком мало опыта в общении с этим миром, чтобы осознать и суметь выразить привычными понятиями, на что были похожи эти звуки и сотканная из них музыка. Но она была такой же, что и запахи – ненавязчивой, но очень красивой и спокойной. Вернее, успокаивающей. Только не в смысле – убаюкивающей, а вселяющей в душу покой и умиротворение, надежду на радость и счастье.

А еще этот мир был цветным и объемным. Даже чересчур объемным. Судя по всему, в нем присутствовало более трех измерений; наверное, потому Катя и не могла поймать увиденное в привычном ракурсе, зафиксировать его в сознании.

Зато «Бабу-Ягу» она увидела быстро. Впрочем, на сказочную крючконосую колдунью эта аккуратная, седенькая, чуть сгорбленная старушка походила мало. Скорее всего, и в первую очередь, из-за доброй, чуть печальной улыбки и чистого, тоже очень доброго взгляда ясных серых глаз.

– Ну, здравствуй, внученька, – сказала она.

– Здравствуйте, – ответила Катя. – Вы ведь моя прабабушка Анна? – Она спросила это, лишь чтобы завязать разговор. Сомнений, что перед ней именно ее прабабушка, о которой ей рассказывала мама, которую она видела на старой семейной фотографии, а также на дисплее цифрового фотоаппарата после «сеанса магии», больше не оставалось.

– Да, Катюша, это я, – сказала прабабушка, и улыбка исчезла с ее лица. – Очень жаль, что нам пришлось встретиться именно здесь. Очень жаль. Тебе бы еще рановато сюда попадать. Ну, да что теперь сделаешь? Не сумела я предупредить. Пыталась, да вот... Помешал этот... – Старушка неприязненно поморщилась.

– Кто помешал? Катипап?.. – Катя вдруг вспомнила, что именно «Павел» нажал на спуск фотоаппарата, вспышка которого отпугнула «гостью». – И где мы сейчас? И почему вы...

– Почему я живая? – опять улыбнувшись, перебила бабушка. – Потому что ведьмы не умирают. Не совсем умирают, как видишь. После *той* жизни мы попадаем сюда. Не бойся, этот мир не хуже. Он даже *выше* прежнего. Скоро ты все увидишь сама. Хоть и не должна была столь рано... А все из-за него, – снова нахмурилась она. – Да, я говорю о Катипапе. Беспринципное создание! Ради своей выгоды готов пожертвовать всем, даже жизнью дочери! Что уж говорить о тебе. Использовал вас – и выбросил. Да и то с толком использовать не мог, лишь зря погубил. А я вот не сумела предупредить, чтобы ты с ним не...

– Это кто кого использовал? – услышала вдруг Катя знакомый голос. – Кто кого погубил, старая ты склочница?!

Увлечшись беседой с прабабушкой, она и не заметила, как возле угла «нарисованного» дома появились две «нарисованные» человеческие фигуры – Леша и «Павла». И вот теперь от них прямо на Катю и прабабушку Анну мчался Катипап – в знакомом уже Кате взрослом облике и даже в том же самом потертом, мятом пиджаке и дырявой шляпе. Пиджак был расстегнут, и его полы трепетали, словно крылья гигантской птицы. Катя не успела ни испугаться, ни вскрикнуть, как эти крылья накрыли вдруг ее, и мир вокруг и внутри нее

превратился в непроницаемую тьму. Катя опять, как в те разы, когда была заблокирована Катериной, не чувствовала, не видела и не слышала ничего. И лишь после этого сумела мысленно пискнуть:

– Помогите!..

– Все в порядке, – *услышала* она знакомый, но взволнованный и очень сердитый голос Катипапа. – Теперь в порядке. Успел.

– Что?! Куда успели? Где я? – беззвучно и бесслезно заплакала Катя. – Вы убьете меня?.. Или... уже убили? Да?..

– Что за чушь! – еще больше рассердился Катипап. – Почему я должен тебя убивать? Ты поверила этой вздорной старухе?!

– Это моя прабабушка, – всхлипнула Катя. – Зачем ей меня обманывать?

– Прабабушка!.. – пробурчал Катипап. – Ну, да, прабабушка... И что? Она при этом не может быть вздорной? Еще как может! Если бы ты знала, как она меня и твоего... – Внезапно он запнулся, замолчал и продолжил уже вполне спокойно: – Впрочем, это долгая история и к настоящему моменту отношения не имеет. Главное, что я вовремя успел. Еще немного, и тебе бы *оттуда* уже не вернуться.

– Прабабушка ни при чем, что я там оказалась, – поспешно заговорила Катя. – Я сама вышла из Ирки. Прабабушка Анна тоже об этом переживала.

– Переживала она... – опять забурчал Катипап. – А ты тоже хороша! Чего тебе на месте не сиделось? – Но он вновь быстро сменил гнев на милость: – Впрочем, это даже к лучшему. Мы хоть поговорим с тобой спокойно и наедине.

– А... где я?..

– В моем сознании. И лучше бы тебе тут и оставаться! Но мне теперь нужны все мои силы и способности, так что придется тебя снова посадить к Ирине.

– Но меня можно поместить в тело вашей дочери, – поспешила поделиться Катя своей идеей.

– Что мы и сделаем, – одобрительно, как показалось Кате, сказал Катипап. – Только завтра. До тела еще нужно добраться.

– Почему завтра, а не сейчас? Ведь Катерина... ваша дочь... ее же надо спасать! Что с ней могло случиться, вы не знаете?.. А почему прабабушка сказала, что вы нас использовали?..

Катипап издал звук, похожий одновременно на волчий вой и на зубовой скрежет.

– Вот ведь старая карга! – прорычал он, но тут же сбавил тон: – Прости, не смог удержаться. Не понимаю, как можно все вывернуть наизнанку и выдавать за бесспорную истину!

– Так вы нас не использовали?

– Тьфу!.. – выдал в сердцах Катипап и надолго замолчал. А потом вдруг сказал: – В общем-то да, использовал. В какой-то мере. Прости.

– Что?.. – Если бы Катя сейчас в принципе дышала, она бы непременно задохнулась. – Так вы и впрямь... хотели нас убить?!..

– Тьфу ты! – опять сплюнул Катипап. – Тьфу, тьфу, тьфу!!! Дурак, сам виноват! Надо было сразу... Говорила же мне мама: сынок, врать опасно, сам когда-нибудь в свое вранье вляпаешься!

– А мне мама говорила, что врать вообще плохо, – сказала Катя.

– Я разве говорю, что хорошо? Собственно, я не очень-то и врал. Просто не все говорил. Но, вижу, теперь никуда не деться, придется рассказывать...

И Катипап рассказал Кате, как все обстояло на самом деле. То есть, это он утверждал, что на самом деле, но Катя была теперь научена горьким опытом, что просто так доверять чьим бы то ни было словам нельзя. Разве что маминым и папиным, но папа сейчас был далеко, а мама хоть и близко, но помочь все равно ничем не могла. Оставалось выслушать Катипапа и попытаться понять, или почувствовать, что в его словах правда, что не совсем, и по возможности догадаться, чего он не договаривает.

Из рассказа Катипапа выходило, что колдуны, ведьмы, прочие мистические сущности и явления вовсе не являлись чем-то исключительным и редким. Когда-то очень давно они открыто жили среди людей, и мир был для всех по-настоящему общим. Но потом, в силу

разных причин, в корень которых Катипап не стал углубляться, мир мистиков решил отделить себя от реального мира, что, в общем и целом, очень неплохо удалось. Впрочем, оба этих мира и по сей день были реальными, просто пересекались они исключительно редко. Что же касается более *высокого* мира, где чуть не осталась навеки Катя, то о нем Катипап и вовсе не стал ничего рассказывать, заметив лишь, что к настоящим событиям он прямого отношения не имеет и вообще, «придет время – волей-неволей в нем окажешься и сама все узнаешь».

В нашем же мире было все устроено так, чтобы по возможности реже сталкиваться с мистическими жителями. Существовали места, подчас очень обширные, населенные исключительно ими, но люди этих мест будто и не замечали. Взять тот лес, где обитали Катипап с Катериной. Люди знали, что он есть, но ходить туда почему-то никто не пытался. Если спросить кого напрямую: а почему ты туда не идешь, может, там грибов море, или вообще булки на деревьях растут? – человек, скорее всего, пожмет плечами и скажет: чего я там забыл, мне и других лесов хватает. А подумает при этом наверняка о том, что вроде бы кто-то говорил, что там опасно: то ли химию какую-то разлили, то ли вообще секретные испытания проводятся, то ли просто еще покойная бабушка говорила, что нечисто там и соваться туда не стоит. Но ладно лес и Катипапово логово – пусть там и еще какая-никакая нечисть потихоньку обитала, – были ведь и такие районы, где мистики жили довольно кучно, строили дома, дороги, возводили, хоть и редко, чуть ли не дворцы и замки! Пусть колдовство мешало людям их видеть, заставляло обходить и объезжать стороной, но ведь существовали спутники, аэрофотосъемка, космическая навигация и все такое – их-то как обмануть? Оказывается, и через подобные устройства колдовство продолжало действовать на людей. Человек смотрел на снимок, даже видел на нем подобный район, но сознание его не захватывало, пропускало. Все равно как на рисунках-загадках для детей, где с первого взгляда видишь камни, деревья, цветочки разные, и лишь приглядевшись, начинаешь различать в изгибах ветвей очертания какого-нибудь зайчика или Деда Мороза. Только здесь колдовство не давало приглядываться. Другое дело, если создать специальную программу, загрузить ее в некое распознавательное устройство и с их помощью проанализировать снимок нужной области – тогда да, тут уже колдовство не поможет. Но для этого нужно знать, где и что искать, а кто же в современный технологический век будет на полном серьезе искать, где живут сказочные существа? Вот то-то и оно. Да мистики и строили-то свои жилища аккуратно, стараясь не привлекать внимания, – в основном, где-нибудь в горах, в дремучих лесах под прикрытием густых крон, а зачастую вообще под землей. А в последнее время многие из них и вовсе стали жить среди людей, маскируясь под них же. Некоторые из них, для пущей маскировки, как ни странно это звучит, во всеуслышанье объявляли себя колдунами и магами – в человеческом обществе, особенно на стыке веков, разводилось столько шарлатанов, причислявших себя к мистическому миру, что и настоящих представителей этого мира обычно принимали за самозванцев.

Но это в рассказе Катипапа было лишь присказкой. Главным оказалось то, что, как и говорила уже Кате Катерина, самые сильные колдуны и ведьмы жили в Германии, там у них была своеобразная столица мистического мира, и туда-то в свое время перебралась мама Катерины. А буквально вот-вот, через пару недель, должно было состояться назначение очередного правителя этого колдовского мира. На сей раз, по очень многим причинам и показателям выходило так, что, скорее всего, такой Верховной Правительницей должна была стать... именно мама Катерины!.. Разумеется, как и в нашем обычном мире, не все были единогласно расположены именно к этой кандидатуре. Претендентов «на трон», пусть и не пожизненный, а временный – сроком на семь лет – хватало. Но самой сильной из них была ведьма Кутияна, мощная, но очень уж вздорная и вредная колдунья. Весь мир для нее делился ровно на две части: *Я* и *все остальные*. Причем, вторую часть, по ее мнению, конечно же, составляли жулики, тупицы, ловкачи, хапуги, хамы и прочие ничтожества.

Разумеется, Кутияна спала и видела себя на троне. Конечно же, она сгорала лютой ненавистью к маме Катерины. Ее бы воля – она бы постаралась извести ту буквально, уничтожить физически. Но сделать это тайно, незаметно было попросту нереально. И уж подобное преступление привело бы ее совсем не на трон. Оставалась хитрость. Нужно было найти слабое место нынешней претендентки. И Кутияна его нашла. Таковым была Катерина.

– Потому-то мы и прятались в лесу последние годы, – тяжело вздохнул Катипап, – подальше от чьих бы то ни было глаз и ушей. Но колдовство – штука такая, порой и вообще обходится без органов чувств.

– И вас выследили? – охнула Катя.

– Вроде того. Стопроцентной уверенности не было, но я решил подстраховаться.

– И пересадить сознание Катерины ко мне, – закончила эту мысль Катя.

– Да. А что мне оставалось? Мне это казалось абсолютно безопасным. Ну... не совсем абсолютно, но с большой вероятностью. Тем более, как ты уже знаешь, я и сам решил все время быть рядом, для подстраховки.

– И что случилось? Катерину все-таки нашли и выкрали?

– Похоже на то. Вероятно, кто-то вас выдал.

– Но кто?! Об этом знала только Ирина! Но она и сама поплатилась...

– Она не поплатилась. Она сыграла роль приманки. Впрочем, выдала вас вряд ли она. Ведь ты же ничего такого не чувствовала, когда была с ней?

– Конечно, нет. А больше никому. Больше никто не знал.

– Получается, что знал. Но это сейчас не первоочередной вопрос. Сейчас главное – найти и вызволить Екатерину. Интересно, Кутияна уже догадалась, что ошиблась?..

– В чем? Разве она не похитила Катерину? И, кстати, почему вы медлите, почему не хотите мчаться на выручку вашей дочери сейчас же? А вдруг ее убьют?

– Ну что у тебя все убийства на уме?.. Никто Екатерину не убьет. Во всяком случае, до назначения Верховной Правительницы. И по той же самой причине, почему Кутияна не может уничтожить мою... жену. Да и после назначения... После даже еще опасней – ну-ка, так разозлить саму Правительницу, в руках у которой абсолютная власть!.. Так что и мы очень уж торопиться не будем. Ехать туда ночью – гораздо опасней, чем днем.

– А почему вы говорите, что Кутияна ошиблась?

– Потому что она украла лишь половину Катерины. Тело-то у нее твое.

– Ну и что? Это имеет значение?

– Так трудней торговаться. Ведь моя жена... в смысле, мама Катерины, сразу поймет, who is who. И может поставить условие: я, мол, согласна, уступить претензии на трон, но с условием, если ты вернешь мне дочь целиком. Вероятность этого слишком велика, чтобы Кутияна стала так рисковать.

– Вы думаете, Кутияна уже догадалась о своей ошибке? Хотя, ей же наверняка Катерина сказала...

– Ой, вот Катерина ей как раз ничего подобного и не скажет. Скорее наоборот – так запудрит голову, что Кутияна вообще не будет понимать, кого украла. Впрочем, увы... Эта ведьма, хоть и редкостная негодяйка, но далеко не дура.

– Значит, она тоже станет искать настоящее тело Катерины?!

– Вполне вероятно, – вздохнул Катипап. – Вполне. Так что мы завтра должны быть втройне, вдесятеро осторожней!

– А что мы будем делать сейчас?

– Вот это мы теперь с тобой и обсудим.

Глава семнадцатая, в которой Катя и Катипап намечают план действий и приступают к его исполнению

Но перед тем как что-то обсуждать, Катя все же задала Катипапу еще один вопрос, который волновал ее очень сильно:

– Скажите, а Катерина... она тоже знала?..

– О чем? – притворился непонимающим ведьмак.

– Об этом вашем плане. О его прикрытии в виде ее якобы перевоспитания. И о моем для этого... использовании.

– Что значит «якобы»?! План перевоспитания был прикрытием, не стану отрицать, но ты же сама видела, как себя вела Екатерина! Я на самом деле хотел, чтобы она исправилась. И, разумеется, в этот план она была посвящена.

– А вы разве не понимаете, почему она так себя вела? Вы заперли ее в лесу! Ей даже поговорить, кроме вас, было не с кем! Даже ради самой высокой цели нельзя так поступать с детьми. Тем более, с собственными.

– Поучи меня, поучи!.. – забурчал Катипап. – Вот будут у тебя свои дети, тогда и поговорим на эту тему. И вообще, ты как будто не слышала, что я тебе рассказывал! Да если бы мы с Екатериной жили у всех на виду, ее бы непременно похитили, чтобы шантажировать мою жену!

– Во-первых, – сказала Катя, – ее и так похитили. Во-вторых, ради счастья и безопасности дочери можно, по-моему, отказаться не только от трона, но и от куда более важных вещей. В-третьих, когда у меня будут свои дети, я их и близко к вам не подпущу.

– Очень мне нужны твои дети... А насчет трона – не тебе рассуждать. Отказаться от него, может, и легко, но кто его займет – вот в чем вопрос. Если кто-то вроде Кутияны, то «веселая» жизнь обеспечена не только мистическому миру. Вашему тоже достанется, поверь мне.

– Я теперь тоже ваша, – буркнула Катя, сердясь на себя за поспешно сделанные выводы. Не за все, но с тронном и впрямь было не все так просто.

– Ты вообще уникам, – в голосе Катипапа прозвучала улыбка. – Дитя двух миров. Фигаро здесь, Фигаро там.

Будь у Кати тело, она бы наверняка вздрогнула: совсем недавно она сама о себе подумала той же «цитатой».

– А теперь давай-ка перейдем к делу, – вновь стал серьезным Катипап. – Сначала нужно вернуть тебя в тело Ирины. Затем нужно убедить ее родителей, что тебе обязательно и срочно надо сходить к Кате. Ну, тут, думаю, даже мое вмешательство не потребуется, у тебя самой все должно получиться. Потом идем к тебе домой. Там будет посложнее, но я останусь рядом, так что помогу.

– Вот здесь как раз я не очень понимаю, что нужно делать, – призналась Катя. – То, что маму надо успокоить, это понятно. И, допустим, у нас получится внушить ей, что Ира – это я. Но как быть потом? Остаться ночевать дома я ведь не смогу, а как убедить маму, что мне нужно куда-то уйти на всю ночь? И даже дольше, раз мы утром поедем в лес... Я уже так завралась, что со стыда перед мамой сгорю! Не получится у меня ее убедить.

– А ты попробуй не врать. То есть, по сути, врать, конечно, придется... Но ты же понимаешь, что всю правду твоей маме говорить не стоит. Однако можно постараться и говорить хоть и не совсем правду, но, в общем-то, и не ложь.

– Как это?..

– Вот смотри, – оживился Катипап. Похоже, он почувствовал себя в своей тарелке; облачать ложь в правдивые словеса было для него, по мнению Кати, любимым занятием. – Сначала ты будешь внушать маме, что ты – Катя. Но ты ведь и на самом деле Катя, какая же это ложь? А потом ты скажешь ей, что хотела бы заночевать у Ирины, поскольку та перенесла шок с этой странной болезнью, и было бы неплохо, чтобы в первое время с ней рядом была лучшая подруга. Даже ночью. Тем более – ночью! Ведь именно ночью из подсознания вылезают страхи и прочая бяка. Так что и здесь ты не соврешь. А насчет завтрашней поездки...

– Да, насчет поездки, – сказала Катя, удивляясь, как лихо покуда «разрулил» Катипап ее терзания по поводу вынужденной лжи.

– Можно сделать так... И родителям Иры, и твоей маме нужно будет сказать, что Ирине после полученного стресса необходимо успокоить нервы. А что лучше лесной природы может их успокоить? Я даже не знаю. Вот мы и скажем им, что хотим съездить в лес. Погулять, грибов заодно пособирать...

– «Мы»?..

– Ну, да. Я ведь тоже поеду с вами. Пожалуй, я даже сам и скажу им про лес. И тебе врать не придется, хоть это и не ложь, в общем-то, пусть и не вся правда. Да и...

– ...поверят вам охотней, – закончила за ведьмака Катя. – В этом, кстати, есть резон. На маму вы произвели впечатление. Правда, в облике Павла.

– Так я и буду в облике Павла. Не в этом же!

– А взрослые? Родители Иры и моя мама обязательно поинтересуются, кто из взрослых с нами поедет. Одних нас они просто так вряд ли отпустят. Снова колдовать? Или врать? Или и то, и другое, для надежности?.. – нервно фыркнула Катя.

– Мы скажем, что взрослые будут. И это ведь тоже правда: я взрослый. А вот кто именно... Тут, конечно, придется немного лукавить. Мы скажем, что это будет... Пашин папа. Я даже могу им показаться для верности в своем исконном облике.

– Только не в этом костюме и шляпе!

– Почему? Это мой любимый костюм. И шляпа тоже. Я их уже двадцать лет ношу!

– Оно и видно. В них только ворон пугать или по лесу бродить.

– А мы куда собираемся?..

Крыть Кате было нечем.

– Ой, а что с Лешкой? – вспомнила вдруг она. – Вы ему рассказали?

– Рассказал. Не все, только суть дела. Про мистический мир и маму Екатерины не стал. Ни к чему людям это знать.

– А как же вы ему объяснили про нас с Катериной? Вы же ему сказали, что нас двое?

– Сказал. Я ему все сказал примерно в том объеме, что знала ты до этого нашего разговора.

– И что Лешка? Поверил?

– Конечно, поверил. Он парень неглупый, сам уже кое о чем догадывался. Но насчет Лешки меня тревожит другое... – явно замялся Катипап. – Видишь ли, мне показалось...

– Ой, вам – и показалось! – хмыкнула Катя. – Говорите уж прямо, что там не то с Лешкой?

– Влюбился он, – вздохнул Катипап. – Втюрился по уши.

– В меня?! – ахнула Катя.

– Ну не в меня же. Хотя, возможно, не в тебя, а в Екатерину. Кто тут теперь разберет! Во всяком случае, он сказал, что пока мы ее не спасем, он от нас ни на шаг не отойдет. И, насколько я успел в нем разобраться, это не пустые слова. Не отойдет. Так что придется принимать в наш отряд еще одного бойца.

– Ну, Лешка ладно, – порадовавшись, что у нее сейчас нет тела, а потому не пылают щеки, сказала Катя, – он сознательно на это идет. Мне тоже хочется спасти Екатерину, и не только чтобы вернуть тело, но и вообще; она мне как сестра теперь. А вот с Ирккой нехорошо получается. Ее мы и впрямь будем использовать. Может, не надо?

– Я уже думал об этом, – чуть помедлив, сказал Катипап. – Даже хотел предложить тебе *посидеть*... в Лешке.

– Ой! – испугалась Катя. – Не надо в Лешке! Лучше тогда в собаке какой-нибудь...

– В собаке нельзя. Это хоть и умное животное, но все же неразумное. В дельфине еще – туда-сюда. Но где мы тут найдем дельфина? Да и как его в лес тащить? Нет, Катя, с дельфином мы только намучаемся, поверь мне.

– Я и не настаиваю на дельфине, – растерялась Катя. – Я только в Лешке не хочу...

– А не всё по охотке делается, как говаривала моя бабушка, – строгим голосом сообщил Катипап. – Впрочем, я ведь сказал, что лишь хотел тебе это предложить.

– И передумали? – с надеждой спросила Катя и тут же устыдилась: – Хотя, если это единственный выход, чтобы не впутывать Иру...

– В том-то и беда, что Ирина уже впутана. Кутияна с ней уже поработала. Так что будет гораздо надежней для всех нас, да и для самой Ирины, чтобы она оставалась у нас на виду.

– Вы думаете, она заколдовала Ирку? – ахнула Катя. – Сделала ее шпионкой?

– Полностью и этого нельзя исключать. Хотя, находясь в ней, ты наверняка бы что-то такое почувствовала. Но даже если и нет... Один раз на нее воздействовали, почему и не повторить? Кутияна ведь тоже понимает, что чем меньше *людей* будет задействовано, тем лучше. А еще, не забывай, Ирина и без того слишком много знает. Так что...

– Хорошо, – вздохнула Катя. – Только обещайте, что не будете рисковать Ирой напрасно.

– С гранатами под танк я ее в любом случае бросать не стану! – возмущенно хрюкнул Катипап. – И вообще, я никем и никогда не рискую напрасно.

– Ну, тогда идемте, – сделав вид, что не заметила его возмущения, снова вздохнула Катя.

Как оказалось, весь этот долгий разговор с Катипапом не занял ни мгновения реального времени. Ну, если сколько-то времени все же и прошло, то в любом случае гораздо меньше, чем на самом деле длился их разговор. Катя понятия не имела, как это удалось ведьмаку, и поначалу, вновь оказавшись в Ирином теле, удивилась, когда подруга изумленно спросила:

– Ты тут? Мне померещилось, что ты исчезла...

– Никуда я не исчезла, – ответила Катя и осмотрелась. – Всё и все были в Ириной квартире на месте. Даже Митрофанов так еще и не ушел. И добавился Катипап. Разумеется, в облике Павла. Лешка, вероятно, остался на улице.

То, что Наташка с Иваном еще не ушли, огорчило Катю. Они были явной помехой. При них начинать разговор с Иринными родителями не хотелось.

– Какой разговор? – «подслушала» Катины мысли Ирина.

– Надо уговорить твоих папу и маму, чтобы тебя ко мне отпустили, – пояснила Катя, – надо же мою маму как-то успокоить. А при Наташке с Иваном не станешь же этого делать. Слушай, ты давай, попрощайся с ними, а затем переоденься. Не в пижаме же ко мне домой идти!

Впрочем, подумала Катя, какая разница, в чем. Все равно ведь придется сделать так, чтобы мама увидела не Ирину, а ее, Катю.

– И все-таки, – обиженно сказала Ира, – давай Ване тоже все расскажем. Чем он хуже Лешки?

– Скажи лучше, что к Наташке его ревнуешь, – не удержавшись, подколола ее Катя, но тут же, не дожидаясь ответной реакции, поспешила исправить положение: – Прости, я другое хочу сказать. Вот подумай сама: ты ему откроешься, скажешь, что в тебе сейчас еще и я сижу. И как он отреагирует? Вдруг ему такое неприятно будет даже представить, и он после этого смотреть на тебя нормально не сможет?

– Ой, правда, я не подумала! – ахнула Ира и быстро повернулась к Наташке с Иваном.

– Вань, ты меня и правда прости, – проворковала она. – Сам понимаешь, свалилось на меня все это...

– Да ладно, – засмутился Митрофанов, – понимаю, конечно.

– Спасибо тебе, Ваня. И тебе, Наташа, большое спасибо. Вы настоящие друзья! А теперь извините, мне нужно отдохнуть. До свидания! – Ира протянула обе руки ребятам. Правая досталась Ивану, которую тот с чувством и пожал. Наташка быстро и нехотя коснулась ладони подруги. Ей явно не хотелось прощаться. Возможно, она хотела услышать от Ирины больше подробностей о ее странной болезни. Но поскольку им явно дали понять, что пора уходить, Наташка вымучила улыбку, тряхнула розовым бантом и сказала:

– Ну, пока! Я к тебе завтра забегу, проведу. Ага?

– Только не очень рано, я долго, наверное, отсыпаться буду.

Выпроводив гостей, Ира, а точнее – уже Катя, и впрямь без особых трудностей обработала Ольгу Петровну и Анатолия Федоровича.

– Конечно, конечно, – синхронно закивали они, – надо обязательно навестить Катю, она же волнуется!

В итоге, Катя так бы, наверное, и побежала к себе в пижаме, но критичная к своему внешнему виду Ирина не позволила этого сделать. В свое сногсшибательное платье она, конечно, не стала переодеваться, но все равно перебирала наряды довольно долго. Катя уже начала злиться.

– Не сердись, пожалуйста, – сказала Ирина, – натягивая узкие черные джинсы и джемпер такого же цвета. – Я соскучилась по нормальной одежде.

– Когда и успела? – фыркнула Катя.

– В больнице час идет за три. А то и за пять, – возразила на ее фыркание подруга.

В итоге, когда Ира-Катя снова появилась в прихожей, Катипап от нетерпения уже больше походил на себя самого, чем на Павла. Впрочем, он быстро восстановил нужный облик и, призывно мотнув головой, вышел из квартиры.

Глава восемнадцатая, в которой не все идет по плану, но кое-что все-таки удается

Оказавшись на улице, Катя уткнулась в спину внезапно остановившегося Катипапа. Выглянув из-за нее, она беззвучно ахнула: возле подъезда, рядом с ожидающим их угрюмым, понуро опустившим голову Лешкой, стояли... Наташка и Ваня.

– Ага! – ликующе завопила Наташка. – Обмануть нас хотели! Избавиться от нас решили! То-то, думаю, чего это Лешка тут торчит и молчит, как партизан?

– Никто вас не обманывал, – поморщилась, чувствуя, как краска стыда заливает лицо, и радуясь, что в вечерней темноте этого не видно, Катя. – Просто я вспомнила, что забыла успокоить... Катю. Сейчас дойду до нее – и сразу назад, баиньки.

– Катю? – прищурилась Наташка. – Вспомнила? А что здесь тогда Лешка делает? Чего ты, Лешенька, торчишь тут, под Иркиными окнами? – повернулась она к мальчику.

Лешка ничего не ответил, лишь насупился еще больше. Зато «взяла слово» Ирина.

– Наташенька, – притворно-ласково сказала она, – какое тебе дело, почему здесь стоит Леша? Может, он влюбился в меня! А может, в тебя, потому и ждал, когда ты выйдешь. Иди домой, хорошая девочка, не парь людям мозги! И ты, Ваня, тоже иди. Некрасиво шпионить за друзьями.

– А обманывать друзей красиво? – буркнул и тоже опустил голову Иван.

– Я никого не обманываю, – гордо тряхнула золотистой гривой Ирина. – Я на самом деле иду сейчас к Кате. Можете проследить. Впрочем, отчитываться и оправдываться я ни перед кем не собираюсь.

Ира шагнула было вперед, но ее остановила Наташа.

– погоди, – вытянула она руку. – Ладно, допустим, я тебе верю. Леша в тебя влюбился, Паша, наверное, тоже, раз он вообще от тебя ни на шаг не отстает. И за Катю ты тоже волнуешься, хочешь ей рассказать, что с тобой все в порядке. Но объясни мне, подруженька, почему же Катюха ничего не знает, если она вместе с остальными поехала к тебе в больницу?.. И еще... Хочешь, я тебе помогу? Для чего тебе ноженьки стаптывать, если есть вот это?

Наташа достала из кармана мобильник и запиликала клавишами. Катипап, издав нечто нечленораздельное, рванулся к девочке, но та уже поднесла телефон к уху и сказала:

– Кат? Это ты?..

Катипап замер в двух шагах от Наташки. Казалось, он даже перестал дышать. А потом, когда странно изменившаяся в лице девочка опустила вдруг трубку, со всего маху вlepил себе кулаком по лбу.

– Тупица!.. – простонал он и снова ринулся к Наташе: – Что она ответила?! Что?!..

– Она сказала: «Спасите»... – пробормотала Наташка. – А потом пошли гудки...

– Дай! – Катипап вырвал у нее из рук телефон и судорожно стал нажимать клавиши, а потом поднес трубку к уху таким жестом, каким подносит к губам флягу с водой умирающий от жажды.

Но даже на расстоянии Катя услышала, как из динамика раздалось: «Телефон вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

– Отдай! – вырвала у «Павла» мобильник испуганная Наташка и жалобно вдруг запричитала: – Что с Катюхой? Что?.. Вы знали, вы все знали, а нам не хотели говорить... Мы тоже Катюшкины друзья, мы тоже хотим знать, что с ней!..

– Пррроклятье! – раскатисто загредел вдруг Катипап, принимая свой истинный облик. – Все! Надоело цацкаться! – Он вскинул руки с растопыренными, скрюченными пальцами и в неярком свете фонарей и светящихся окон стал похож на сумасшедшего дирижера, вздумавшего в темной подворотне руководить оркестром, состоявшим из перепуганных до смерти девочки и мальчика. Впечатление усиливали распахнутые, словно фалды фрака, полы его мятого пиджака. А выглянувшая из-за облаков луна лишь подчеркнула сюрреалистичность картины.

Если Ира и Лешка, хоть и тоже не видевшие до этого Катипапа «вживую», по крайней мере догадались, что произошло, то Наташка и Ваня попросту остолбенели от шока. Катя даже испугалась за них – так ведь недолго на всю жизнь заикой остаться, а то и вовсе с ума сойти!

Катипап между тем производил свои магические пассы, водя длинными, костлявыми руками над головами замершей в ужасе парочки. Он что-то быстро и монотонно бормотал, встряхивал пальцами, возводил руки к лунному небу, снова простирали их к ребятам... Наконец он, словно плети, уронил руки и устало направился к Ире-Кате и Лешке. Наташка же и Ваня разом, словно солдаты на плацу, повернулись как по команде «кругом» и в ногу зашагали к выходу со двора.

– Они что, теперь такими и будут? – испугалась за друзей Катя.

– Нет, – отмахнулся Катипап. – Придут домой и всё забудут.

– Что «всё»? – не унималась Катя. – И кто они такие – тоже?

– Они будут помнить, – сквозь зубы процедил Катипап, – всё до того момента, как вышли из подъезда и увидели Лешу. Им будет казаться, что они дождались Ирину с родителями и просто ушли домой. Ты довольна?

– Да, довольна, – вскинулась Катя. – А почему вы так со мной разговариваете? Это что, я во всем виновата? Может, меня зовут не Катя, а Кутияна?

– Извини, – внезапно поник, будто из него выпустили воздух, Катипап. – Это я не на тебя, на себя злюсь. Придурок, тупица!

– А вы-то тут при чем?

– При том, что полагаясь на колдовство и магию, забываю о технических средствах.

– Телефон? – догадалась Катя. – Но вам бы Катерина успела сказать то же самое, что Наташе...

– Я бы мог настроиться перед звонком, поймать место, откуда она говорит! – воскликнул Катипап, в отчаянье схватившись за поля своей несурзной шляпы.

– Перестаньте, – пожалела Катя ведьмака, – теперь-то что так убиваться? Пойдемте скорей к моей маме, а то ведь и она мне может начать звонить и перепугается, если услышит, что я «вне зоны действия сети». Только превратитесь, пожалуйста, снова в Пашу.

– Да-да, – закивал Катипап, опять внешне становясь мальчиком. – И – вот, возьми, а то тоже забуду, – протянул он Ирин мобильник. – Там ничего подозрительного нет, кстати. Тоже загадка.

– А что вы собирались найти подозрительного в моем телефоне? – несколько вызывающе поинтересовалась Ирина, пряча в карман трубку.

– Но ведь кто-то тебе позвонил, когда ты была в гостях у Кати, – пояснил Катипап. – И это был не твой отец, как тебе показалось. Хоть номер телефона, с которого звонили, указан именно его. Я не очень силен в современной оргтехнике; пытался понять, как такое возможно, однако не смог.

– Ой, простите, – смутилась Ира, – что-то я тоже... Ведь и правда, все с этого звонка и началось. А это точно не папа звонил?

– Точно. Ладно, идемте, и впрямь много времени потеряли.

И Катипап не оглядываясь зашагал в сторону Катиного дома. Леша и Катя-Ира поспешили за ним.

Но беспрепятственно достичь цели им опять не удалось. Уже подходя к родному двору, Катя краем глаза заметила, как из темнеющих в сторонке кустов выдвинулись три силуэта.

– Эй, защитничек, – голосом Витьки Белова обратился один из них к Лешке, – что, теперь с телохранителями ходишь, один боишься? И Катька ваша безбашенная из дому вылезать боится. Так сильно, что даже мобильник отключила. И правильно боитесь. Сейчас узнаете, на кого рыпаетесь.

Двое других, на голову выше Витьки – наверное, опять его брат с кем-то из дружков, – встали на пути у идущего первым Катипапа. Но ведьмак, казалось, их даже не видел. Не замедлив шага, не глядя на парней, он всего лишь быстро, без замаха, сунул кулаком влево-вправо, и те безмолвно попадали на землю, словно кегли. Лешка тоже не стал останавливаться. И отвечать Белову не стал. По примеру Катипапа он тоже двинул кулаком по Витькиному силуэту, но эффект от его действия получился несколько иным. Во-первых, Белов не упал, а во-вторых, звуки он стал издавать вполне отчетливые. Настолько, что у Кати чуть не заложило уши.

– А-аа!!! – завопил Витька. – Больно!!! Зачем опять по носу-то?..

– А ты его загипсуй, Витюньчик, – презрительно бросила Катя, – а то в следующий раз вообще своротим.

Даже в слабом свете луны Катя увидела, как побледнел, оправдывая свою фамилию, Белов. И лишь тогда до нее дошло, что говорила она с парнем своими интонациями и, главное, своим голосом. А раз уж это случилось, Катя решила добить обидчика.

– Ага! – оскалилась она. – И кто же из нас кого боится?

Витькины глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит. Парень истошно взвыл и ломанулся в сторону спасительных кустов.

– Так ему, – одобрила действия подруги Ирка и, перешагнув вслед за Лешкой валявшихся на пути Витькиных «компаньонов», бросилась догонять Катипапа.

Возле двери Катиной квартиры Катипап еще раз напомнил:

– Значит, действуем так: Ирина пусть пока *спрячется*, а ты, Катя, изо всех сил представляй, что это именно ты и постарайся внушить это маме. Я буду помогать. Дальше – как мы уже говорили, отпросишься ночевать к Ире и насчет завтрашней поездки – тоже. Любой форс-мажор я беру на себя, ты без необходимости не встревай.

– Что еще за мажор? Вы что, музицировать собрались?

– Если будет надо, то и смузицирую. Но вообще под этим понятием подразумевают различные непредвиденные обстоятельства, как правило – непреодолимой силы.

– Так у меня с прошлых выходных сплошной форс-мажор, – хмыкнула Катя.

Она надавила кнопку звонка и стала воображать себя в своем прежнем облике. Вероятно, это ей хорошо удалось, потому что открывшая дверь мама всплеснула руками:

– Катя! Где ты была так долго? Я уже звонить тебе стала, а у тебя и телефон не отвечает. Ты его выключила, что ли?

– Ой, мамочка, прости, – залепетала Катя, – там такие дела творились!.. Ирке плохо стало, ее на «скорой» увезли, мы в больницу помчались... Наверное, я мобильник где-то в суматохе потеряла.

– Так что все-таки с Ирой? – обеспокоилась мама, и Кате стало приятно, что ее взволновало в первую очередь это, а не потеря какого-то, пусть и не очень дешевого, куска пластика. – Как она? А с мамой ее на самом деле все в порядке?..

Катя торопливо стала рассказывать о случившемся, опуская, разумеется, ненужные подробности, а затем плавно перевела разговор на главное.

– Конечно, конечно, – закивала мама, – непременно побудь с Ирочкой! Если только ее родители не против. Может, мне им позвонить?

– Да зачем, мам? – испугалась Катя. – Для чего их лишний раз беспокоить, у них и так трудный день выдался. И, разумеется, они не против, иначе бы я и не заикалась об этом.

– Ну, хорошо, – подумав, ответила мама. – В самом деле, не стоит их, наверное, тревожить. А вот насчет вашей завтрашней поездки я сомневаюсь. Не думаю, что Ире будет полезна такая нагрузка. И вообще, странная идея, по-моему.

– Нет, Валентина Ивановна, – вышел вперед Катипап и вперился в Катину маму гипнотизирующим взглядом, – идея очень хорошая. Ире полезно будет развеяться, снять последствия стресса. Лес для этого – лучшее средство. А когда рядом друзья – тем более. Я тоже буду с ними, можете не волноваться.

– Да-да, конечно, – опять закивала мама, – лес и друзья – это сейчас самое главное для Ирочки. Ты слышишь, доченька? – посмотрела она на Катю. – Обязательно съездите завтра с Ирой в лес! Вот и Павел с вами поедет, так что все будет хорошо, ничего не бойся.

– А я и не боюсь, – с укоризной глянула Катя на Катипапа, дескать, зачем уж так-то? Совсем из мамы зомби сделали...

– Только плохо, что у тебя нет телефона, – нахмурилась мама, будто бы снова становясь сама собой.

– Я тебе с Иркиного позвоню! – пообещала Катя.

– Непременно позвони. И забеги утром домой, переоденься. Не поедешь же ты в лес в этом!.. – Мама окинула Ирину фигуру подозрительным, как показалось, взглядом, и Катя в ужасе затаила дыхание. Но продолжения не последовало, и она торопливо заговорила:

– Да-да, я обязательно переоденусь! Только я лучше возьму одежду с собой, утром может быть некогда сюда заходить.

И Катя побежала в свою комнату доставать из шкафа старые джинсы и ветровку. Попутно она подумала, что насчет переодевания мама напомнила кстати – неизвестно, что в логове Катипапа найдется приемлемого из девчоночьей одежды. В том старом ужасном платье, которое было на Катерине в момент их знакомства, Кате ходить совсем не хотелось.

Сложив одежду в пакет, она уже открыла дверь комнаты, но, оглянувшись на прощанье – кто знает, удастся ли сюда вообще когда-либо вернуться? – увидела на столе подаренный фотоаппарат и сунула его в пакет тоже.

Глава девятнадцатая, в которой автобус снова отправляется в Мохановку, а девочки и Катипап спорят о логике

На следующее утро снова, как и ровно неделю назад, Катя сидела в автобусе, идущем на Мохановку. Только теперь она отправлялась в путь сознательно, без влияния какого-то там колдовства. Если, конечно, не считать, что она находилась теперь в чужом теле, а сам колдун сидел рядом. Правда, он выглядел сейчас как долговязый, нескладный, слегка растрепанный мальчишка, но уж Катя-то хорошо знала, кто именно скрывается за внешностью безобидного тринадцатилетнего подростка.

Другой мальчишка, на сей раз самый настоящий, сидел прямо перед ними и сосредоточенно смотрел в окно. Перед отправлением Катя еще раз попыталась отговорить Лешку от этой поездки, но парень так посмотрел на нее, что Катя оставила свои попытки. В конце концов, он уже не маленький и сам прекрасно понимает, во что ввязывается. Собственно говоря, уже ввязался, так что... И, говоря откровенно, Катя была рада, что Лешка был сейчас с ней. Катипапу она не то чтобы не доверяла – хотя абсолютного доверия к нему она и впрямь не испытывала, – но чувствовала себя с ним не очень уютно.

Водитель тоже был тем же самым, что и неделю назад. И точно так же после остановки в Лосинке он обвел глазами салон и спросил:

– Все до Мохановки?

Катя не удержалась и обернулась к Катипапу.

– Вот зачем он это спрашивает? – шепотом спросила она.

– Как зачем? – не отрываясь от каких-то своих мыслей, рассеянно переспросил ведьмак. – Чтобы проверить, не перепутал ли кто автобусы.

– Но тогда правильной было бы спросить, не собрался ли кто-то ехать в Красоткино. А так – непонятно, как ему ответить. Я не могу сказать «да», потому что хоть сама и еду в нужную сторону, не знаю того же о других пассажирах. И точно так же никто из них не может ответить на этот вопрос.

– Интересная логика, – оживился вдруг Катипап. – Я бы даже сказал, это логика не первого, а второго, или даже более высокого уровня.

– Это как?

– Ну вот смотри. Если бы водитель спросил, кто едет до Красоткина – это была бы логика первого уровня. На нее бы тот, кто перепутал автобус, четко бы ответил: «Я». Но если бы такового не нашлось, все бы тоже промолчали. А скорее, не стали бы молчать, а наоборот, заволновались: при чем тут Красоткино, если они едут в Мохановку? Для них именно Мохановка – логика первого уровня. Вряд ли водитель делает это осознанно... то есть, вряд ли он рассуждает именно в этих категориях, но подспудно он чувствует это и переходит к логике второго уровня, который для большинства пассажиров является первым. Или, если можно так выразиться, псевдопервым. И все спокойно. Кроме тебя. Потому что ты чувствуешь логические нестыковки острее. Ну и потом, тот, кто вдруг ошибся бы автобусом, тоже бы почувал неладное, сказал бы: «Нет» и вышел. Понятно?

– Не очень, – честно призналась Катя. – А что тогда было бы третьим уровнем? Спросить, кто остается в Лосинке?

– Нет! – обрадованно замотал головой Катипап. – Тут было бы еще интересней! Я даже не вполне представляю, как можно было бы апеллировать к третьему уровню в данном случае, но вот, например...

Катипап вдруг замолчал. И молчал довольно долго. А потом совсем другим, вовсе не радостным, как до этого, тоном произнес:

– Я вот что подумал... Раз у тебя так хорошо развито чувство логики, то так же оно развито и у Екатерины. А раз так, то она бы могла попытаться обмануть Кутияну.

– Обмануть?! Но как?..

– Видишь ли, я говорил, что Кутияна поймет, что ошиблась... То есть, увидит, что выкрала Екатерину, но не в своем теле. А теперь я подумал: а как она это поймет?.. Нет, с телом все более-менее ясно; ваши тела хоть и очень похожи, но все-таки не идентичны. Разные родители, условия формирования и все такое прочее. Тут и без магии, одной наукой все можно вычислить. А вот сознание, ваши с Екатериной души, если хочешь, – они-то являются, как я уже не раз говорил, отражениями одной сути! И выяснить, какая из них кому из вас принадлежит, не так-то просто. Особенно для постороннего, кто ранее вас не знал и с вами не общался.

– То есть, вы хотите сказать, – начала догадываться, к чему ведет Катипап, Катя, – что Катерина могла выдать себя за меня?.. Но зачем? Ведь она понимает, что тогда начнут охотиться за мной! Неужели бы она стала так меня подставлять?

– Вот видишь, – снова развеселился Катипап и даже потер руки, – ты сейчас рассуждаешь по логике первого уровня!

– А как надо?

– Ну... – повел ладонью в воздухе ведьмак, – не то чтобы как-то надо, но уровней-то несколько. Екатерина, как и ты, точно об этом не знает, это, увы, мое упущение в образовательном процессе, но наверняка, как и ты, она это подсознательно чувствует. А даже если и не чувствует, все равно, даже совершенно случайно, могла поймать Кутияну в логическую ловушку. Потому что, как я тоже упоминал, эта ведьма хоть и без совести, но вовсе не без мозгов. И уж она-то хорошо знакома со структурой логики! Теперь ты понимаешь, к чему я веду?

– Нет, – призналась Катя. – Я ничего не понимаю, если честно. Вы не могли бы попонятней объяснить, на примерах?

– Разумеется, мог бы. Вот смотри, допустим, Екатерина призналась, что она – это она. Что подумает Кутияна? Вероятно, в силу своей природной подлости, она решит, что ее обманывают и сделает вывод, что Екатерина прибегла, так сказать, к первому уровню лжи. То есть, раз она сказала, что она – это она, то на самом деле она – это ты. Но, как я сказал, Кутияна – не дура. А раз так, то может предположить, что не дура и ее пленница...

– Она и есть не дура, – не удержалась от замечания Катя.

– Тем более, – потер руки ведьмак. – Тогда что получается? Ага, скажет Кутияна, поскольку она говорит, что она – это она, то она хочет, чтобы я подумала, что она – это вовсе не она, то есть использует уже второй уровень лжи, или, если хочешь, логики, тут эти понятия равноценны. Значит, сделает вывод прохиндейка, она и есть та, кто мне нужен. Теперь понятно?

Катя нерешительно кивнула.

– Но!.. – поднял палец Катипап. – Кутияна могла пойти и дальше, к третьему, так сказать, уровню. И тогда, подумает она, девчонка хочет запудрить мне мозги, говоря, что она – это она, чтобы я, не поверив ей, через второй уровень пришла к выводу, что она – это и на самом деле она, а на самом деле уровень-то уже третий, и она, таким образом, это совершенно не она, а не пойми кто.

– Это я, по вашему, не пойми кто? – насупилась Катя.

– Ну, это я так, образно, – смутился ведьмак, – извини.

– Ладно, – кивнула Катя. – А если Катерина сказала, что она – это я?

– Да то же самое тогда получится! – возликовал Катипап. – Кутияна запутается точно так же! Понимаешь?

– В общем, да, теперь понимаю. Я только не понимаю, что это нам дает? Если Кутияна попала в логическую ловушку, она что, отпустит Катерину?

– Почему? – заморгал ведьмак.

– Ну, не знаю. Исходя из логики. Какого-нибудь еще более высшего порядка. Вроде как: а вот я ее отпущу, чтобы все думали, что я ее не могу просто так отпустить, а если отпустила, то значит не просто так, и вообще неизвестно – отпустила ли на самом деле, или всем это только кажется.

Катипап замер, разинув рот.

– Так его! – подала вдруг голос молчавшая до сих пор Ирина. – А то пудрит тут мозги своей псевдологикой.

– Почему это «псевдо»? – обиженно встрепенулся ведьмак.

– Да потому что она у вас, простите, хромая и вообще глупая.

– Ну, знаете ли...

– А чего тут знать? – усмехнувшись, продолжила Ирка. – Ведь вы сами сказали, что Кутияна точно знает, что тело у Катерины не ее.

– Допустим. И что из этого следует?

– А то и следует, что ей сейчас без разницы, чьи мозги в этом теле, ей, главное, нужно тело найти. И наверняка она сейчас где-то возле него рыщет, а не логические загадки решает, – сказала Ирина и, откровенно передразнивая ведьмака, спросила: – Какой отсюда вывод?

– Нам тоже нужно туда мчаться! – дернулся тот. – Срочно!

– А мы что сейчас делаем?

– Логично, – пробормотал Катипап и вновь погрузился в свои мысли.

Так, молча, они и ехали дальше, думая каждый о своем. Кате было чуточку страшно: что ждет их всех совсем скоро? Как и где они будут искать Катерину, сумеют ли ее спасти? Не получится ли так, что и они тоже станут пленниками Кутияны? О чем-то более плохом она даже запрещала себе думать. А еще Кате очень хотелось поскорей обрести тело – пусть и не свое, но все-таки очень похожее. Да пусть бы и не очень, главное, что она будет в нем одна!

– Я тебе так надоела? – спросила Ирина.

– Дело не в этом, – ответила Катя. – Но мне так хочется побыть снова только собой! Я очень устала, правда. Ведь даже мысли приходится контролировать. Вот и сейчас, я чуть-чуть отвлеклась – а ты тут как тут, все, о чем я думала, услышала. Нет, ты не подумай чего, у меня от тебя секретов нет, но все равно как-то... неуютно. Должно ведь у человека хоть что-то остаться личного! А у меня... у меня ничего теперь своего нет...

Еще чуть-чуть, и Катя бы, наверное, заплакала, но Ира почувствовала ее состояние и поспешила вмешаться:

– Не переживай ты так! Ведь это временно. К тому же, я сейчас точно в таком же положении – и ничего. Мне с тобой даже нравится, всегда поболтать можно. Правда, у меня тело свое, но ты тоже его считай своим, мне не жалко, честное слово!

– Ты хорошая, Ирка, – мысленно улыбнулась Катя. – Настоящая подруга. И ты уж прости, что и тебя тоже в это дело втянули.

– Не ты же!

– Не я. Но все равно как-то...

– Неуютно? – подколола Ирина.

– Можно и так сказать.

Девочки вздохнули и стали смотреть в окно. Кате показалось, что лес вокруг – точно такой же, что и тот, где было логово Катипапа. И впрямь, не успела она об этом подумать, как ведьмак попросил водителя остановить автобус.

Глава двадцатая, в которой происходят неожиданные встречи

Да, лес был именно тот, теперь Катя это хорошо чувствовала. Дремучий, мрачный, наполненный той самой вязкой тишиной, на которую она обратила внимание и в первый раз.

– Зачем?.. – услышала вдруг Катя дрожащий шепот Ирины. – Зачем мы здесь? Сюда не надо... Пойдем скорее отсюда!

Судя по всему, Ира собиралась разрыдаться – так она была напугана. Сначала Катя удивилась: лес, конечно, был жутковатым, но не до такой же степени! А потом она вспомнила объяснения Катипапа о «маскировке». Ну конечно! Она ведь тоже в какой-то мере принадлежала к мистическому миру, поэтому не ощущала ничего особо необычного в этом лесу. А вот для Иры он мог казаться невесть чем, отгалкивая подальше от себя непрошенную гостью.

– Прости, но нам нужно именно сюда, – как можно мягче ответила Катя подруге. – *Спрячься* поглубже. Отдохни пока. Когда будет можно, я тебя позову.

Оставшись одна, Катя поправила висевший за плечами рюкзачок с одеждой, бутербродами, газировкой и фотоаппаратом и устремила след за Катипапом, который быстро зашагал по тропинке, ведущей вглубь лесной чащи. И тут она вспомнила о Лешке.

– Подождите! – крикнула она ведьмаку. – Где Леша?

Катипап остановился и завертел головой. Катя тоже стала торопливо осматриваться. Ей только сейчас пришло в голову, что и для Лешки этот лес представлял собой табу. Но где же он сам?..

– Скорей иди сюда! – взволнованным голосом позвал Катипап. – Он показал длинным тонким пальцем на густые заросли кустарника, протянувшиеся недалеке от дороги, а потом споро двинулся к ним.

Катя побежала туда же. Оказавшись возле кустов, она сначала увидела, как в них блеснуло что-то большое и желтое, но потом услышала судорожные негромкие всхлипы и рванула на эти звуки.

Сначала она наткнулась на валявшееся в черничнике красное пластиковое ведро, которое, помимо рюкзачка с продуктами, пришлось взять Лешке для отвода глаз родителей. А чуть дальше, в кустарнике, с самого его краю, зажмурившись и закрыв ладонями уши, сидел на корточках и сам Лешка. Было видно, что мальчик вот-вот готов зарыдать и сдерживается из последних сил.

– Леша! – подбежала к нему Катя, бережно отняла одну его руку от головы и сжала ее ладонями. – Бедненький... Не бойся, это просто морок, на самом деле ничего страшного нет.

– Я... н-не боюсь... – сквозь зубы процедил Лешка. – Просто я... н-не могу... Меня туда... не пускает...

– Да-да, – закивала Катя, – так и должно быть, для людей этот лес закрыт... Но что же делать? Наверное, тебе придется выйти к дороге и подождать нас там.

– Нет! – подскочил, распахнув испуганные глаза мальчик, но тут же со стоном сжал веки снова.

И тут Катипап опять позвал Катю.

– Подожди чуть-чуть, – сказала она Лешке, – я посмотрю, что там, и вернусь. Посиди пока, не открывай глаза. И помни, что на самом деле тут просто лес.

Она отпустила Лешкину руку и пошла туда, откуда прозвучал голос ведьмака. Катипап стоял с другой стороны кустарника, сосредоточенно что-то разглядывая. Еще не доходя до него, Катя снова увидела сквозь переплетение ветвей желтый металлический блеск. Подойдя ближе, она увидела, что в кустах стоит легковой автомобиль. Катя не разбиралась в моделях, но это явно была иномарка – прилизанная, вытянутая, словно хищник, изготовившийся к прыжку. Машина была желтого цвета, и будто присыпанная сверху мелкими серебристыми блестками.

– Плохо, – пробормотал Катипап. – Очень плохо. Похоже, нас опередили.

– Может, это просто грибники на ней приехали? – сказала Катя, тут же поняв, что сморозила глупость. И задала более здравый вопрос: – А разве вы ничего не чувствуете?

– В том-то и дело, что нет. Абсолютно ничего! Обычная машина. Странно лишь то, что я не чувствую, кто именно на ней приехал. Скорее всего, запах стерли.

– Стерли?.. Значит, это...

– Не знаю, – жестко оборвал Катипап. – Приведи сюда Лешку.

– Он... не может.

– Ах, да! – хлопнул по лбу ведьмак. – Хорошо, я сам.

Он торопливо удалился и вскоре вернулся с растерянно хлопающим глазами мальчиком.

– Леш, ты как? – спросила Катя.

– Теперь хорошо, – неуверенно ответил тот. – И правда, обычный лес...

– Ладно, ладно, – замахал длинными руками Катипап, увидев, что Катя собирается его о чем-то спросить, – я *разрешил* ему видеть. Сразу забыл, но сейчас не это главное. – Он резко повернулся к Лешке и ткнул пальцем в сторону автомобиля: – Ты что-нибудь там видишь?

– Кусты... – внимательно посмотрел в заросли ветвей Лешка. – Вроде бы гриб вон там дальше виднеется.

– Какой гриб?! – словно крыльями, неуклюже взмахнул руками ведьмак. – Ты видишь там машину?

– Машину?.. – удивился Лешка. – Нет там никакой машины.

– Все ясно, – развернулся и торопливо зашагал к тропинке Катипап. – Идемте скорей!

– Погодите! – схватив Лешку за руку, догнала ведьмака Катя. – Но почему он ее не увидел? Вы же *разрешили*.

– Я разрешил видеть это, – повел вокруг длинной рукой Катипап. – А там другое заклятие.

– Но почему тогда оно не сработало против нас?

– Видимо, она очень торопилась. Против нас пришлось бы затратить больше времени.

– Она?!.. Вы имеете в виду...

Катипап коротко кивнул. Он продолжал размеренно, но очень быстро переставлять ноги, словно непрестанно отмеряя на тропе циркулем длинные отрезки. Кате с Лешкой то и дело приходилось переходить на бег, чтобы не отставать от ведьмака.

Внезапно тот остановился, заложил в рот два пальца и оглушительно, со звонкими переливами, свистнул. Через несколько мгновений из чащи вылетел филин и, спланировав, опустился прямо на плечо Катипапу. Ведьмак опять зашагал, поглядывая на птицу так, будто с ней разговаривал. Собственно, так оно и было, потому что, когда филин, беззвучно взмахнув крыльями, сорвался с его плеча и опять улетел в чащу, Катипап обернулся к ребятам и сказал:

– Я выяснил, это была ведьма. Возможно, сама Кутияна, а может – ее помощница. Но с ней были еще двое. Люди. Подростки. Девчонка и парень. Судя по описаниям, Наталья с Иваном.

– Что?! – дуэтом воскликнули Леша и Катя.

– Почему они?! – выкрикнул Лешка.

– Как это могло быть?.. – ахнула Катя.

– Я подозревал... – скрипнул зубами ведьмак, продолжая отмеривать шагами тропинку. – Я чувствовал, что с этой девчонкой что-то не так! Но я не чуял в ней чужого присутствия!..

– Вы думаете, что Наташка?!.. – снова ахнула Катя.

– А чего теперь думать? Теперь и так все ясно. Она шпионила за вами с Екатериной. Каким-то образом Кутияне удалось ее заставить. Впрочем, Кутияна не просто ведьма, она – Высшая! Одна из немногих. Высшие могут куда больше нас, на то они и Высшие. Но ничего!.. Я *запечатал* тело Екатерины личным заклятием. Его, кроме меня, не знает никто. Только если не менее тринадцати Высших соберутся вместе... – Катипап запыхтел, быстрая ходьба стала его утомлять, но скорости он не сбавил. – И место, где я его спрятал, кроме меня не знает никто.

– Разве оно не в логове? – удивилась Катя. Она тоже устала, в боку стало покалывать, но обращать на это внимание было некогда.

– Разумеется, нет! Это было бы слишком опасно. Про логово, все-таки, знаю не только я.

– Вы имеете в виду меня? Но я же никому...

– Не только тебя. Но даже из тебя Кутияна могла вытянуть информацию так, что ты бы и не почувствовала.

– А из вас?

Катипап не ответил, лишь засопел и запыхтел еще громче.

– Пойдите, – подал вдруг голос Лешка, – а Ванька-то тут при чем?

– Ха! – не поворачивая головы, бросил ведьмак. – Наташка втюрилась в этого зазнайку по уши! Вот и таскает за собой.

– Да ну, – замотала головой Катя, – глупости! Не может быть! Она же, вроде как, на вас заглядывалась. В смысле, на «Павла».

– На меня она заглядывалась, потому что так ей приказала Кутияна. Наверняка догадывалась, что я не тот, за кого себя выдаю. А влюблена Наташка в Ивана. Точно. Я *видел*.

Катя вдруг вспомнила про Ирину, которая тоже, судя по всему, была влюблена в Митрофанова. И она сразу подумала, что раз Катипап *разрешил* видеть лес Лешке, то мог бы сделать то же и для Иры. Но подумав еще, она решила оставить все как есть. Все-таки одной, без постороннего присутствия рядом, ей было проще соображать и управлять чужим телом, к которому, кстати, она уже начала привыкать, забывая порой, что на самом деле оно вовсе не ее.

Катипап неожиданно свернул с тропы прямо в чащу и с хрустом сухих ветвей под ногами попер прямо сквозь бурелом. Катя обернулась на Лешку, кивнула ему, и последовала за ведьмаком. Вскоре и Лешка захрустел сзади ветками.

Продираясь сквозь колючие кусты и густые заросли ельника, она исцарапала руки, а один раз спружинившая за ведьмаком ветка хлестнула ей по лицу. Катя чувствовала, что силы ее на исходе, но только лишь подумала об этом, как замер впереди Катипап.

Сначала она никого не увидела, лишь услышала, как ведьмак зловеще просипел:

– Ага! Вот вы где!..

Катя из последних сил ринулась вперед и поравнялась с Катипапом. Она посмотрела вперед, туда же, куда устремил буравяще-ледяной взгляд ведьмак, и увидела Наташку с Иваном. Парень и девочка были одеты так же, как и они сами – в джинсы и походные куртки: бледно-синюю у Натальи и выцветшую ветровку цвета хаки у Митрофанова. В Наташкиной руке была небольшая корзина.

– Зачем вы здесь?! – сердито выкрикнула Катя. – Шпионите за нами? Эх вы, а еще назывались друзьями!..

– Не надо так! – вскинула голову Наташка. Ее щеки были пунцовыми, на глазах заблестели слезы. – Мы ни за кем не шпионили. Тетя Яна... наша знакомая... пригласила нас в лес за грибами. Только зашли, а она куда-то делась. Теперь и мы не знаем, куда идти.

– Не знаете? – прищурился Катипап. – Это хорошо, что не знаете. – Он вдруг стал вычерчивать в воздухе руками сложные пассы и забормотал под нос неразборчивые слова. А потом выкрикнул: – Стоять здесь и не двигаться! – и ринулся дальше в чащу.

Оглядываясь на окаменевших бывших друзей, Катя и Лешка поспешили за ним. К счастью, продираться сквозь бурелом на сей раз пришлось недолго. Вскоре они очутились на небольшой поляне, посреди которой торчал огромный валун. Впрочем, сейчас он не особо «торчал», поскольку лежал на боку, обнажив на том месте, где находился до этого, проплешину свежей земли с широкой, около метра в поперечнике, черной дырой в центре. К этой самой «норе» и бросился сразу же Катипап. Он попытался нырнуть в нее с разбегу, но покатился вдруг по земле, едва не ударившись головой о нависающий над ним камень. Ведьмак позвериному зарычал и повторил попытку. Однако и теперь «нора» не пропустила его. Стоя возле темного отверстия лаза на коленях, Катипап ударил по нему кулаками, но руки отскочили назад, словно черный круг был не дырой в земле, а резиновой перепонкой. Ведьмак громко, жалобно застонал и голыми руками принялся судорожно копать землю рядом с «норой».

Внезапно раздался торжествующий хохот. Он был настолько неожиданным, громким, зловещим, что Катя вздрогнула и попятилась. «Медсестра!..» – непонятно пробормотал Лешка, когда из-за валуна вышла к ним молодая симпатичная женщина. А в паре шагов за ней, словно верные слуги, с непроницаемыми холодными взглядами шествовали... Иван и Наташка! «Медсестра» остановилась напротив Катипапа, по другую сторону обнаженного круга земли. Черты ее миловидного лица начали быстро искажаться; лицо вытянулось, удлинился аккуратный до этого носик, наполнились грязной землистостью большие серые глаза, потемнели и распрямились белокурые локоны... Теперь перед Катей стояла настоящая ведьма – именно такая, какими она их представляла раньше. Даже одета теперь женщина была не в джинсы с ветровкой, как несколькими мгновениями ранее, а в длинное, черное, наглухо, до самого горла, застегнутое блестящими как серебро пуговицами платье.

– Кутияна?... – стал медленно подниматься с колен Катипап. – Где моя дочь?

– Да, Отшельник, это я, – усмехнулась ведьма. – Я очень рада нашей встрече! А твоя дочь... – Она простерла в сторону лаза руки с изящными тонкими пальцами, украшенными

перстнями белого металла с черными ограненными камнями, и забормотала чуждо звучащие фразы.

Из «норы» показалась вдруг черноволосая голова... Катерины. Затем появились плечи, все тело, одетое в знакомое Кате мягкое застиранное платье. Тело медленно поднялось в воздух примерно на полтора метра и, «лежа» на спине, головой вперед, поплыло к вытянутым рукам Кутияны. Ведьмак рванулся за ним, тоже вытянув руки, но тут же замер, будто наткнувшись на невидимую стену.

Катипап опять зарычал, а ведьма, «подвесив» тело Катерины за спинами Натальи с Иваном, снова торжествующе-злобно захохотала.

– Как же я рада видеть тебя таким, Катипап-Отшельник! – сказала она, отсмеявшись. – Я понимаю, что это сцена из дешевых боевиков – произносить речи над побежденными, но поверь, я не смогла удержаться, не захотела лишать себя такого удовольствия. Как видишь, я победила. Твоей жене придется сдаться и уступить мне трон. Если, конечно, она не хочет лишиться дочери. Ведь теперь у меня и ее тело, и ее сущность.

– Нет, не у тебя! – послышался вдруг из-за Катиной спины знакомый до боли мужской голос. А сразу за ним раздался незнакомый женский, суровый и властный: – Сущность не у тебя, воровка!

Катя стремительно обернулась. Первой она увидела... себя. Катерина – конечно же, это была она, – отбросив с глаз челку, радостно ей улыбнулась. Катя собралась ответить, но тут же увидела, что «сестренка» не одна. По левую руку от нее стояла небольшого роста, русоволосая, с приятным лицом женщина, одетая, совсем не по-лесному, в светлый плащ модного покроя. А вот справа... Справа от Катерины стоял... папа!.. Их взгляды встретились. Папа одними глазами улыбнулся ошеломленной Кате и едва заметно подмигнул.

Глава двадцать первая, в которой Катипап становится перед труднейшим выбором

Сначала Катя подумала, что это тоже какой-то морок – возможно, некие шуточки Кутияны, а может, сбой ее собственного сознания; все-таки менять тела и уже вторую неделю соприкасаться внутри себя с посторонними сущностями для него было делом не особо привычным. Проще было думать так, чем поверить в реальность происходящего. Потому что на самом деле всего этого быть попросту не могло. Ну, может, не совсем всего, но то, что тут не могло быть ее папы – не вызывало никаких сомнений. Ее папа был моряком дальнего плавания и находился сейчас в рейсе. И даже если бы он посредством чьего-либо колдовства оказался сейчас здесь, то вел бы себя совсем иначе – не подмигивал бы ей заговорщицки, не смотрел бы столь серьезно, со знанием дела, на происходящее.

Вообще-то, подумала вдруг Катя, для того, чтобы убедиться, грезится ей все это или происходит на самом деле, имеется одно неплохое решение: нужно сделать пару-тройку фотоснимков – впрочем, достаточно и одного, если сфоткать, например, папу, – а потом посмотреть результат. Как убеждал Катипап, электроника не подвержена колдовству – значит, что будет видно на снимках – то и есть на самом деле. Одна проблема: фотоаппарат лежит в рюкзаке за спиной, но даже если она его достанет и станет проводить тут фотосессию, это может не понравиться Кутияне; ведьма наверняка подумает, что она фиксирует события, чтобы предъявить потом эти снимки в качестве доказательства ее преступления. Впрочем, куда она их сможет предъявить, в полицию? Кате, несмотря на ситуацию, стало смешно, когда она представила, как заявится в полицейское отделение со снимками колдующей ведьмы и висящего в воздухе тела и потребует вернуть это тело ее ментальной проекции, а ведьму арестовать за попытку незаконно занять трон. Но тут Катю посетила и другая мысль: эти снимки все-таки могли быть полезными. Ведь в том, мистическом мире, вероятно, тоже есть что-то вроде полиции, где эти снимки и подобные требования уже бы не показались смешными. Но как их сделать? Даже если она попробует с помощью колдовства включить фотоаппарат, не доставая его из рюкзака, все равно через ткань он снимать не сможет... И вот тут-то она вспомнила, что сказала ей мама, когда дарила фотоаппарат! Мама сказала, что этот фотик может не только делать снимки, но и записывать звук! Это уже было что-то. А пожалуй, это

было бы даже лучше, чем снимки: подумаешь, стоит Кутияна и говорит с Катипапом – может, они погоду обсуждают или делятся секретами колдовства. Другое дело – услышать, о чем они говорят! И Катя постаралась включить подарок на запись звука. Очень-очень постаралась! Уверенности в том, что затея удалась, у нее не было, но и утверждать обратного она не могла. Оставалось надеяться на удачу.

Между тем, Кутияна, пытаясь скрыть досаду и злость, как раз и заговорила:

– Кого я вижу! Второй братец пожаловал, Катипап-Стражник! И сама Пелена, что совсем неожиданно! Какая честь для меня!.. – Затем она резко сменила тон, перейдя с игривого ерничанья на жесткие рубленые фразы: – Что ж! Тем лучше. Все на месте. Посредники не нужны. – Ведьма обернулась к Катипапу: – Я хочу сделать тебе деловое предложение. Я верну тебе тело дочери и дам Нерушимую Клятву ничем и никогда не вредить членам твоей семьи. А ты дашь мне Нерушимую Клятву никогда и ничем не вредить мне. Того же ты потребуешь от своей жены, брата и девчонок. А самое главное, ты потребуешь у Пелены, чтобы она отказалась от притязаний на трон Верховной Правительницы.

Катя заметила краем глаза, как вздрогнул Катипап и отчетливо увидела, как побледнела женщина, стоявшая возле Катерины – видимо, та самая Пелена, – и как сжала она руку ее «сестренки». Внезапно до Кати дошло, что эта приятная невысокая женщина и есть претендентка на «престол», а значит, она и есть жена Катипапа и... мама Катерины!.. Это открытие было для нее почти столь же шокирующим, как и появление здесь папы. Кстати, о папе. Все-таки явь это или морок? Если морок, то очень уж нелогичный, а если явь... тогда она вообще ничего не понимает!.. И почему ведьма назвала папу Катипапом-Стражником? Что значит имя Катипап, адресованное ее папе? Хотя... он ведь тоже Катин папа... В смысле, ее папа.

Катя внимательного всмотрелась в хорошо знакомые черты родного лица самого близкого ей после мамы человека. Даже не после, а наравне с ней. Папа ничем не был похож на жилистого, длинного, несуразно нескладного ведьмака. Впрочем... Папа, хоть и не был худым, был с Катипапом почти одного роста. И волосы у него тоже светлые, только не встрепанные, а напротив – аккуратно причесанные. Ну, не совсем аккуратно – сказала, видимо, прогулка по лесу, или где там ему еще пришлось гулять – ведь Катерину он наверняка не в лесу под кустом подобрал! Об этом же говорил и довольно изрядно помятый костюм, хоть и гораздо более новый и модный, нежели у ведьмака. Она перевела взгляд на Катипапа. Нет, сходства между ними, конечно же, не было. Разве только глаза... Одинаково стальные, жесткие, полные решимости к действию и ненависти к стоявшей перед ними ведьме. Неужели они и впрямь были братьями? Пусть не настоящими, в человеческом понимании, а такими же, как она с Катериной? Но тогда почему она ничего об этом не знала? И почему об этом ничего не знала мама?.. Хотя, мама-то как раз наверняка знала. А ей родители ничего не говорили, потому что она еще... была маленькой. Что ж, это похоже на правду... Но тут Катя невольно вздрогнула от внезапно посетившей ее мысли. Так значит, и мама... тоже ведьма?!.. Нет, этого никак не могло быть! Во-первых, она напрямую спрашивала у мамы, умеет ли та колдовать, и мама ответила, что не умеет. Врать бы она ей ни за что не стала, в этом Катя была совершенно уверена. А во-вторых, тогда бы мама была в курсе всех дел – зачем бы ей было притворяться, что она ничего не знает и не понимает, когда неделю назад Катя вернулась домой *не одна*? Значит, папа всё скрывал от мамы? Но что именно «всё»? Знает ли мама, что папа... ведьмак?.. Вопросов у Кати была тьма, они роились в голове тучей больно жалящих ос. Но в том, что ее папа – вторая ипостась Катипапа, теперь она уже почти не сомневалась.

И в это время, в ответ на ультиматум ведьмы, как раз заговорил папа:

– Кутияна! Какие требования ты можешь выдвигать? Ты – преступница. Я, как служитель Верховной Стражи Порядка, пришел тебя арестовать. Немедленно сними заклятие с тела Катерины и выпусти из мальчика Развоплощенную!

Но Кутияна продолжала смотреть на Катипапа. На того, первого...

– Я жду, Отшельник, – нетерпеливо проговорила она. – Неужели так трудно решить, жить твоей дочери в собственном теле или... Ах, да, я же забыла тебе сказать, что будет в случае, если ты мне откажешь. Впрочем, на сей счет предельно точно высказался твой «братец»: в этом

случае я действительно сниму с тела твоей дочери заклятие, а перед этим выпущу на волю Развоплощенную. Ты ведь знаешь, что произойдет потом?

Катипап вздрогнул, и хоть сама Катя ничего не поняла, особенно про Развоплощенную и какого-то мальчика, но ведьмак, похоже, понял все замечательно. И это его откровенно испугало.

– Ты не посмеешь... – неуверенно начал он. Впрочем, голос его тут же окреп, и продолжил Катипап вполне решительно: – Общение, а тем более какие-либо действия с Развоплощенными запрещены законом, ты прекрасно это знаешь. И мой «братец» совершенно правильно сказал: ты – преступница. Не усугубляй своего положения, сдайся. Сними заклятие с тела моей дочери, но не выпускай сразу Развоплощенную.

– Ой-ой-ой! – пропела Кутияна. – Я совершила преступление, какой ужас! Совсем забыла, что нельзя иметь дела с Развоплощенными!.. А то, что это моя вторая сущность, забыл *ты*? Или не знал этого вовсе? Ты вообще хоть знаешь, в ком она сейчас находится? Ты, маг-недоучка?

– В мальчике... – смутившись, пробормотал Катипап. Похоже, он и правда ничего не знал об этой непонятной Развоплощенной.

– Ха! Ха! – презрительно выплюнула ведьма. – А ведь ты, небось, скорее поверил бы, что в девочке. Вот в этой, – мотнула она назад головой, в сторону застывшей столбом Натальи. – Но она в мальчике, – теперь ведьма махнула рукой на Ивана Митрофанова, – вот в этом бывшем двоечнике, мечтающем стать космонавтом. Купить его было очень легко, посулив исполнение мечты. И тебя, старый болван, тоже оказалось так легко развести! Это надо же – полез в драку с мальчишкой! Не стыдно? И ведь даже не подумал, не вспомнил, что как раз в такие моменты теряется контроль над сознанием. Откуда, думаешь, я узнала, где ты спрятал тело и каким заклятием его запечатал?

– Идиот!.. – простонал, хватаясь за голову, ведьмак. – А я-то грешил на девчонку!..

– А девчонка попросту была готова бежать за ним куда угодно и делать все, что он скажет. Безо всякого колдовства. Хотя, для надежности, я ее тоже слегка направляла, куда нужно. – Кутияна усмехнулась, но быстро убрала с лица улыбку. – Ты говоришь, что я не посмею? Еще как посмею! И кто это тут называет меня преступницей? Вы с «братцем» даже не Высшие! А вынести мне приговор может только шабаш. Но где доказательства моей вины? Ваши слова ничего не стоят.

– Я Высшая! – сделала шаг вперед мама Катерины. – Мои – стоят.

– Нет, Пелена, – в притворно-сочувствующем жесте развела руки Кутияна, – и твои не стоят. Ведь я тоже Высшая, и буду утверждать обратное.

– Кутияна, – шагнул вдруг вперед и папа, – пока ты не совершила необратимого, можно я поговорю с дочерью? Всего несколько слов. Личных, не относящихся к делу.

– Не относящихся к делу? – откровенно удивилась ведьма. – Ты считаешь, что сейчас есть время для этого?

– Как раз сейчас время еще и есть. Ведь если ты совершишь задуманное... – Пояснить очевидное папа не стал, сказал лишь: – Видишь ли, у дочки был вчера день рождения, а я ее не смог поздравить.

– Хорошо, – смилостивилась Кутияна. – Три минуты, не больше. Как раз у твоего «братца», – скользнула она взглядом по Катипапу, – будет время подумать над моим предложением.

Ведьма демонстративно отвернулась, продолжая, впрочем, краем глаза наблюдать за присутствующими на поляне.

– Катюша, – посмотрел папа на Катю. – С днем рождения тебя! Извини, что вчера меня не было рядом. Теперь ты сама понимаешь, почему.

– Папа, ты и правда... ведьмак? – не удержалась Катя от лишнего теперь уже вопроса.

– Да, – ответил он. – Прости, что не сказал тебе об этом раньше. Как раз и собирался по возвращении, но... Ладно, об этом поговорим после. Я хотел еще спросить: тебе понравился наш с мамой подарок?

Катя почувствовала, что папа спрашивает об этом неспроста.

– Да, папочка, – сказала она. – Подарок замечательный! Спасибо.

– Мама передала тебе мою просьбу?

– Чтобы я почаще им пользовалась? Что тебе приятно будет об этом *слышать*?

– Именно, – кивнул папа, и по его глазам Катя поняла, что и она папу, и он ее, поняли правильно.

– Конечно, папа. И я об этой просьбе *не забыла*.

– Вот и хорошо, – в папиных глазах читалось понимание и облегчение. – Удачи тебе доченька, счастья и правильного выбора пути! – Папа повернулся к Кутияне: – У меня все.

– Замечательно, – кивнула ведьма. – А теперь узнаем, правильный ли путь выбрал твой «братец». Что ты мне скажешь, Отшельник?

Катипап под ее взглядом едва заметно поежился. Затем бросил полный мольбы взгляд на жену, будто спрашивая у нее совета. Но Пелена застыла мрачным изваянием, на ее лице не читалось совсем никаких эмоций. Тогда ведьмак посмотрел на дочь, но тут же отвел глаза. Катя с болью в сердце понимала, как тяжело сейчас ведьмаку. Ведь предложение Кутияны было таким заманчивым! Оно разом снимало основные проблемы. Подумаешь, не станет мама Катерины Верховной Правительницей! Жили ведь нормально и без этого. Зато с дочерью все будет в полном порядке. Катя хоть и не знала точно, что такое Нерушимая Клятва, но догадывалась, что подобное определение та носила неспроста; скорее всего, нарушить ее было не под силу никому, даже такому беспринципному созданию, как эта отвратительная Кутияна.

Но что будет, если Катипап ответит отказом? Этого Катя не знала, слишком плохо она понимала, что происходит вообще. Кто такая Развоплощенная? То есть, уже вроде бы ясно, что это вторая ипостась Кутияны, но почему ее так называют? Почему она находится в Иване? И почему ее нельзя выпускать в то время, когда будет снято заклятие с тела Катерины?.. И это только основные вопросы! Катипап, конечно, знает гораздо больше нее, но, похоже, и ему не все ясно. Зато, вполне очевидно, ему понятно одно: в случае отказа все будет очень плохо. А скорее, просто ужасно!

Катя заметила, как встретились взгляды ведьмака и папы. Между «братьями» словно шел незримый разговор. Обратила на это внимание и Кутияна.

– Э! – крикнула она. – Прекращайте свои перемигивания! Отшельник, я считаю до трех, и если не получу ответа... – Уточнить ведьма не стала и начала обещанный отсчет: – Раз...

Катипап подобрался, даже будто бы стал ниже ростом. Его глаза напряженно забегали между ведьмой, телом дочери и самой Катериной в Катиной «оболочке». Папа же пристально посмотрел на Катю, словно призывая к чему-то подготовиться. Катя затаила дыхание.

– Два... – произнесла Кутияна.

Катипап стал похож на футбольного вратаря перед одиннадцатиметровым ударом. Папа, напротив, будто готовился пробить пенальти. Остальных Катя не видела, хоть и заметила легкое движение слева, там, где стоял Лешка.

– Три! – «выстрелила» ведьма.

– Нет! – выплюнул Катипап.

– Катя, в себя! – выкрикнул папа.

Катя его поняла. Она уже почувствовала папино *касание*, готовое помочь ее сущности перейти в родное тело, сжала уже в тугий комок свое сознание, готовясь *выбросить* его из Ирины, как вдруг услышала свирепый вопль Кутияны: «Стоять!» и увидела растопыренные пальцы ведьмы, вытянутые в ее сторону. С острых кончиков покрытых блестящим черным лаком ногтей сорвались ярко-лиловые, похожие на ветвистые молнии стрелы. И в тот же миг наперерез им бросился чей-то стремительный силуэт.

Глава двадцать вторая, в которой все происходит очень быстро и на первый взгляд не очень понятно

Дальше все происходило столь быстро, что лишь позднее, очухавшись и придя в себя, Катя смогла более-менее последовательно воссоздать в памяти и осознать те события.

Метнувшимся под лиловые стрелы силуэтом оказался Лешка. Молнии, столкнувшись с телом парня, тут же оплели его подобием светящейся паутины, и Лешка, застыв в позе

стремительного броска, рухнул на землю. «Паутина» мгновенно исчезла, но мальчик так и остался лежать на земле с вытянутыми руками, словно все еще готовыми вцепиться в Кутияну.

Катя, ошеломленная увиденным, почти уже по инерции выскользнула из тела Ирины, и, подхваченная папиным импульсом, в тот же миг перелетела в свое родное тело. Отсюда ей было гораздо лучше видно зависшее в воздухе тело Катерины, к которому теперь была протянута левая рука ведьмы. Правую же та нацелила на Ивана.

– Екатерина! – закричал Катипап. – Как только...

Закончить он не успел. Из пальцев левой руки Кутияны опять вырвались лиловые стрелы молний и тут же опутали тело Катерины, которое, дрогнув, стало падать. Катя почувствовала, как ее голова словно взорвалась изнутри, перед глазами поплыли цветные круги. Она догадалась, что это было последствием выбросившейся из ее сознания сущности ее второй ипостаси. И едва тело Катерины коснулось земли, «сестренка» уже была в нем и быстро вскочила на ноги.

А ведьма в черном платье, не догадываясь еще, что опоздала, «стреляла» уже молниями в Ивана. Митрофанов дернулся, в глазах его застыло недоумение, он завертел головой.

Папа же вместе со своим «двойником» и Пеленой со всех ног мчались к Кутияне. К ней же бросилась и Катерина.

Катя же, все еще частично пребывая в ступоре, замерла на месте. Неподвижными, кроме нее, оставались лишь Ирина и Наталья, причем Ирина так стояла недолго – колени ее вдруг подогнулись, и девочка безжизненным кулем свалилась на землю. Катя, испугавшись за подругу вначале, быстро успокоилась, вспомнив, что она, покидая Ирино тело, так и не разблокировала ее сознание, что было даже к лучшему, ведь ей еще никто *не разрешил* видеть заколдованный лес.

А Кутияна стояла на прежнем месте, даже не пытаясь убежать или готовиться дать нападавшим отпор. Выражение жгучей досады на ее лице сменилось вдруг непонятной сосредоточенностью.

И тут, замахав над головой руками, остановилась и закричала мама Катерины:

– Стойте! Развоплощенная на свободе! Сейчас Кутияна *вберет* ее в себя!..

По отчаянию в голосе Пелены Катя поняла, что это *вбирание* очень и очень нежелательно.

– Что делать? – остановился и папа.

– Надо, чтобы кто-то из нас сознательно впустил ее в себя... Я смогу ее направить!..

Замер, не добежав до ведьмы пары шагов Катипап, затормозила, едва не упав, Катерина, оторопел папа.

– Но ведь потом... – выдавил он.

– А что делать?! – Голос Пелены звучал на грани истерики. – Времени нет! Кто?!..

– Я! – рванулась вдруг к центру поляны Наташка. Она больше не казалась каменной. Но и прежнюю розовощекую «булочку» она больше не напоминала. Лицо девочки побледнело, а в глазах творилось черт-те что; Катя сумела увидеть там и стыд, и отчаяние, и непривычную для подруги злобу и странную, граничащую с безумием решимость.

– Да ты хоть знаешь, на что идешь?! – закричал Наташке папа.

– Знаю! – выкрикнула в ответ девочка. – Я готова!

– А-а!.. – в отчаянье вскинула руки Пелена. – Поздно думать, направляю!..

Она резко взмахнула ладонями, будто стряхивая с них воду. Кате показалось, что воздух буквально в полуметре от Кутияны на мгновение взвихрился туманным сгустком и метнулся в Наташкину сторону.

Мама Катерины устало и обреченно уронила руки.

– Все, – тусклым голосом проговорила она. – Развоплощенная в ней. Держите ее.

– В ком? – метнулся было к Кутияне, но остановился и посмотрел на Пелену папа.

– В девочке! Хватайте ее скорей! – закричала Пелена и бросилась вслед за рванувшейся к лесу Наташкой.

На какое-то время над поляной воцарилась суeta и неразбериха. Катипап, тоже поначалу дернувшийся к ведьме в черном платье, теперь отскочил от нее и налетел на Катерину. «Сестренка», не удержавшись на ногах, покатила по земле. Бросившиеся поднимать ее ведьмак и папа со звучным стуком столкнулись лбами и рухнули на колени. Видя, что от

помощников мало толку, Пелена сама ринулась за беглянкой, но запуталась в полах длинного плаща и тоже упала.

На весь лес, как показалось Кате, захохотала Кутияна. И лишь тогда обалдевшая от странного «бесплатного цирка» Катя поняла, в чем причина всех этих нелепых падений. Точнее, в ком. Ведьма-преступница давала возможность сбежать своей развоплощенной ипостаси!

«Ну нет, – подумала Катя, – фигушки! Плевать мне на твою «сестрицу», но с ней ведь еще и моя подруга!» И Катя, наслаждаясь знакомыми реакциями родного тела, по которому она успела очень соскучиться, со всех ног бросилась в погоню за Наташкой.

Но ее опередили. Иван Митрофанов, стоявший до этого с недоуменно-побитым видом, рванулся вдруг, словно спринтер, наперерез бывшей «напарнице», в несколько прыжков настиг ее, врезался ей в бок, отбросив сразу метра на три, и всем телом навалился на жертву, вдавив ту в мягкий, податливый мох.

– Я поймал! Я поймал! – заорал он, вскинув голову, по которой вовсю уже молотили Наташкины кулачки. Или чьими там они были сейчас на самом деле...

Катя и Пелена подбежали к борющейся парочке одновременно.

– Встать! – жутким стальным голосом приказала Пелена, и Наташка сразу прекратила дергаться, а потом, столкнув с себя притихшего Ивана, медленно поднялась на ноги.

Мама Катерины ничего больше не говорила, но, похоже, каким-то доступным ей образом сумела взять под контроль Развоплощенную. А может, та и сама уже поняла, что сопротивление бесполезно. Во всяком случае, Наташка, кем бы она сейчас ни была, покорно зашагала назад, к центру поляны с лежавшим возле черного отверстия «норы» валуном. Пелена, словно конвоир, пошла следом.

Катя же наклонилась к Ивану и протянула ему руку:

– Вставай!

– Я не виноват, – опустил голову мальчик. – Я не знал... Я думал, что...

– Никто тебя пока ни в чем и не винит, – сказала Катя, продолжая тянуть к однокласснику ладонь. – Вставай. Потом будем во всем разбираться.

Митрофанов издал звук, очень похожий на всхлипывание, и поднялся с земли, так и не воспользовавшись Катиной помощью.

Когда же Катя с Иваном вернулись к валуну, там уже было двое «арестованных». По бокам от Кутияны, держа ведьму за локти, неприступными столбами вросли в землю оба Катипапа, а возле Наташки, устремив на ту пронизывающие взгляды, стояли мать с дочерью.

А потом неожиданности продолжились. Катя увидела вдруг, как сверху, из-за крон деревьев, окруживших поляну, вынырнули четыре больших, словно огромные бочки, цилиндра и беззвучно опустились возле вывороченного камня. Из каждого вышли по два рослых, плечистых, похожих на Терминатора мужчины. Их мускулистые тела облегали одинаковые черные, как на цирковых гимнастах, костюмы. Мужчины выстроились шеренгой, выжидающе глядя почему-то на папу.

– Это кто? – подойдя к нему, шепотом спросила Катя.

– Мои стражники, – сказал папа.

– То есть, ты не просто стражник, ты командир стражников? – разинула рот Катя.

– Стражник – мое имя *там*, – мотнул куда-то в сторону подбородком папа. – Катипап-Стражник. А вообще – да, можно сказать, что я командир стражников. Не самый главный, правда.

– Но почему тогда ты не привел их сразу?!..

– Я сразу привел. С ними мы и освободили Екатерину. Но вести такую толпу сюда я остерегся – Кутияна могла бы невесть что выкинуть.

– Но ведь она и так чуть не выкинула! – вырвалось у Кати, и она заметила, как злобно ухмыльнулась при этих словах ведьма.

– «Чуть» не считается, – одернул Кутияну папа и крикнул стражникам: – Грузите этих двоих! Глаз не спускайте, руки фиксируйте, говорить не давайте.

Стражники синхронно тронулись с места.

– Папа! – воскликнула Катя. – Погоди! А как же Наташа?

Папа нахмурился. Но сказать ничего не успел, его опередила мама Катерины:

– Видишь ли, девочка, Развоплощенную нужно доставить в Германию, а вне тела это невозможно. После того, как шабаш тринадцати Высших решит, что с ней делать, ее, конечно, *извлекут*, и твоя подруга вернется домой.

– Но это ведь будет не сегодня?

– Конечно, нет. Высших еще нужно будет собрать.

– И Наташка должна будет все время находиться с этой... Развоплощенной?!.. И потом, как же Наташины родители? Что мы им скажем, когда вернемся?

Пелена призадумалась.

– Да, – помотала она головой. – Придется много кого *обрабатывать*... Надо подумать.

– Постойте, – пришла Кате в голову мысль, – а Наташу из ее тела вы *извлечь* можете?

– Конечно, могу, – удивленно посмотрела на нее Пелена. – Но что это даст? Куда я ее помещу?

– В меня! – догадалась, о чем подумала Катя, «сестренка».

Глава двадцать третья, в которой отражают и выдвигают обвинения, выясняют отношения, обижаются, мирятся, а некоторые даже целуются

Если для самой Кати догадка «сестренки» была очевидной, на родителей Катерины ее высказывание произвело неоднозначное впечатление.

– Что?.. – глядя на дочь, растерянно заморгала Пелена.

– Все очень просто, – сказала Катерина. – Мы пока побудем с Наташкой в моем теле. Когда необходимо, она и будет им управлять, а уж внешний морок я навести сумею, никто ее от настоящей не отличит, даже родная мама.

– Вообще-то, Лена, в этом есть резон, – подал голос Катипап. А потом с умилением глянул на Катерину: – Умница, доченька!..

– А с тобой я, дорогой папочка, разговаривать не желаю, – с гордым вызовом отвернулась от него Катерина.

– Постой... – заморгал теперь Катипап. – Ты что, обиделась, что я не согласился на условие Кутияны? Что я рисковал тобой?.. Но поверь, если бы она стала Верховной, началось бы такое, что нам все равно бы не удалось жить спокойно. И не только нам – всем! И мистикам, и людям.

– Ты что, меня за дурочку держишь? – вновь посмотрела на отца Катерина, и в глазах ее Катя увидела слезы. – Здесь-то ты как раз поступил правильно, я даже горжусь тобой за это... Но как ты мог обмануть меня, отправляя к Кате?! «Перевоспитание! Перевоспитание!» – гнусая, передразнила она Катипапа. – Почему не сказал правду?!

– Ну... Это ведь тоже была правда... – пробормотал, опустив голову, Катипап-Отшельник. – Частично. Ведь ты и на самом деле... ну, того...

– Это ты «того», папочка! – всхлинула Катерина и снова от него отвернулась.

– Ну, вот как это так?.. – растерянно посмотрел на Катю Катипап, словно ища у нее поддержки.

– Ништяк! – мстительно ухмыльнулась в ответ Катя. – Мы клево перевоспитались.

– И ты тоже... – вздохнул Отшельник.

– Катя, не надо так, – сказал вдруг папа. – Мы вместе принимали это решение.

– Что?!.. – задохнулась от возмущения Катя. – Значит, и ты в меня... в нас не верил?

– Дело не в этом, – поморщился папа. – Но ты подумай, как бы вы, особенно ты, восприняли всю правду? Ведь ты и так, небось...

– Что «и так», папа? – перебила его Катя. – Что? Неужели ты не понимаешь, что всего этого безобразия, – повела она вокруг руками, – могло и не быть, скажи вы нам сразу всю правду? Для начала ты должен был рассказать мне всю правду о себе, а потом вы вместе с папой Катерины должны были рассказать всю правду нам обеим! Тогда бы и вели мы себя соответственно – тише воды, ниже травы, никому бы о себе не болтали, никаких фокусов и чудес не творили. Ведь ты же сам всегда учил меня говорить только правду! И я тебя

слушалась. А оказывается, вы сами... Это вас надо перевоспитывать, а не нас! Эх, вы!.. – махнула она рукой и неожиданно для себя сказала в рифму: – Ведьмаки, а дураки.

Теперь опустил голову и папа.

– Ну... Прости нас. Да, сглупили мы, конечно. И насчет правды тоже... Но все-таки, бывают ведь в жизни моменты...

– ...когда можно соврать? – прищурилась Катя.

Папа вновь опустил голову.

– Ладно, – вмешалась в разговор Пелена. – Дали они, конечно промашку, ваши папы-Катипапы. Но все равно, не судите их строго, девочки, ладно? Они же вас любят. Очень-очень любят! А любовь – такая штука, из-за которой порой невольно совершают ошибки. Поверьте мне.

Катя сразу почему-то вспомнила о Наташке с Иваном и подумала, что мама Катерины, пожалуй, права.

– Ну, доченька, ты готова? – вновь стала строгой и собранной Пелена. – Тогда принимай гостью.

Увидев, как дернулось Наташкино тело, Катя поняла, что сущность подруги переместилась к «сестренке».

– Теперь уводите! – вновь отдал распоряжение стражникам папа.

– Постой, – нахмурилась Пелена. – Что-то мне не нравится, что Кутияна такая спокойная. Не ровен час, мы чего-то не учли, и в ее арсенале припрятан для нас еще какой-нибудь сюрприз. Так, Кутияна? Лучше выкладывай все сразу, не усугубляй свое положение. Оно и без того аховое.

– Ничего я не прятала, – и впрямь очень спокойно ответила ведьма в черном. – А спокойна я потому, что ни в чем не виновата. Мне бояться нечего. На шабаше меня выслушают и отпустят. А вот с вас еще спросят, за что вы меня скрутили. Ну, а тебя, дорогая претендентка на трон, и вовсе могут осудить. Так что сидеть на этом троне все равно, скорее всего, мне.

Над поляной, что называется, повисла немая сцена. У Кати от изумления и вовсе открылся рот. Впрочем, не у нее одной.

– Это за что же меня осудят? – первой нарушила молчание Пелена. – И почему это вдруг тебя отпустят?

– Да потому что я ничего предосудительного не делала. Шла себе по лесу, грибы собирала. И вдруг – налетели, скрутили, потащили!.. Да еще и липовые доказательства состряпали.

– Что за бред?.. – еще сильнее насупилась Катерина мама. – Тебя не ушибли, случайно, при задержании?

– Конечно, ушибли! – обрадовалась Кутияна. – На локтях синяки точно останутся, будет что предъявить шабашу в доказательство. А вот как ты им объяснишь свои незаконные действия с Развоплощенной? Преступница – ты, Пелена, а не я. Именно ты поместила Развоплощенную в чужое тело. Причем, в человеческое! Да еще в тело ребенка. Как бы тебя саму за это не развоплотили, дорогуша.

– Но у нее есть свидетели! – не выдержала такой наглости Катя.

– Свидетели? – деланно удивилась Кутияна. – Кто? Муж, дочь, «братец» мужа, его дочь? Как это у вас, людей, называется – кумовщина? Такие свидетели не годятся, моя милая. Это, как пишут в ваших судебных протоколах, заинтересованные лица.

– А Наташа, а Ваня, а Леша, а Ира?.. – стала перечислять Катя и вдруг осеклась. – Кстати, а как же Лешка с Ирой?..

– Это *люди*, – презрительно скривила губы Кутияна. – Для шабаша они не свидетели.

Папа передал локоть ведьмы в руки одного из охранников и, обняв Катю за плечи, повел ее в сторону.

– Где фотоаппарат? – зашептал он. – Настоящие доказательства там!

– Папа, погоди ты со своими доказательствами! – высвободилась Катя. – Меня больше волнует, что будет с Ирой и Лешкой!

– Да ничего с ними не будет, – подошел папа к лежащей на земле Ирине и присел возле нее. – Фотоаппарат у нее в рюкзаке?

– Папа! – возмущенно воскликнула Катя. – Я скоро в тебе вообще разочаруюсь!

– Ну, извини, извини, – смущенно пробормотал папа. – Просто, понимаешь, это очень важно.

– Важнее жизни каких-то там *людей*? Чем же ты лучше... Кутияны?

Катины губы задрожали. Она не выдержала и разрыдалась. Папа подошел к ней, обнял и молча прижал к себе.

– Молодец, – тихо сказал он, когда Катины рыдания перешли во всхлипывания. – Все-таки мы с мамой неплохо тебя воспитали. Перевоспитывать не нужно.

Он отстранил Катю и вновь присел к Ирине. Провел над ее головой руками, что-то неразборчиво прошептал. Девочка шевельнулась и села. В глазах ее сквозило недоумение.

– Ой, Константин Константинович! – заморгала она. – Здравствуйте. А вы здесь откуда?

– Потом, Ира, потом, – торопливо проговорил папа. – Сними, пожалуйста, рюкзак.

– Папа, ты опять? – топнула Катя. – А Лешка?

– Ну, хорошо, хорошо, – сдаваясь, поднял руки папа, поднялся сам и зашагал к лежащему поодаль мальчику. Присел над ним, стал проводить те же манипуляции, что недавно над Ирой, но внезапно нахмурился и резко поднялся.

– Что ты с ним сделала? – хмуро посмотрел он на задержанную ведьму.

– Поклеп, – коротко бросила та и отвернулась.

– Дай-ка я посмотрю, – подошла к Лешке мама Катерины. Присела, наклонила к парню голову, будто к чему-то прислушиваясь, потом коротко кивнула и встала. – Я поняла, что это, но я не могу снять это заклятие. Она, впрочем, тоже, – мотнула она головой в сторону Кутияны.

– А кто? Кто может? – испугалась Катя.

– Видишь ли, девочка, – подошла к ней и положила на плечо руку Пелена, – есть такие заклятия, которые могут быть сняты только при выполнении некоторых условий. Помнишь сказку про мертвую царевну?

– Которую должен был поцеловать принц? – удивилась Катя. – Конечно, помню.

– Так вот, сказки не всегда врут. Собственно, многие из них были сочинены, когда люди и мистики жили еще вместе... Короче говоря, на Леше как раз такое заклятие. Он снова проснется, когда его поцелует влюбленный в него человек. Жестоко же Кутияна собиралась над тобой пошутить!

– Почему надо мной? – воскликнула Катя. – Ведь это же Лешка... – И тут она вспомнила, кому изначально были адресованы лиловые молнии. И с ужасом подумала, что если бы не Лешка, она бы осталась «спящей» навечно, ведь в нее никто еще влюблен не был, а в образе неподвижной каменной чурки в нее бы никто никогда не влюбился и подавно. Но как же быть с Лешкой?

Внезапно, словно услышав ее вопрос, к ним подбежала Катерина.

– Леша! – ахнула она и упала перед мальчиком на колени. Из глаз ведьмочки градом покатались слезы.

– Кать, – с надеждой тронула ее за плечо Катя. – Признайся честно, ты влюблена в Лешку?

– Тебе-то что? – отмахнулась, вытирая другой рукой слезы, Катерины. – Видишь, что с ним! Что теперь делать?

– Твоя мама говорит, что с ним опять все будет в порядке, если его поцелует тот, кто в него влюблен, – сказала Катя. И добавила: – Между прочим, за тобой должок. Давай, рассчитывайся!

– Мам, правда? – посмотрела на Пелену Катерина.

Та молча кивнула.

– Отвернитесь, – проворчала Катерина и склонилась над Лешкиным лицом. А уже в следующий миг тот сладко, будто после крепкого сна, потягивался. Но, увидев сразу двух Кать, резво вскочил на ноги.

– Все хорошо? – спросил он. – Все получилось?..

– Все ништяк, – буркнула Катерина и тоже поднялась. – Хоть бы спасибо сказал!..

– За что? – недоуменно захлопал ресницами Лешка.

Катя прыснула в кулак, но папа уже тянул ее за локоть к Ирине.

– Теперь ты мне дашь наконец фотоаппарат?

– Теперь дам. Но я не уверена, что там что-нибудь получилось.

Однако все получилось как надо. Едва папа достал аппарат из футляра и нажал нужные кнопки, над поляной негромко, но отчетливо раздался голос Кутияны: «Кого я вижу! Второй братец пожаловал, Катипап-Стражник! И сама Пелена, что совсем неожиданно! Какая честь для меня!..»

Кутияна, услышав это, дернулась так, будто в нее выстрелили, завывала на весь лес раненой волчицей и бессильно повисла в руках стражников.

Глава двадцать четвертая, в которой кто-то улетает, а кто-то остается

Стражники с пленницами скрылись в летающих цилиндрах. Катя дрогнувшим голосом спросила у папы:

– Ты тоже с ними?..

– Мне надо, – потупился папа. – Я бы очень хотел хоть денек побыть с тобой и с мамой, но видишь сама, какое дело. Когда все закончится, я обязательно приеду.

– И когда это будет?

– Не знаю, – развел папа руками. – Не хочу опять тебя обманывать. Думаю, теперь уже после избрания Правительницы, – глянул он мельком на Катерину маму.

А та вдруг сказала:

– Я думаю, ничего страшного не случится, если на пару дней ты заскочишь домой. Отшельник пока тебя заменит, все равно шабаш вряд ли соберут раньше, чем через пять-шесть дней. Думаю, ты вполне заслужил небольшой отпуск.

– Но Верховный Правитель...

– Правителя я беру на себя, об этом не беспокойся. Но утром в среду ты должен быть на месте. Договорились?

– Разумеется! – расцвел папа и обнял Катю за плечи.

Ее тоже захлестнула волна радости: целых два дня, даже два с половиной, учитывая сегодняшний вечер, папа будет дома! Еще утром она не могла об этом и мечтать. Правда, утром она даже не подозревала, кто на самом деле ее папа. Она прижала ладони к папиной руке, ощущая себя необычайно счастливой.

– Отдай пока Отшельнику доказательство, – кивнула Пелена на фотоаппарат в папиной руке.

Папа вынул из футляра фотик, открыл в нем маленькую крышечку и достал оттуда карту памяти.

– Этого будет достаточно, – сказал он, протягивая крохотный прямоугольник «братцу». – Там будет на чем это прослушать. Все-таки, фотоаппарат – Катин подарок.

– Разумеется. – Катипап взял карточку и убрал ее в карман пиджака. Затем обернулся к дочери: – Не сердись на меня, Екатерина, ладно? Да, кое в чем я был не прав, но ведь на ошибках учатся. Даже в моем возрасте нужно в чем-то себя перевоспитывать. Кстати, твое перевоспитание, как мне кажется, даже всего за неделю дало ощутимый результат. Так что... – Не найдя больше слов, он лишь развел руками.

– Ладно, пап, я не сержусь, – подошла и уткнулась ему носом в живот Катерина. – Только не считай меня больше маленькой, ладно?

– Какая уж ты теперь маленькая, – погладил ведьмак ее черные волосы.

Потом Катерину обняла Пелена.

– Ты молодец, доченька. Я горжусь тобой. И ты на самом деле выросла. Думаю, на следующий год я уже смогу забрать тебя к себе.

– А Катю? – подняла голову и посмотрела на маму ведьмочка.

– Катю?.. – Казалось, Пелена на миг растерялась, но быстро взяла себя в руки. – Если ее папа и мама сочтут это возможным, то почему бы и нет?

У Кати екнуло сердце. То, что она сейчас услышала, было таким неожиданным, и в то же время столь заманчивым... Учиться в Германии на ведьму – да еще неделю назад она бы каталась от смеха, скажи ей кто что-либо подобное!

Катя посмотрела на папу. Он тоже казался слегка ошарашенным, но Катя была почти уверена, что папа против не будет. А вот мама... Катя ведь даже не знала, была ли та в курсе, что ее муж – ведьмак. А тут еще и дочь того же племени окажется. Не слишком ли сильным ударом станет это для мамы?

Спрашивать у папы насчет мамы было сейчас неудобно, но Катя решила сделать это при первом же возможном случае, обязательно до того, как они вернутся домой. Нужно ведь было знать, как вести себя с мамой дальше. И как было бы замечательно, если бы больше не надо было врать!

– Пойдем, – позвала мужа Пелена. – Пора.

Помахав остающимся, родители Катерины вошли в один из цилиндров, и все четыре сразу же бесшумно взвились над поляной, а потом, быстро набирая высоту, скрылись из виду. «Так вот откуда в сказках у Бабы-Яги появилась ступа», – подумала при этом Катя.

– А мы как поедem домой? – спросила она у папы. – Будем ловить попутку? Но нас ведь шестеро, в легковую машину мы все не поместимся.

– Там, возле дороги, есть машина, – сказал угрюмо молчавший до этого Иван Митрофанов. – Мы на ней... с этой... сюда приехали.

– А ведь и правда, – вспомнила о желтом автомобиле Кутияны Катя. – Только ведь на ней заклятие...

– Разберемся, – деловито сказал папа. – Его всего одна ведьма накладывала, а у меня их – целых две. – Он сграбастал Катю и Катерину и ласково прижал к себе.

Больше им здесь делать было нечего, да и домой Кате уже очень-очень сильно хотелось. Она подумала, что Катерине, возможно, тоже сейчас хочется домой, ведь ее логово было совсем недалеко отсюда. А может, напротив, оно ей так осточертело, что тоже хотелось поскорей сбежать из этого леса. В любом случае, спрашивать об этом сейчас у «сестренки» Катя не собиралась. Она лишь достала из Ириного рюкзачка пакет с джинсами и ветровкой и протянула его Катерине:

– Переоденься.

Та, не сказав ни слова, приняла пакет и скрылась по другую сторону валуна.

– А что здесь было? – спросила Ирина. – Похоже, я пропустила все самое интересное.

– Да и я, кажется, основное проспал, – вздохнул Лешка. – Может, нам кто-нибудь расскажет?

– Ну, я могу... – неуверенно сказала Катя и посмотрела на папу.

Тот досадливо поморщился:

– Вообще-то, ребята, если говорить откровенно, мне бы следовало вообще стереть из вашей памяти все, что касается этих событий.

– Как стереть?.. – нахмурилась Ира.

– Нет! – одновременно с ней выкрикнул Лешка.

– Я сказал: «Следовало бы», – подчеркнул папа. – Но, с учетом ваших заслуг, это было бы не совсем честно. Будь вам по шестнадцать лет, мне бы пришлось это сделать волей-неволей, таков закон мистического мира, а сейчас я вправе поступать по своему усмотрению.

– Папа, но ведь твое усмотрение, я надеюсь, правильное? – строго посмотрела на папу Катя.

– Насчет правильности сомневаюсь, но стирать ребятам память я не буду.

Ирка и Лешка с облегчением выдохнули.

– Так я расскажу им? – опять посмотрела на папу Катя.

– Рассказывать долго, – сказал он. – Я им лучше *покажу*. Подойдите ко мне, – позвал он Иру и Лешу, а когда те приблизились, положил им ладони на головы и велел закрыть глаза.

Через пару минут папа опустил руки, а Ирина и Лешка, молчаливые и задумчивые, не глядя ни на кого, отошли от него в разные стороны.

Назад сначала тоже все шли молча, а потом, словно его прорвало, заговорил Иван:

– Вы меня теперь, наверное, презираете... Да, конечно, я понимаю... Но только я не виноват, правда! Не совсем виноват... Я ведь мечтаю... мечтал... вы же знаете... Я очень хотел стать космонавтом. Но вы ведь помните, как у меня раньше было с учебой... А тут эта! В прошлом году... Я ведь не знал, кто она такая. Сначала не знал... Она говорит: хочешь стать отличником? Хочешь поступить после школы, куда тебе только вздумается? Я, конечно, хотел. Тогда она и попросила спрятать во мне это... эту... Я как-то сразу во все поверил. Наверное, она меня околдовала, эта Кутияна... А может, мне просто стало интересно. Конечно, стало! Кому бы такое было неинтересным? И ведь она ничего плохого мне не велела делать, просто носить в себе... эту. Развоплощенную. Мол, ты ничего и чувствовать не будешь, кроме того, что у тебя ума прибавится. Я и правда ничего особенного не чувствовал, только учеба для меня вдруг стала такой легкой и интересной!.. А Кутияна потом опять со мной встретилась. Нравится, спрашивает, или вернуть все, как было? Я испугался очень. Как, говорю, вернуть? Не надо возвращать! А она мне тогда говорит: ну, в таком случае, еще мне чуть-чуть помоги, подружись с Наташей Лебедевой и подготовь ее осторожненько к тому, что ты со мной знаком, с настоящей ведьмой, которая добрые дела совершает и которой ты в этом помогаешь. Чтобы, в общем, и Наташа захотела ей помогать. Я так и сделал, как она сказала. Я ведь и правда думал, что она добрые дела творит, мне же она помогла!.. Вот и все. Больше я ее до сегодняшнего дня и не видел.

– То есть, ты хочешь сказать, что шпионил за нами просто так, по собственному желанию? – не глядя на Ваню, буркнула Катя.

– Я не шпионил! – воскликнул Иван, но тут же снова поник и сказал уже тише: – То есть, я не знаю, что делал... В последнее время я кое-что стал плохо помнить. Или помнил что-то так, словно это было во сне.

– Развоплощенные, – вступил в разговор папа, – если впустить в себя их сущность, ведут себя так, что их присутствие почти не заметно. Они как бы вплетаются в твое собственное «я», дополняя, но не замещая его. И носителю кажется, что это действует, думает, принимает решения он сам, а на самом деле, зачастую, это действия Развоплощенного. Даже не совсем действия, а как бы подталкивания работы твоего сознания в нужном направлении. А вот если оно, куда надо не подталкивается, Развоплощенный на какое-то время берет управление на себя, тогда-то и получается потом, что носитель плохо эти события помнит, словно это происходило во сне, или не помнит их совсем. Хорошо еще, что Развоплощенные не могут колдовать!

– А кто они такие, эти развоплощенные? – заговорил теперь и Лешка Безбородов. Прибавила шаг и немного отставшая Ира, ей тоже стало интересно.

– Развоплощенные – это наказанные мистики, – сказал папа. – Преступники, нарушившие закон. Совершившие такое преступление, за которое полагается, что называется, высшая мера. Но просто казнить мистика бесполезно, после смерти он перейдет в высший мир, только и всего. Это все равно, как если бы человеческих убийц и насильников приговаривали к пожизненному отдыху на Канарах. Поэтому уже много веков, и даже не одно тысячелетие, таких мистиков приговаривают к развоплощению. Проводить его могут лишь тринадцать Высших. В результате этой... процедуры тело преступника безвозвратно уничтожается, а его сущность лишается возможности колдовать, общаться с кем бы то ни было, для всех она словно перестает существовать. И обрести новое тело оно тоже как бы не может... Так, во всяком случае, изначально задумывалось. Но, как сказал бы программист, в системе все-таки оказались две небольшие прорехи. Во-первых, Развоплощенных могут видеть и общаться с ними их ментальные проекции, если таковые у тех имеются. А во-вторых, тело при некоторых обстоятельствах они тоже могут получить. Двумя способами. Один из них – подселение к кому-нибудь, но это возможно лишь, если «хозяин» тела даст на то свое согласие. А поскольку Развоплощенных никто, кроме их проекций, видеть и слышать не может, то нужно, чтобы такого «альтруиста» эта родственная проекция и нашла, что само по себе также является преступлением, поэтому шанс получить таким образом тело у Развоплощенных почти нулевой.

– Ага, – буркнул Ваня, – если бы!..

– Да... – смущенно хмыкнул папа, – тебе и впрямь «повезло». Миллион в лотерею выиграть куда вероятней. Но я хочу еще сказать про второй непредусмотренный вариант

получения тела Развоплощенным. Причем, такой, когда преступник становится полноправным и единственным владельцем этого тела.

– Когда тело бесхозное, как было у Катерины? – догадалась Катя.

– Именно, – кивнул папа. – Но это должно быть не мертвое тело, а именно, как ты выразилась, бесхозное. А такие тела, как вы догадываетесь, на дороге и вовсе не валяются, так что эту возможность даже не стали принимать во внимание.

– Такие тела в лесу валяются, под булыжниками, – проворчала Катерина.

– Тебе еще больше «повезло», – улыбнулся папа. – Ты, считай, даже не миллион, а целый миллиард выиграла.

– Переведите его на мой счет, – продолжала ворчать Катерина.

– А как теперь эту Развоплощенную из Наташиного тела достать? – спросила Катя. – Это вообще хоть возможно?

– В принципе, да. Но это смогут сделать, опять же, лишь тринадцать Высших мистиков вместе.

– А сколько их вообще, этих Высших?

– Немного. Порядка двадцати.

– Всего? На всей Земле?..

– Ну, да. Поэтому, чтобы собрать тринадцать, понадобится какое-то время. Потому-то меня и отпустили пока с вами.

– А как эти Высшие уничтожают тела тех, кого развоплощают? – заинтересовалась вдруг Ирина.

– Внешне это выглядит как сожжение, – пояснил папа, – хотя на самом деле это совсем иной процесс. Практически, тела рассеиваются на атомы. Кстати, внешняя похожесть на сгорание тела в огне как раз и привела к тому, что в средние века так называемых ведьм люди сжигали на кострах – дошли предания с тех давних пор, когда мистики и люди жили вместе. Но суть процесса уже не понимали, осталась лишь внешняя сторона, вот и...

– А чего это у нас Наталья молчит, интересно? – спросила вдруг Ирина. – Выпусти-ка ее на минутку, Катерина, пусть она нам расскажет, каково быть предательницей и шпионкой. Вот бы кого точно развоплотить надо, зря ее вытащили, на шабаш не отправили!

Катерина вдруг словно споткнулась. Резко развернулась и поперла на Ирку, закатывая рукава ветровки.

– Эй! Ты чего? – попяtilась Ирина. – Ты сейчас кто: Катюха или Наташка?

– Я сейчас обе, – процедила ведьмочка. – И я тебе сейчас от обеих...

К счастью, папа успел схватить Катерину за плечи, когда та уже занесла кулак для удара.

– Не надо, – мягко сказал он. – Успокойся, пожалуйста.

– А чего она? – злобно мотнула на Иру головой Катерина. – Ничего не понимает, а треплется! Сама провалялась на травке, а Наташка вообще главным героем себя показала. Если бы не она, неизвестно, что бы сейчас было.

– Но ведь сначала она и в самом деле... – пробормотала Ирина.

– Что «сначала»? Что «в самом деле»? – дернулась опять Катерина, но папа продолжал держать ее плечи. – Ты была на ее месте? Ты знаешь, что и как было?

– Ты, что ли, была? – огрызнулась Ирка, но увидела вдруг что-то в глазах ведьмочки и потупилась: – Прости, я забыла, что ты сейчас с ней и... – Она вновь подняла голову и спросила у Катерины: – Хорошо. Ты сейчас все о Наташке знаешь. И знаешь наверняка. Так скажи тогда нам, только честно: можно ей теперь доверять?

Немного помолчав, Катерина тихо ответила: – Ей – да. А вот сможет ли теперь кому-нибудь доверять она – это вопрос.

Вздохнул, опустив голову, и без того вновь примолкший Иван. И сказал вдруг тихо, будто себе самому, но так, что услышали все:

– Я докажу... Докажу, что я не такой. Что мне можно доверять. И что я могу... что могу учиться сам, без этой... Я докажу.

Впереди наконец показалась дорога. А рядом, в кустах, поблескивала желтой с серебристыми искрами эмалью иномарка.

Папа остановился и обвел взглядом насупившихся ребят.

– Вот что я вам скажу перед тем, как мы отсюда уедем, – немного подумав, произнес он. – Очень давно, и отнюдь не мной сказано: не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. И что на ошибках учатся. А также, что друзья познаются в беде. Можно и еще много подобных изречений вспомнить. Но когда их слышишь просто так, то слова и остаются лишь только словами. Чтобы их по-настоящему понять и прочувствовать, нужно самому через это пройти. Что вам, кому больше, кому чуть меньше, сделать как раз и привелось. И я хочу, чтобы вы из всей этой истории вынесли главное... Во-первых, что не бывает ничего абсолютно белого и ничего абсолютно черного...

– А Кутияна?! – не удержалась Катя. – Разве она не абсолютно черная?

– Разумеется, нет! Она спасала свою развоплощенную ипостась, прекрасно понимая, что ей за это грозит. С нашей точки зрения этот поступок тоже выкрашен черным, а какого цвета он казался той, кому она собиралась помочь обрести тело?.. Отсюда – во-вторых. А именно, никогда не суди никого, не побывав на его месте, не зная истинной причины его поступков. Зачастую то, что кажется черным, оказывается белым и наоборот, условно, конечно, поскольку, как я уже говорил, ничего абсолютно белого и черного нет, так что истина, зачастую, и вовсе выглядит невзрачной и серой, отчего ее так трудно и бывает найти. В-третьих, ребята, дорожите дружбой. Ценнее ее мало что есть на свете. Если, конечно, дружба настоящая. А свою вы сегодня как раз и проверили. Есть еще, конечно, и в-четвертых, и в-пятых, и в-шестых, но, я надеюсь, вы и сами нужные выводы еще сделаете, не сейчас – так чуть позже. Я лишь одно еще хочу вам сказать: учитесь прощать. Да, это бывает невероятно трудно сделать, особенно в юности, поэтому я и уточнил: учитесь. Понимать и прощать. Поверьте мне, это очень важно. А теперь – поехали! – Он взмахнул руками, и ребята, кроме двух Кать, внезапно увидев перед собой автомобиль, невольно ахнули. – Правда, придется слегка потесниться, мест в автомобиле меньше, чем нас с вами.

– В тесноте – не в обиде! – сказал кто-то, и Катя увидела, как в папиных глазах отразились вдруг от эмали машины искорки серебристой пылицы.

Глава двадцать пятая, которая хоть и завершает повесть, все же не расставляет всех точек

В машине Катя села на переднее сиденье, рядом с папой. Сзади нее устроилась Катерина-Наташка. Возле нее сел Лешка, потом Иван, а слева от него разместились Ирина. В общем-то ребятам даже не особо пришлось тесниться – все-таки они были еще подростками, да и автомобиль был весьма просторным.

Мальчишки и девчонки, включая обеих ведьмочек, снова примолкли. Молчал и папа, размышляя о чем-то своем, судя по выражению лица – не очень веселом.

Кате эта гнетущая тишина быстро надоела.

– А давайте поиграем? – предложила она. – Как у меня на дне рождения.

Идея понравилась всем. Вот только ни у кого не было бумаги. Игра так бы и закончилась, не начавшись, если бы не оторвался от своих дум папа.

– Что? – спросил он. – Вам нужна бумага? У меня есть записная книжка.

– Там листочки слишком маленькие, – засомневалась Катя.

– А мы по чуть-чуть напишем, – сказал Лешка, – каждый по две строчки.

– Ну, давайте попробуем. – Катя взяла у папы книжку, вырвала из нее листок и сказала: – Я начну, ладно? – Увидев, что все закивали, она повернулась к «сестренке»: – Ты про Наташу не забудь, дай ей тоже поучаствовать.

– Ей, пожалуй, не дашь! – хмыкнула Катерина. – Уже от нетерпения прыгает.

– А о чем будем писать? – спросила Ирка. – На какую тему.

– Давайте напишем, кто о чем хочет, – подумав, сказала Катя. – Так даже интересней должно получиться.

Никто на это не возразил, и она написала первую строчку, свернула листок и передала его назад. Вскоре он снова вернулся к ней, и Катя дописала финальную строчку.

– Как-то быстро... – с сожалением вздохнула она.

– А кто тебе мешал *сделать* большой лист? – усмехнулся вдруг папа.
– Ой, и правда, – засмеялась Катя. – Я все еще не могу к этому привыкнуть, вот и забываю постоянно.
– Ладно, – нетерпеливо сказали с заднего сиденья, – написали уже! Читай скорей.
Катя кивнула, развернула бумажку и, с выражением и чувством, стала декламировать:

*Мы Кутияну победили!
Хочу я, чтоб меня простили.
Впредь всем не стану доверять...
Да, дружбу больно проверять
И на изгиб, и на излом.
Бороться буду я со злом,
Из бед друзей своих спасать!
Я все равно хочу летать,
И, обещаю, полечу!
А я еще чуть-чуть хочу
И приключений, и чудес.
Теперь я стала ведьмой, уес!*

Никто из ребят даже не улыбнулся. Получилось и впрямь совсем не смешно. И кто именно какие строки написал, тоже было ясно сразу, можно даже было не смотреть, кто за кем сидит следующим.

– А ты на самом деле рада, что стала ведьмой? – спросила вдруг у Кати Ирина.

Катя почувствовала, как четыре пары глаз выжидающе уставились ей в затылок. Даже папа, по-прежнему глядя вперед, на дорогу, исподволь косил на нее краем глаза.

Она задумалась. А ведь и впрямь, рада ли она этому? Не лучше ли и впредь было оставаться обычной, беззаботной девочкой? Спокойно жить, ходить в школу, слушаться родителей, мечтать вырасти и стать известной артисткой или, на худой конец, писательницей? А вместо этого теперь – опасности, тревоги, суета, одни сплошные проблемы! И сколько их еще впереди – неизвестно. Но, с другой стороны, что ей больше по душе: безмятежный покой или стремительный полет в полную приключений и опасностей неизвестность? И разве смогла бы она по-настоящему узнать своих прежних друзей и обрести столько новых, если бы все оставалось по-прежнему? Если бы ей предложили сейчас все вернуть, стереть память о событиях этой волшебной недели, разве бы она согласилась? Ну, конечно же, нет!

Она так и ответила, почти выкрикнула:

– Нет! – и тут же поправилась: – То есть, конечно же, да! Конечно же, я этому рада.
– Вот и я тоже хочу стать ведьмой, – вздохнула Ирка.
– Ты?.. – поразилась Катя и услышала вдруг, как тихо пробормотала Катерина:
– Я тоже хочу...

Катя недоуменно повернулась к «сестренке», и лишь тогда до нее дошло, что это были слова не Катерины, а Наташи.

– Но зачем это вам? – воскликнула Катя.

– А тебе зачем? – прищурилась Ирка. – Мне это интересно. Мне теперь скучно будет жить просто так.

– А я хочу стать стражницей, – сказала Наташка. – Чтобы никаких кутиян никогда больше не было. Как жаль, что это невозможно!

– Ну почему... – начал вдруг папа, но, досадливо нахмурившись и сжав губы, тут же замолчал.

– Что? – подалась вперед Ира. – Что вы хотели сказать?..

– Я хотел сказать, что можно нескучно жить, и будучи обычным человеком. Все зависит от вас самих.

– Нет, вы не это хотели сказать! – воскликнула Наташа. – Пожалуйста, скажите!

Папа опять сморщился от досады, укоряя себя, видимо, за оплошность, но потом все же неохотно произнес:

– Вы обе при желании можете стать ведьмами... В принципе, любой, при большом желании, может, но вы особенно. С вашим сознанием соприкасались мистические сущности, а значит в вас, так сказать, сидят теперь некие зернышки, и если их, образно выражаясь, тщательно поливать и ухаживать за ростками, то...

– Я буду, буду поливать! – торжественно завопила Ирка.

– Я тоже!.. – задохнулась от радости Наташка. – А вы возьмете меня в свою Стражу? – с надеждой посмотрела она на папу.

– Эх, и зачем я вам это сказал?.. – покачал головой папа. И буркнул: – Посмотрим. Вы думаете так просто стать мистиком, если родился человеком?

– Настоящим человеком тоже стать не так уж легко, – буркнул на это Иван Митрофанов, и папа, ничего не сказав, обернулся и бросил на мальчика полный уважения взгляд.

К Красоткину они подъехали, когда солнце уже начинало садиться. Папа развез по домам Ирину и мальчишек, а потом, остановившись возле Наташкиного дома, внимательно посмотрел на Катерину:

– Ты готова? Или все-таки придумаем что-нибудь другое?

– Готова. Вы не волнуйтесь, все будет в порядке. Комар носа не подточит! Я все *управление* Наташке отдам, сама только внешность буду поддерживать.

– Позвони нам потом, как все пройдет, – попросил папа.

– Я лучше к вам приду, можно?

– Почему же нет? Приходи, – кивнул папа, а Катя воскликнула:

– Обязательно приходи! Я по тебе соскучилась. Нам столько всего обговорить нужно!..

– Лады, – уже в облике Натальи мягко хлопнула дверцей Катерина и скрылась за дверями подъезда.

Катя наконец-то осталась с папой наедине. Но главный вопрос, который Катя давно собиралась ему задать, почему-то никак не хотел срываться с языка. И неожиданно для себя Катя спросила совсем другое:

– А почему наша фамилия Юлаевы? Разве у мистиков бывают фамилии?

– Ну, когда я живу среди людей, мне ведь нужна фамилия. Вот я и придумал такую, по первым буквам имен трех наших великих героинь – Юлии, Людмилы и Анны. В мистическом мире об этих красавицах-ведьмах стали слагать легенды, когда те победили трех ужасных чудовищ, извергнутых из зловонных недр кошмарного ада Когормекомы: Колока, Аркатрана и Препрожелта, угрожавших их тихой и мирной стране – Фирмиксу.

– А почему у этих ведьм такие человеческие имена?

– Потому что они сначала и были людьми. Пока не постигли секретов великого мистического учения – Одэса. С его помощью они и сумели одолеть чудовищ, а заодно стали настоящими ведьмами.

– Ты тоже владеешь этим учением?

– Увы, это дано не каждому. Но вот если бы...

И тут Катя наконец-то решила и, перебив папу, выпалила:

– Мама знает?

Судя по вмиг изменившемуся лицу, папа сразу понял суть вопроса. Но все-таки начал довольно уклончиво.

– Смотря что ты имеешь в виду, – сказал он. – О том, кто я такой – да. Насчет тебя – кое-что, думаю, тоже. Это ведь она мне обо всем сообщила.

– Она?! – вытаращила глаза Катя. – Мама, что, тоже... ведьма?..

– Видишь ли, Катя, – сосредоточенно стал глядеть вперед папа, – тут все не столь однозначно. Ты ведь знаешь, кем была мамина бабушка?

– Прабабушка Анна? Знаю. Ведьмой. Я с ней недавно встречалась.

– Вот как? – на миг оторвал папа взгляд от дороги. – Тогда тем более. Тогда ты должна и сама догадаться, что у мамы не может не быть этих задатков. Другое дело, что она не захотела их развивать. Точнее, бабушка и запретила ей это делать. Она и свою дочь, мамину маму, твою бабушку, воспитала обычным человеком, и когда увидела, кем может стать наша мама, приложила все усилия, чтобы этого не случилось. И она была вне себя, когда мы с мамой встретились и полюбили друг друга. Она была готова убить меня, лишь бы я не стал маминым

мужем. Лишь когда я твердо пообещал ей, что против маминой воли ни во что не стану ее втягивать, бабушка Анна немного успокоилась.

– Она и папу Катерины из-за этого так ненавидит?

– Конечно. Мы же с ним – одна сущность.

– Но почему она так против этого?

– Кто ее знает! – раздраженно дернул плечами папа. – Может, ее кто-нибудь из мистиков сильно обидел. А может, она сама кого-то обидела и боялась, что за это станут мстить ее родственникам. В последнее несложно поверить, характерец у твоей прабабушки был – о-го-го!.. Впрочем, некрасиво обсуждать кого-либо за глаза. И насчет мамы – давай лучше у самой мамы и спросим.

А когда они наконец зашли домой, и закончились первые объятия и поцелуи, мама, отстранившись от них, подбоченилась и нахмурилась:

– Можете ничего не сочинять, я все знаю.

– Откуда?! – дуэтом воскликнули Катя и папа.

– Оттуда же, откуда я узнала про все это вообще! – крутанула мама в воздухе ладонью.

– А откуда ты узнала про все это? – поинтересовалась Катя.

– Есть хотите? – внезапно смягчилась мама, и увидев, как в ответ ей активно закивали, улыбнулась: – Тогда мыть руки – и за стол. А там и поговорим.

За ужином мама рассказала, что стала подозревать неладное еще после Катиного стихотворения. Очень уж было похоже, что его писали двое. Про Катипапа и Катерину она, конечно же, знала, хоть и никогда их не видела, и тогда про них в первый раз и вспомнила. Но поскольку Катин папа обещал ей, что ни в какие мистические дела впутывать дочку не станет, она в тот раз успокоила себя тем, что у Кати просто переходный возраст.

– Я не мог ему отказать! – не выдержал и прервал папа мамин рассказ. – Тем более, я прекрасно знал, к чему все шло. Обеим Катям, как мы полагали, ничего не должно было угрожать. А вот если бы мы этого не сделали, и у Кутияны бы все получилось...

– Можно подумать, от того, что сделали вы, стало лучше! Они «полагали», скажите на милость! Дополагались!.. Пока вы всего этого не затеяли с Катями, обе девочки были в безопасности.

– Не надо так, – мягко сказал папа и положил ладонь на мамину руку. – Ты ведь не можешь знать, как оно было бы.

– Ладно, прости, – второй рукой погладила его ладонь мама. – Просто я очень изнервничалась. Первое по-настоящему серьезное беспокойство появилось у меня, когда начались эти непонятки с Ириной и ее мамой...

И мама рассказала, что она сделала, когда ребята убежали к внезапно «заболевшей» подруге. В общем-то, делать она тогда ничего не собиралась, просто сильно встревожилась от нехорошего предчувствия. Чтобы отвлечься, она решила прибраться в Катиной комнате и, вытирая пыль на шкафу, обнаружила там «Энциклопедию оккультизма и мистики». Эта находка превратила ее подозрения в уверенность. А потом ей попался на глаза подарок Павла – зеркало, и она подумала, что неплохо было бы погадать. Только она не знала, как это делается, но, раскрыв «Энциклопедию», нашла соответствующие «инструкции». Как ни удивительно, но у нее все получилось! В зеркале она увидела бабушку Анну, которая все ей и рассказала.

– Тогда-то я и позвонила тебе, – нежно посмотрела она на папу.

– Так ты все знала, когда я приходила домой в Ирином теле?.. – ахнула Катя. – И ничего не сказала? И... отпустила меня?..

– Конечно, знала, – улыбнулась мама. – Но как я могла тебя не отпустить? Все уже зашло слишком далеко. В любом случае, нужно было спасти Екатерину, да и тебе не навечно же было оставаться в чужом теле! А говорить я ничего не стала, чтобы не вносить лишнюю сумятицу, не отвлекать тебя от главного. И я очень горжусь тобой – ты замечательно справилась!

– Да разве ж только я! – подскочила Катя. – Я почти ничего и не сделала. А вот ребята!.. Если бы ты знала, что сделал Лешка Безбородов! А Наташка!..

– Я все знаю, – опять улыбнулась мама.

– Откуда?..

– А я продолжала общаться с бабушкой. Она ведь все время была там, рядом с вами. И она просила передать, что тоже тобой гордится. Но... – мама тревожно вдруг глянула на папу. Тот сразу напрягся:

– Что?

– Она сказала, что в *высшем* мире встревожены всем этим.

– Но им же нет никакого дела до нас! Чего им тревожиться?

– Видимо, на сей раз это каким-то образом касается и их тоже. Напоследок бабушка сказала, что ничего еще не кончилось, что все еще только начинается.

– Посмотрим, – нахмурился папа.

Он что-то хотел добавить еще, но как раз тут в прихожей раздался звонок. Пришла Катерина. Мама вышла к ней навстречу.

– Дай хоть я на тебя наконец-то посмотрю, – сказала она, разглядывая ведьмочку. – Это ж подумать только – одно лицо!

– В каком смысле?.. – изумленно заморгала Катерина. – Я ведь...

– ...приняла облик Наташи? – закончила за нее мама и рассмеялась. – Так ты же, небось, заклятие *для людей* делала?

У Катерины отвисла челюсть. Смотреть в тот момент на ведьмочку было одно удовольствие! Едва сдерживая смех, Катя потащила «сестренку» в свою комнату:

– Сейчас я тебе все расскажу! Пойдем, пусть они вдвоем побудут.

Катерина, внимательно выслушав Катин рассказ, воинственно вздернула голову:

– Значит, говоришь, все только начинается? Ну что ж, еще повоюем!

– Меня тоже возьмите! – пискнула Наташка.

– Тоже мне, вояки, – засмеялась Катя.

– А что? – подбоченилась Катерина. – Вот увидишь, я еще Верховной Правительницей стану! – Но тут вдруг в глазах будущей Верховной Правительницы вспыхнул огонек любопытства, и она снова стала тринадцатилетней девчонкой: – Слушай, мы же твои подарки вчера так и не успели посмотреть!

Катя достала все пакеты и свертки, а Катерина стала их один за другим вскрывать и разворачивать. Быстро покончив с этим, ведьмочка разочарованно захлопала ресницами, а потом вдруг схватилась за живот и принялась хохотать.

– Ты чего? – удивилась Катя. – Чего ржешь-то?..

– А ведь я не просто ведьма, – вытирая выступившие от смеха слезы, сказала «сестренка», – я еще и предсказательница. Ведь я угадала! Помнишь, что я написала в нашем стихотворении? «А в подарках – только книжки и потрепанный букет...» И вот, полюбуясь, повела она рукой над распакованными подарками.

– Ну, букет от твоего папы был вовсе не потрепанный, – хмыкнула Катя. – К тому же, я тоже тогда написала правильно, как в воду глядела: «Да, девчонки и мальчишки, вы друзья нам, спору нет!»

Крыть Катерине было нечем. «Сестренки» впервые в своей жизни обнялись и радостно засмеялись от счастья.

«А ведь перевоспитание удалось, – подумала Катя. – Она все-таки перестала гыгыкать».

Благодарности

Выражаю признательность всем, поддержавшим проект «Перевоспитание» на краудфандинговой площадке Вадима Нестерова <http://sbor-nik.ru>.

Особая благодарность следующим участникам проекта: Konstantin Ananich, Илья Алехин, Владимир Щербаков, SauriFaith, Тутси, pupper, ladysineglazka, Vlad-Drakula, Данил Овчаренко, Maria_neu, Сергеевич, Leks, Oks, Gektor, Глюка, Мономах, more, Погос Юнтол, Великое Нечто, Игорь Панасенко, Сергей Овчинников, Great Justice, Муратова.

*Искренне ваш,
Андрей Буторин*